

Сопоставительные исследования 2014

**Центрально-Черноземное региональное отделение Научно-
Методического Совета по иностранным языкам
Министерства образования и науки РФ
Воронежский государственный университет
Факультет романо-германской филологии
Кафедра английского языка
естественно-научных факультетов**

Сопоставительные исследования 2014

**Продолжающееся
научное издание**

Выпуск 11.

**Воронеж
2014**

УДК 81'1.001

Сопоставительные исследования 2014 – Воронеж: Истоки, 2014. – 136 с.
ISBN

Предлагаемый межвузовский сборник научных трудов является одиннадцатым в серии ежегодных публикаций кафедры английского языка естественно-научных факультетов факультета романо-германской филологии ВГУ, посвященных проблемам сопоставительных исследований. Материалы, включенные в сборник, выполнены в русле исследований теоретико-лингвистической школы Воронежского госуниверситета.

Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов, научных работников.

Редакционная коллегия:

проф. А.П. Бабушкин, проф. В.Б. Гольдберг, проф. И.А. Стернин,
проф. М.А. Стернина, проф. В.М. Топорова, проф. О.Н. Чарыкова,
доц. Н.М. Шишкина

Научный редактор – М.А. Стернина

Компьютерная верстка, оригинал-макет – М.А. Стернина

© Коллектив авторов, 2014
© Издательство «Истоки», 2014

ISBN

Раздел 1.

Теоретические проблемы сопоставительных исследований

М.А. Стернина, И.А. Стернин

Национальная специфика семантики и сопоставительно-параметрический метод ее исследования

В самом общем виде *национальная специфика семантики* какой-либо лексической единицы – это ее отличие по значению от сходных по семантике единиц языка сравнения.

Из такого понимания национальной специфики следует ряд важных методологических выводов.

1. Национальная специфика значения единицы какого-либо языка выявляется только при сопоставлении с другим конкретным языком и является таковой только по отношению к данному конкретному языку.

Например, немецкое слово Mädchen «лицо женского пола от рождения до замужества» обладает национальной спецификой семантики относительно русского языка, так как его соответствием являются два слова, каждое из которых семантически отличается от немецкого:

девочка – «лицо женского пола от рождения до достижения половой зрелости»;

девушка – «лицо женского пола от достижения половой зрелости до замужества».

Однако данное слово не обладает национальной спецификой относительно английского языка (ср. girl).

2. Национальная специфика семантики лексической единицы языка А относительно языка В не совпадает с национальной спецификой единицы языка В относительно языка А.

Так, сопоставляя значения слов девочка и Mädchen, мы описываем в качестве национальной специфики семантики немецкого слова наличие дифференциальной семы «от рождения до замужества», а в качестве национальной специфики русского – «от рождения до достижения половой зрелости». Таким образом, описание национальной специфики лексемы русского языка относительно немецкого предполагает выделение и описание иных семантических компонентов, нежели описание национальной специфики лексемы немецкого языка относительно русского.

3. В связи со сказанным выше целесообразно осуществлять одновременное описание национальной специфики семантики только

одного языка, второй при этом выступает как зеркало, отражающее национальную специфику первого, как фон описания.

На уровне макрокомпонентов значения возможно проявление денотативной, коннотативной и структурно-языковой национальной специфики значения слова.

Денотативная специфика значения проявляется в несовпадении денотативных сем. Отсутствием или несовпадением признаков предмета обусловлена денотативная национальная специфика значений следующих слов: рус. фрикаделька – «шарик из рубленного мяса, *сваренный* в бульоне», нем. Frikadelle – «жареная котлетка, тефтелька»; рус. чай «без молока», англ. tee — «с молоком»; рус. совершеннолетний – «с 18 лет», фр. majeur – «с 21 года».

Специфическим проявлением денотативной специфики слова можно считать национальные особенности символического употребления отдельных лексических единиц в разных языках. В силу определенных культурно-исторических причин некоторые предметы и явления в жизни народа приобретают символический смысл, что отражается и в семантике, и употреблении называющих их слов. Символизация слова может быть связана с народными традициями, фольклором, религией, суевериями, обрядами и т.д. Эти компоненты обычно являются периферийными для денотативного макрокомпонента значения, но часто – весьма яркими и ложатся в основу формирования переносных значений.

К примеру, *береза* для русского сознания – символ нежности, женственности, чистоты, символ России; в Норвегии же береза – символ стойкости, выносливости. В немецком это символ весны, в английском языке данное слово символического значения не имеет, а для Латинской Америки или Африки это слово означает экзотическую чужеземную реалию.

Слово *кари* не является символизированным в европейских языках, но выступает как символ мужества и стойкости для японца (кари идет против течения).

Папоротник у русских ассоциируется со смертью, могилой, а у японцев – с пожеланием удачи в новом году; у поляков папоротник ассоциируется с понятием счастья.

Слово *соловей* для русских и немцев – символ любви, весны, нежности; данное символическое значение отсутствует у англичан, а в Америке, например, соловьи не водятся вообще, там это слово является экзотизмом.

Во многих случаях символизированы цветочные прилагательные. В Чили, Панаме и ряде других стран зеленый цвет символизирует надежду, доброе предзнаменование, наступающее утро. В США это символ удачи, преуспевания (цвет долларовой банкноты), башкиры связывают зеленый цвет с понятием благородства.

Желтый цвет у русских ассоциируется с изменой, а у немцев – с завистью.

Черный цвет обычно выступает как символ дурного, плохого, как цвет траура, белый – как цвет чистоты, невинности, радости, праздничности; однако известно, что в Японии, например, цвет траура – белый. У народов Экваториальной Африки противопоставление белого как добра и черного как зла отсутствует и т. д.

Денотативная специфика проявляется и в различиях обобщенных наглядных представлений о предметах, входящих в значения многих слов в разных языках (ранее этот компонент значения был назван нами эмпирическим компонентом – Стернин 1979, с.129-143). Эмпирический компонент входит как отдельная составляющая в денотативный компонент значения; он бывает отражен в толковых словарях иллюстрированного типа в виде рисунков, национальный характер многих из которых однозначно свидетельствует о национально-культурной специфичности эмпирических компонентов значений слов.

Проявлением денотативной специфики значения является и национальная специфика внутренней формы слов. Внутренняя форма слова отражает некоторый признак действительности, избранный в свое время говорящим коллективом как основание для номинации. Этот признак также входит в денотативный компонент значения, поскольку связан с отражением денотата слова в сознании.

При межъязыковом сопоставлении выясняется, что внутренняя форма многих сопоставимых лексических единиц в разных языках различается. Так, небольшой плоский мужской галстук русские называют бабочкой, а немцы уподобляют его мухе (Fliege). Яичница, называемая в русском языке *глазунья*, у немцев называется *Spiegelei*, т.е. она напоминает им не глаза, а зеркало и т.д. Слову со стертой внутренней формой (*варежки*) может соответствовать слово с ясной внутренней формой (*Handschuhe*).

Коннотативная специфика – это специфика эмоционального и оценочного содержания слова. Она отражает возможность различного эмоционального и оценочного отношения к одному денотату в условиях разных национальных культур. Коннотативная специфика значения проявляется не только в несовпадении эмоциональных и оценочных компонентов в сопоставляемых единицах двух языков, но и в наличии той или иной эмоции или оценки в единице одного языка при ее отсутствии в единице языка сопоставления. Например:

- умница (одобр.) – Schlauberger (шутл.)
- ухажер (шутл./ирон.) – verehrer (неоцен.)
- береза (полож.-эмоц.) – Birke (неэмоц.)
- сделка (преимуш. неодобр.) – Abkommen (неоцен.)

Структурно-языковая национальная специфика отражает различия между единицами двух языков, связанные с исторически сложившимся местом единиц в системах своих языков. Это особенности слова как единицы национальной системы языка вне связи с отношением слова к действительности, сознанию, эмоционально-оценочному механизму мышления.

Структурно-языковая специфика может проявляться в следующем:

- *Не совпадают лексико-грамматические признаки слов:*

обувь – собирательное, Schuhe – не собирательное

часы – только мн. ч., Uhr – ед. и мн. ч.

ребенок – только ед. ч., Kind – ед. и мн. ч.

работник – ед. и мн. ч., Beschäftigte – только мн. ч.

картофель – только ед. ч., Kartoffel – ед. и мн. ч.

- *Не совпадает сочетаемость единиц:*

обувь – свободная сочетаемость, Schuhwerk – только со словами, обозначающими качество;

работник – свободная сочетаемость, Kraft – преимущественно с качественными прилагательными;

человек – свободная сочетаемость, Mensch – преимущественно с неопределенными числительными, Mann – преимущественно при обозначении определенного количества людей как совокупности.

- *Не совпадают функциональные семы:*

функционально-стилистические (*лицо* – межстил., Antlitz – высок.);

функционально-социальные (*центрифуга* – спец., Schleuder – общепотр.);

функционально-территориальные (*проспект* – общераспр., Prospekt – в России);

функционально-частотные (*бокал* – употр., Pokal – малоупотреб.),

функционально-темпоральные (Schwägerin – общепотр., *свояченица* – устарев., *адвокат* – совр., Advokat – устарев.).

Национальная специфика семантики может изучаться на уровне лексических единиц (их отдельных сем, отдельных макрокомпонентов значения и на уровне слова в целом), а также на уровне лексических группировок (синонимических рядов, лексико-семантических групп, тематических групп, лексико-семантических полей, лексико-фразеологических полей).

Сопоставляться может любой язык с любым другим, сопоставление может проводиться в рамках сравнительного или контрастивного подхода, как от одного языка к другому, так и двух языков друг с другом. При этом

главным моментом для выявления национальной специфики является выработка объективных критериев ее определения. Отметим, что вплоть до недавнего времени подобных объективных критериев выявления национальной специфики семантики не существовало, исследователи лишь констатировали национальные различия, давая им чисто субъективные характеристики: *большие/небольшие; выраженные/невыраженные* и т.д.

Объективные основания для характеристики национально-специфических различий появились в результате становления и развития в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы сопоставительно-параметрического метода исследований, суть которого заключается в разработке и использовании формализованных параметров описания языковых явлений (Стернина, Стернин 2011а, 2011б). Характеристика того или иного языкового явления по соответствующему параметру в рамках сопоставительно-параметрического метода выражается в виде определенного индекса, представленного в абсолютных числах или процентах.

На данный момент в рамках сопоставительно-параметрического метода в лингвистический обиход введено в общей сложности около 150 индексов, а также разработано шесть шкал, позволяющих качественно интерпретировать полученные с помощью формализованных параметров количественные результаты. Данные шкалы дают возможность объективно оценить степень проявления национально-специфических различий как семантем, так и лексических группировок.

Так, с помощью предложенной С.В. Колтаковой (Колтакова 2008) и дополненной С.И. Деркач (Деркач 2011) шкалы определения степени проявления национальной специфики лексических группировок по отдельным параметрам в зависимости от конкретных значений индексов национально-специфические различия характеризуются как *несущественные, видимые, заметные, существенные, гиперсущественные и сверхгиперсущественные*.

На основании полученных характеристик при помощи предложенной С.В. Колтаковой (Колтакова 2008) и дополненной С.И. Деркач (Деркач 2011) и С.Н. Черниковой (Черникова 2013) шкалы выраженности национальной специфики лексических группировок представилось возможным сделать объективный вывод о степени выраженности национальной специфики лексических группировок в целом. В частности, если преобладают *несущественные* и *видимые* различия, национальная специфика признается **неярко выраженной**, при преобладании *видимых* и *существенных*, либо *видимых* и *заметных* различий национальная специфика характеризуется как **умеренно выраженная**, в случае превалирования *заметных* и *существенных* различий степень выраженности национальной специфики определяется как **ярко**

выраженная, при доминировании *гипер-* и *сверхгиперсущественных* различий национальная специфика признается **гипервыраженной**.

Проведенные под нашим руководством исследования показали, что тематические группы «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках демонстрируют **ярко выраженную** национальную специфику (Колтакова 2008), а национальная специфика тематических групп «Политика» в русском и английском языках в целом может быть признана **умеренно выраженной** (Деркач 2011). Таким образом, разработанные в рамках сопоставительно-параметрического метода формализованные параметры и шкалы дают возможность сделать объективные выводы о характере проявления национальной специфики лексических группировок.

Точно также с помощью сопоставительно-параметрического метода стало возможным определять и степень выраженности национальной специфики семантем. В рамках данного метода для этого используются предложенная Н.А. Портнихиной (Портнихина 2011) и дополненная Л.А. Кривенко (Кривенко 2013) *шкала степени проявления национальной специфики семантического развития лексем*. Данная шкала базируется на значениях интегрального индекса национально-специфических различий семантического развития сопоставимых лексем, вычисляемого как среднее арифметическое представленной в процентах разницы в показателях значений всех формализованных параметров, использованных для определения национальной специфики семантического развития сопоставимых лексем. Согласно шкале, при значении индекса, равном 0, признается **отсутствие национально-специфических различий**, при показателях интегрального индекса в пределах от 0,1% до 10%, национально-специфические различия определяются как **заметные**. Если показатель данного индекса варьируется от 10,1% до 30%, различия квалифицируются как **яркие**, при значении индекса от 30,1% до 50% – как **значительные**, а при показателях интегрального индекса, больших 50%, национально-специфические различия квалифицируются как **существенные**.

В выполненном под нашим руководством диссертационном исследовании Л.А. Кривенко (Кривенко 2013) данная шкала была использована для определения степени проявления национально-специфических различий семантем наиболее частотных субстантивных лексем русского и английского языков по отдельным аспектам: аспекту развития лексической полисемии, аспекту развития лексико-грамматической полисемии, аспекту коммуникативной релевантности, а для сопоставимых лексем – и по аспекту семемной представленности семантем.

Проведенный анализ национальной специфики семантем показал, что по каждому из первых трех аспектов национальная специфика может быть признана *яркой*, по аспекту же семемной представленности семантем

национально-специфические различия *отсутствуют* у пяти пар сопоставимых лексем, *яркие* национально-специфические различия выявлены у 15 пар лексем, *значительные* – у 13 пар, *существенные* – у пяти пар.

Для определения национально-специфических различий семантем в целом Л.А. Кривенко введен *средний интегральный индекс национально-специфических различий*, вычисляемый как среднее арифметическое показателей всех интегральных индексов, используемых для характеристики семантем и предложена **шкала выраженности национальной специфики семантем** (Кривенко 2013), согласно которой, в зависимости от показателей среднего интегрального индекса, национально-специфических различий, национальная специфика семантем признается **неярко выраженной, умеренно выраженной, ярко выраженной, гипервыраженной и сверхгипервыраженной**.

Проведенное исследование показало, что в целом, исходя из показателя среднего интегрального индекса национально-специфических различий (24,5%), национальная специфика наиболее частотных субстантивных лексем русского и английского языков является **ярко выраженной**.

Аналогичное исследование национальной специфики семантем наиболее частотных глагольных лексем русского и английского языков, выполненное под нашим руководством И.Н. Никитиной (Никитина 2013) показало, что по аспекту развития лексической полисемии и аспекту коммуникативной релевантности национальная специфика семантем рассмотренных лексем может квалифицироваться как *умеренно выраженная*, по аспекту развития лексико-грамматической полисемии национальная специфика оказалась *ярко выраженной*. Степень проявления национальной специфики проанализированных пар сопоставимых глагольных лексем также может быть квалифицирована как **ярко выраженная**.

На основании значения среднего интегрального индекса национально-специфических различий (19,4%) исследовательницей был сделан вывод, что в целом семантемы русских и английских наиболее частотных глагольных лексем характеризуются **умеренно выраженной** национальной спецификой.

Описанные и другие проведенные в рамках сопоставительно-параметрического метода исследования национальной специфики семантики подтверждают плодотворность и перспективность данного метода для выявления национальных особенностей семантического развития лексем и лексических группировок. Как показывает опыт лингвистических исследований, через систему представленных в виде индексов формализованных параметров и шкал сопоставительно-параметрический метод дает возможность лингвистам делать объективные,

основанные на цифровых показателях выводы о степени проявлении национальной специфики.

Данный метод предоставляет лингвистам неиссякаемые возможности для сопоставления отдельных языковых единиц и их группировок и выявления национальной специфики каждого из сопоставляемых языков по одинаковой объективной методике, что в перспективе даст возможность построения типологии национальной специфики языков.

Литература

1. Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставительно-параметрический метод: результаты и перспективы // ВЕСТНИК Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Научный журнал. – № 3. Том 7. Филология. – Санкт-Петербург, 2011. – С. 133-142.
2. Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований и возможность семантической типологии языков // ВЕСТНИК Воронежского государственного университета. Научный журнал. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж, 2011, № 2. – С. 131-135.
3. Колтакова С.В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук – Воронеж, 2008.
4. Деркач С.И. Аспекты национальной специфики языка (на материале тематических групп «Политика» в русском и английском языках): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
5. Черникова С.Н. Фразеологизмы, включающие наименования *природных комплексов* в русском и английском языках // Сопоставительные исследования 2013. – Воронеж, 2013. – С.87-97.
6. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. – Воронеж, 1979.
7. Портнихина Н.А. Национальная специфика семантического развития слова (на материале наименований природных явлений и небесных тел в русском и английском языках) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
8. Кривенко Л.А. Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2013.
9. Никитина И.Н. Национальная специфика семантем русской и английской глагольной лексики: автореф. дисс. ... канд. филол. наук.– Воронеж, 2013.

Национальная специфика языка и лингвокультурология

Язык называет то, что существует в культуре, а также сам развивается в рамках определенной национальной культуры. Это определяет возможность рассмотрения языка в тесной связи с культурой народа, и привело в последние десятилетия к формированию отдельного лингвистического направления – лингвокультурологии. Особенно важны лингвокультурные исследования для межкультурной коммуникации, поскольку они позволяют вскрыть причины многих недоразумений и повысить ее эффективность.

В реальности в научной практике наблюдается тенденция «приспособить» понятие *культура* к категориям и понятиям той науки, с точки зрения которой рассматриваются специфические особенности или различия тех или иных культур. В современной лингвистике это особенно явно ощущается в условиях возникновения такого научного направления как лингвокультурология.

Для практического лингвокультурологического анализа представляется важным разграничить *объяснительную* лингвистику и *описательную* лингвистику. Так, лексикология, семасиология, грамматика, фонология, психолингвистика, диалектология, сопоставительная и контрастивная лингвистика преимущественно представляют собой описательную лингвистику, цель которой – зафиксировать и систематизировать то, что есть в языке. *Описательная лингвистика* исследует и описывает систему языка и языковые нормы. *Объяснительная лингвистика* ищет объяснение тех или иных языковых явлений вне языка – в культуре, менталитете, концептосфере народа, в его быте и т.д. Социолингвистика, этнолингвистика, этимология, когнитивная лингвистика, лингвоконцептология преимущественно представляют собой объяснительную лингвистику. К объяснительному направлению, по нашему убеждению, относится и лингвокультурология.

Методологически принципиальным представляется то, что объяснительная лингвистика в науке всегда вторична, она возможна только на базе достижений описательной лингвистики и представляет собой ее дальнейшее углубление и развитие в избранном объяснительной наукой направлении. Данное положение чрезвычайно существенно для выявления и декодирования языковых национально-специфических различий, которые остаются не осознаваемыми при внутрикультурном общении, однако становятся очевидными в процессе контакта представителей разных культур.

Широкое распространение лингвокультурологических исследований, ставших даже модными на современном этапе развития лингвистики, постепенно привело к крайнему расширению понятия

лингвокультурологии, к включению в сферу лингвокультурологии многочисленных фактов, которые, с нашей точки зрения, мало связаны с культурой или вообще не связаны с ней, но, тем не менее, интерпретируются как лингвокультурные. Это, в свою очередь, приводит к тому, что во многих исследованиях, декларируемых как лингвокультурологические, возникает теоретическая эклектика, наблюдается некорректное обращение с терминами *культура*, *лингвокультура*, *лингвокультурная специфика*, а лингвокультурными объявляются языковые факты, не имеющие отношения к культуре как таковой.

В связи с этим некоторые базовые понятия лингвокультурологии на современном этапе требуют уточнения и дифференциации, что особенно оказывается актуальным для развития семной семасиологии и контрастивной лингвистики.

Бесспорным представляется то, что при выполнении исследования, позиционируемого как лингвокультурологическое, необходимо конкретизировать и эксплицитно обозначить в ходе исследования используемое данным научным направлением или отдельным исследователем понятие *культура*. При этом принципиально, чтобы используемое понятие *культура* было достаточно конкретным, а не всеобъемлющим как, например, такое: *культура* – «это все свойственные данному народу способы жизни и деятельности в мире, а также отношения между людьми (обычаи, ритуалы, особенности общения и т.д.) и способы понимания и преобразования мира» (Маслова 2010, с.16). Здесь воедино под понятием *культура* объединяются материальные способы жизнедеятельности, социальные ритуалы и особенности менталитета, а также такие неопределяемые понятия, как способы понимания и преобразования мира, под которыми вообще можно понимать что угодно.

Аналогично непродуктивно в лингвистике понимание *культуры* как «мира человека в противопоставлении миру природы» (НЭС, с.594), или как «общего отличия человеческой жизнедеятельности от биологических форм жизни» (ФЭС, с.292). Исходя из такого понимания *культуры*, мы должны признать, что вся языковая семантика отражает в этом смысле культуру народа, поскольку семантика языковых единиц носит отражательный характер, в таком случае предмет лингвокультурологии полностью совпадает с предметом семасиологии.

С другой стороны, понимание культуры в той или иной лингвокультурологической работе может быть обозначено весьма неопределенно, метафорически или в самом общем виде, через понятия типа «связано», «отражает», «воплощает» и под. Ср. «зона вариативности лексического значения *теснейшим образом связана* с общекультурными, социальными и религиозными представлениями языкового социума» (Беляевская 1987, с.59).; исследование явлений языка в пространстве

духовной культуры определяется выявлением и констатацией фактов «отражения в языковых текстах и в самих языковых средствах определенного культурного содержания, связанного с мировосприятием данного этноса / народа, ментальной категоризацией мира природы и общества, верованиями и / или верой» (Виноградов 2010, с.462).

С этими высказываниями – «значение теснейшим образом связано с культурой», «в значениях отражается культурное содержание» – невозможно не согласиться, это действительно так, но подобные утверждения на современном этапе уже не дают лингвистике никакого нового знания. «Теснейшая взаимосвязь» требует конкретного исследования и установления конкретных фактов связи языка и культуры, приведения конкретных, проверяемых доказательств связи языка и культуры.

Представляется вполне очевидным, что если принять в лингвистических исследованиях *предельно расширительное понимание культуры* (а так в большинстве лингвокультурологических работ и делается), то достаточно будет констатировать, что семантика языка целиком имеет культурную обусловленность, то есть отражает человеческую культуру, и предмета для исследования лингвиста в таком случае просто нет. Такой подход представляется нам в настоящее время уже пройденным этапом как лингвистики, так и лингвокультурологии. Понятие *культура* в лингвокультурологических исследованиях целесообразно конкретизировать и сузить, что позволит конкретно выявлять *культурную обусловленность семантики* языковых единиц при проведении вышеназванных исследований.

Одним из распространенных и, как представляется, практически применимых в лингвистическом исследовании подходов к определению культуры в настоящее время является рассмотрение её как «трехслойной» сущности: 1) верхний слой, наиболее явный и доступный чувственному восприятию, включает артефакты, другие материальные явления культуры, а также язык; 2) средний слой – нормы и ценности; 3) внутренний слой – базовые установки, послышки, убеждения, менталитет и т.д. (Касьянова 1994, с.89; Dahl 1998). Близок к такому пониманию к трактовке *культуры* и подход В.В. Журавлева, согласно которому «социокультурные явления существуют и развиваются в трех важнейших формах: духовной (различные элементы и состояния сознания), овеществленной (опредмеченные духовные явления) и институциональной (культурный аспект различных институтов общества)» (Журавлев 1998, с.58).

Таким образом, есть материальные проявления культуры (предметы, ритуалы) и ментальные проявления (идеи, понятия, ценности, правила, менталитет, литература и искусство).

Думается, что при исследовании проблем, связанных с национальной спецификой того или иного языка, предпочтительнее принять узкое

толкование *культуры*, понимая её как *культуру ментальную* – это ценности, принципы, нормы и правила, а также произведения литературы и искусства (художественная культура).

С нашей точки зрения, лингвокультурология должна иметь своим предметом именно ментальную культурную специфику (культурные концепты, явления художественной культуры), в то время как опредмеченная культурная специфика (материальные предметы, социальные институты, учреждения, должности и под.) будет относиться к сфере *лингвострановедения*, столь хорошо разработанного в отечественной лингвистической и методической традиции в трудах Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, Ю.Т. Листровой-Правды и др.

Подчеркнем, что очень часто при сопоставительных и контрастивных исследованиях наблюдается тенденция подводить под лингвокультурологическую всю выявляемую национальную специфику семантики.

Полагаем, что далеко не вся национальная специфика семантики языковых единиц, представляющая особый тип осмысления действительности в национальном сознании, может быть обусловлена отражением в семантике культуры того или иного народа. Придание отдельному слову статуса *культурного* или *ключевого* для данной лингвокультурной традиции нуждается в серьезном обосновании, в выявлении так называемых культурных доминант «через сопоставление ценностных суждений, которые вытекают из стереотипов поведения и зафиксированы в значениях слов, устойчивых выражениях, прецедентных текстах» (Карасик 1996, с.5).

Справедливо утверждение А. Вежбицкой, что «не все межъязыковые различия исследуются лингвокультурологией, ибо они не являются культурно-значимыми, т.е. не все различия в языках имеют культурно обусловленные причины и следствия» (Вежбицкая 2001, с.38).

Так, в семантике многих лексических и фразеологических единиц выявляются стилистические и шире – функционально-структурные различия, которые никак не обусловлены факторами культуры, специфичными для соответствующего народа. В то же время, согласно результатам нашего исследования, в семантике сопоставимых единиц разных языков фиксируются многочисленные тождественные семантические компоненты значения, которые отражают универсальные, общечеловеческие явления культуры, поскольку принадлежат не отдельно взятому народу, а являются достоянием человечества в целом.

Например, следующие фразеологические единицы русского языка и их переводные соответствия в английском языке дифференцируются по составу конституирующих их компонентов и по фразеологическому образу, то есть имеют национальную специфику семантики, однако выражают тождественные для двух культур ценностные культурные

ориентир, демонстрируя тем самым отсутствие культурологически значимых национальных различий: *вырос, а ума не скопил* \approx *better fed than taught* (откормлен, но не обучен) – о невоспитанном или необразованном человеке – *неодобрительное*; *так себе, ни то ни сё* \approx *betwixt and between* (между и между) – о человеке среднем, ничем не примечательном – *пренебрежительное*; *ум хорошо, а два – лучше* \approx *four eyes see more than two* (четыре глаза видят лучше, чем два) \sim [этим. лат. *Plus vident oculi quam oculus* – несколько глаз видят лучше, чем один] – о людях (ум, глаза), которые добьются успеха, объединив свои усилия; *притча во языцех* \approx *the talk of the town* (то, о чём или тот, о ком говорит весь город) – предмет всеобщих разговоров, постоянных пересудов и т.п.

Само утверждение о лингвокультурном характере конкретного языкового явления в любом случае должно быть доказано конкретными фактами конкретной культуры. При наличии таких доказательств данное явление становится лингвистическим фактом и дополняет описание национальной специфики языка, в противном случае – лингвокультурологические версии остаются гипотезами, не дающими лингвистике достоверного знания о языке.

Например, для жителей многих стран *снег* – это не просто вид атмосферных осадков, но и эталон белизны, с которым принято сравнивать другие белые предметы: белоснежные волосы, кожа, плечи; с белым цветом *жемчуга* ассоциируется белизна зубов; *мел* – тоже белый, но в сознании русскоязычных людей с ним обычно воспринимается по ассоциации цвет побледневшего лица, описывая которое также говорят: бледный как *полотно* или *смерть*. Англоязычные люди *бледное лицо* образно связывают со следующими предметами: *white as a sheet* (*полотно*), *as ashes* (*пепел*), *as death* (*смерть*), *as ghost* (*приведение*), *as the driven snow* (*выпавший снег*); при этом белоснежность метафорично описывают как *white as milk* (*молоко*), *as snow* (*снег*), *as wool* (*руно*).

Слова *щепка, спичка, спица* применяются в русском языке для образного описания худобы человека. Напротив, в семантике слов *иголка, соломинка, волосок, шило*, которые также обозначают вещи тонкие, не выявляется компонент, служащий для обозначения такого физического состояния человека, и образная потенция данных слов раскрывается во фразеологических сочетаниях с другими значениями: *на волоске* – в крайне опасном или ненадёжном состоянии; *не иголка* – трудно потерять; *шило в попе* – грубо, о вертлявом, непоседливом человеке, обычно ребенке; *утопающий хватается за соломинку*.

Подобная особенность значения слов свидетельствует о наличии у них образности, закреплённой в их семантике речевой практикой, однако не доказывает наличие у них национально-культурной специфики, поскольку никаких конкретных ритуалов либо ментальных фактов культуры, доказывающих это, привести невозможно.

В английском и русском языковом сознании ассоциации, связанные с описанием худого человека, ненадежного состояния, крайнего средства спасения, пустой траты времени и т.п. в некоторых случаях совпадают: *dry as a chip* (высохший как щепка), *by a hair / within a hair of* (на волосок), *a drowning man will catch at a straw* (утопающий хватается за соломинку), *look for a needle in a bottle of hay* (искать иголку в стоге сена).

В следующих фразеологических сочетаниях упомянутые английские лексические единицы ассоциируются с другими образами, отличными от тех, что существуют в русском национальном сознании: *not worth a straw* (не стоит и соломинки ~ гроша ломанного не стоит), *it is the last straw that breaks the camel's back* (последняя соломинка ломает спину верблюда ~ последняя капля, переполняющая чашу терпения), *sharp as a needle* (острый как игла = наблюдательный, проницательный, находчивый), *as thin as a lath* (худой как рейка), *as thin as a rail* (...как рейка, шпала), *as thin as a rake* (...как грабли), *as thin as a thread-paper* (...как полоска бумаги), *as thin as a whipping post* (...как столб позора).

Представляется, что подобные примеры, число которых может быть умножено многократно, никак не отражают различия культур, а отражают различие в коммуникативных потребностях народов, которые вызывают формирование тех или иных лексических дифференциаций или интеграций.

Почему возникли те или иные лексические дифференциации или интеграции, почему так или иначе символизируется то или иное явление – вопросы, которые обычно не могут быть решены однозначно, большинство объяснений находятся в сфере случайности, уходящей корнями во время первичной номинации предмета словом; особенно часто это может быть отнесено к детальности номинации той или иной сферы действительности (номинативной плотности лексических группировок), дифференциации номинативных средств языка, внутренней форме единиц, метафорам, символикe. Ср. словарное толкование фразеологического образа ФЕ *мышинный жеребчик*, которое более похоже на предположение или версию: «В образе фразеол. дошли до нас представления о неравных браках, являющихся одной из исторических традиций на Руси и отражающие определенные устои классового общества» (БФС, с.480). Ср. также словарное толкование фразеологического образа ФЕ *нет царя в голове*: «Образ фразеол. связан с древнейшими представлениями о бытии – небытии. С помощью компонента **нет** выражается смысл абсолютного отсутствия, несуществования кого-л., чего-л. Понятие, выражаемое словом **нет**, в русской культуре очень значимо, отсутствие чего-л. ощущается, является зримым и находит свое воплощение в вещной метафоре; ср. фразеол. *дырка от бублика, ноль без палочки, пустое место...* [там же].

Думается, что на современном этапе развития науки о языке уже совершенно недостаточно обобщенно констатировать, что данное явление

«очень значимо в культуре народа», «отражает особенности культуры народа» и т.п. – необходимо эксплицитно объяснить, какой культурный феномен, явление, факт национальной культуры отражает та или иная единица, ее значение или семантический компонент. Иными словами, для констатации факта национально-культурной специфики семантики языковых единиц необходимо эксплицитное выделение *лингвокультурно значимых сем* или *семем*, обусловленных **конкретными** фактами конкретной национальной культуры, феноменами, явлениями и процессами, которые имеют место или были когда-то зафиксированы в культуре того или иного народа.

В связи с этим считаем необходимым провести следующие разграничения:

Национальная специфика языка – особенности языка, отличающие его от других языков. Часть национальной специфики языка – **национальная специфика семантики** – представляет собой отражение неповторимости национальной действительности в семантике, что изучается контрастивной семасиологией с целью выявления национально-специфических макро- и микрокомпонентов значения, семем или лексем, и проявляется в виде: безэквивалентных лексем, семем, сем; денотативной семной специфики; коннотативной семной специфики; функциональной семной специфики.

Часть **национальной специфики семантики** – **национально-культурная специфика семантики языка**, наличие культурно обусловленных сем и семем. Соотношение целого и частного можно проиллюстрировать следующей схемой:

Национальная специфика языка	
Национальная специфика семантики языка	
Национально-культурная специфика семантики языка	
ментальная культурная специфика (ментальные образы, концепты, культурно обусловленные семемы, семы) – исследуется <i>лингвокультурологией</i>	опредмеченная культурная специфика (предметы, должности, социальные институты, вербализованные словами-реалиями) – исследуется <i>лингвострановедением</i>

Таким образом, любая *лингвокультурная специфика семантики языка* есть вид проявления *национальной специфики семантики*, но не любой факт проявления национальной специфики семантики является культурно обусловленным, имеет лингвокультурный характер.

Проведенные разграничения, как нам представляется, могут способствовать уточнению некоторых весьма важных положений лингвокультурологии, контрастивной лингвистики и семной семасиологии на современном этапе их развития.

Литература

1. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., 2010.
2. Новый энциклопедический словарь. – М., 2007.
3. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983.
4. Беляевская Е.Г. Семантика слова. – М., 1987.
5. Виноградов В.А. Языковая семантика в пространстве культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2010. – №4 (2).
6. Касьянова К. О русском национальном характере. – М., 1994.
7. Dahl S. Communications and Culture Transformation. Cultural Diversity, Globalization and Cultural Convergence. – Barcelona. June 1998, режим доступа: <http://www.stephweb.com/capstone/index.htm>
8. Журавлев В.В. Человек. Культура. Политика. – М., 1998.
9. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке. – Волгоград –Архангельск, 1996.
10. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М., 2001.
11. Большой фразеологический словарь русского языка. – М., 2006.

А.В. Книга

Денотативная общность лексем и выявление национальной специфики семантики слова (семемный и семный уровень)

Наличие национальной специфики семантики номинативных единиц разных языков – установленный в лингвистике факт, получивший теоретическое осмысление в рамках сопоставительной и контрастивной лингвистики. Национальная специфика семантики лексических единиц получает семемное и семное описание в переводных словарях, а также в контрастивных словарях разного типа, создаваемых с использованием методов и теоретического аппарата семной семасиологии.

Лексические единицы языка номинируют артефакты (предметы, изготовленные человеком), ментефакты (продукты сознания человека) и натурфакты (предметы, созданные природой).

Отражательный характер семантики слова обуславливает тот факт, что реальные различия в артефактах, ментефактах и натурфактах разных народов отражаются в семантике номинирующих их лексем национальных языков в форме национальной специфики семантики – различий в семемах и семах сопоставимых по семантике единиц разных языков. Наиболее ярко

национальная специфика семантики проявляется в наименованиях артефактов и ментефактов - они являются продуктами национальной действительности и национального мышления, а также в эндемичных натурфактах - наименованиях природных объектов и природных явлений, характерных только для одной из сравниваемых национальных культур (например, березы есть в России и Канаде, но нет в США и Англии, торнадо обычны в США, но редки в России и т.д.) При низком уровне денотативной общности сопоставимых лексических единиц национальная специфика их семантики само собой разумеется, ее наличие объяснимо и легко поддается описанию.

Однако существуют предметы и явления, которые встречаются практически повсеместно. Их наименования обладают денотативной общностью. Под денотативной общностью понимается материальное, физическое сходство национальных предметов и явлений, отраженное в семантике номинирующих их единиц. К примеру, такие артефакты как *стул, стол, телевизор, компьютер, книга* и т.д.; натурфакты – *рука, лицо, голова, спина, облако, яблоко, дождь, река, снег, ветер* и т. д. обладают высоким уровнем денотативной общности. Особенно много таких единиц среди наименований явлений природы. Например, натурфакты *река, гора, земля, ветер, утро, вечер, день вулкан, ночь* и т. д. имеют универсальный характер. При переводе таких единиц обычно трудностей не возникает, но проблема национальной специфики таких единиц остается недостаточно изученной: выявляется ли национальная специфика семантики единиц разных языков, номинирующих в разных языках практически одинаковые денотаты? Есть ли у таких единиц национальная специфика, формируется ли она в условиях высокой денотативной общности лексем? Если есть, то в каких аспектах семантики она проявляется, в каких компонентах значения обнаруживается и в каких формах представлена? Как она может быть описана и зафиксирована лексикографически?

Данная проблема формулируется нами как проблема национальной специфики семантики лексических единиц с высоким уровнем денотативной общности, и выступает предметом нашего исследования.

Объектом исследования служат наименования явлений природы в русском языке в сопоставлении с английским языком.

При помощи контрастивного анализа была выявлена национальная специфика лексических единиц, номинирующих наименования явлений природы в русском языке на фоне английского. Исследование показало, что одноименные лексические разряды неблизкородственных языков с высоким уровнем денотативной общности имеют различия, которые определяют их национальную специфику на семемном уровне.

Национальная специфика на семемном уровне проявляется в наличии у лексемы исходного языка сопоставления эквивалентных, близких,

приблизительных и допустимых соответствий, либо в отсутствии соответствий.

Под эквивалентными единицами понимаются семемы двух языков, демонстрирующие полное совпадение сем. В исследуемых группах было выявлено всего 98 эквивалентных семем: ветер = wind; шквал = squall; порыв = gust, blast 4, blow 3, scud 2; дуновение = whiff; буря = storm, ураган = hurricane; циклон = cyclone; пассат(ы) = trade wind, trades; буран = buran; ночь = night, nighttime, dark 3; сумерки = twilight; вечер = evening; день = day, daylight, daytime; восход = rise; рассвет = dawn, morning, daybreak, break of the day, prime, light, crack of dawn; вода = water; горная цепь = mountain chain, chain, mountain range, range, range of mountains, chain of mountains; джунгли = jungle; огонь = fire; пламя = flame, flaming; земля 2 = land, ground, dry land, earth, terra firma, shore 2; земля 1 = land, ground, earth; почва = land, ground, earth, soil, clod; грунт = land, ground, earth, soil, clod; ручей = rivulet, rill, runnel; гора = mountain и т.д. В каждой группе был вычислен индекс эквивалентности как количество эквивалентных контрастивных пар к общему количеству контрастивных пар. Группа «слой земной коры» имеет самое большое количество эквивалентных единиц (0,86): земля 1 = 1 and, почва = earth, clod и т.д. В семантической группе «пространство, заросшее деревьями» был выявлен минимальный индекс эквивалентности (0,11): заросль = clump, кустарники = brushwood, brush, scrub.

Максимальное количество близких соответствий (лексических единиц, имеющих значительное число общих сем в ядре, ряд общих периферийных сем и совпадающих по функциональным семам) зафиксировано в группах «светящиеся газы» (0,57) и «слой земной коры» (0,37). Индекс близких соответствий был вычислен как отношение количества контрастивных пар, единицы которых являются близкими соответствиями, к общему числу контрастивных пар лексической группировки. Например, огонь – flame, flaming, conflagration; земля – clod, dirt, loam, clay, loam, mold, mould; почва – loam, грунт – soil, clay, dirt, loam и т.д. Минимальное число таких соответствий выявлено в группах «возвышенность» (0,10) и «движение воздуха» (0,10).

Были выявлены приблизительные соответствия – единицы двух языков, которые совпадают по основным ядерным семам, но различаются функциональными семами. Индекс приблизительных соответствий был высчитан как отношение контрастивных пар, единицы которых являются близкими соответствиями, к общему числу контрастивных пар лексической группировки. Буря и hurricane, cyclone, tempest, twister, supertwister, typhoon, waterspout, duster, dust devil, snowstorm, blizzard, sand storm, dust storm, willy-willy northeast storm, northeaster, noreaster, southeaster (sou'easter), sand auger, dust whirl; смерч и twister, windstorm cyclone, typhoon, hurricane, storm, tempest squall, duster, dust devil,

snowstorm, blizzard, sand storm, dust storm, willy-willy northeast storm, northeaster, noreaster, southeaster (sou'easter), sand auger, dust whirl и т. д; вода – aqua, H₂O, liquid, fluid, Adam's ale, Adam's wine. Наибольшее количество таких соответствий обнаружено в группах «жидкость» (0,85) и «движение воздуха» (0,63). Наименьшее количество зафиксировано в группах «суша» (0,21) и «светящиеся газы» (0,28).

В группе «движение воздуха» зафиксировано самое большое количество допустимых соответствий (0,16) – лексических единиц, которые совпадают только по архисеме. Например, смерч – bluster, gale, buran; ураган – squall, duster, dust devil, snowstorm, blizzard, sand storm, dust storm, northeast storm, northeaster, noreaster, southeaster, gale, sand auger, dust whirl; буря и squall, blast, blow, bluster; ветер – twister, waterspout, windstorm, cyclone, typhoon, tornado, hurricane, storm, tempest squall, duster, dust devil, snowstorm, blizzard, sand storm, dust storm, willy-willy, northeast storm, northeaster, noreaster, southeaster, sand auger, dust whirl, whirlwind, buran; шквал и breeze, air; буря – squall, blast, blow, bluster и т.д. Наименьшее количество выявлено в группе «водный поток» (0,05). В таких группах как «периоды дня», «жидкость», «слой земной коры», «суша», «электромагнитное излучение» и «светящиеся газы» допустимых соответствий не обнаружено.

Таким образом, средний показатель количества эквивалентных соответствий равен 0,18, близких соответствий – 0,20, приблизительных – 0,52 и допустимых – 0,10. Следовательно, в исследуемых группах большее количество лексем двух языков являются приблизительными соответствиями.

Было обнаружено большое количество научных терминов, которые относятся к данному разряду лексики и являются в исследуемых языках эквивалентами. К примеру, хабуб – haboob, самум – simoom, санта – ana-santa-ana, памперо – pampero, чинук – chinook и т.д. Данные лексические единицы в русском языке преимущественно являются заимствованиями.

Как показало исследование, наиболее ярко национальная специфика единиц с высокой степенью денотативной общности представлена на уровне сем.

На семном уровне лексемы, относящиеся к наименованиям явлений природы, показывают достаточно яркую национальную специфику. Сема как компонент значения отражает отличительный признак денотата слова. В нашей работе мы рассматриваем те типы сем, которые оказываются релевантными при контрастивном описании наименований явлений природы. Наиболее важными и существенными являются такие типы как архисемы, дифференциальные и интегральные семы, постоянные и вероятностные.

Архисема имеет существенную специфику в структуре семемы, центром которой она является. Архисема всегда автономна, независима, все остальные семы определяют и конкретизируют ее.

Дифференциальные семы различают значения сравниваемых слов, а интегральные являются общими для сравниваемых единиц. Большое значение при контрастивном сопоставлении семантики двуязычных межъязыковых соответствий имеет выделение в их семантической структуре данных типов сем, так как они различают, конкретизируют или обобщают сравниваемые значения. Например, русское слово «вихрь» может быть представлено в виде следующего набора сем: «движение воздуха», «естественное», «сильное», «круговое». Подобному набору интегральных сем соответствуют такие английские слова как «tornado», «typhoon», «whirlwind». Хотя данные межъязыковые соответствия объединены одной архисемой, тем не менее, они обладают и дифференциальными семантическими признаками, которые выявляются при контрастивном описании с русским словом «вихрь». Например, «tornado» (над сушей), «typhoon» (над водной поверхностью), «whirlwind» (разрушительное).

Чем больше у сравниваемых слов интегральных сем, тем ближе они по значению друг к другу. И наоборот, чем больше у них дифференциальных сем, тем менее близкими соответствиями они являются. Например, слова «squall» и «gust» имеют пять интегральных сем – «движение воздуха», «естественный», «внезапный», «кратковременный», «сильный». Слова «squall» и «breeze» имеют только две интегральные семы – «движение воздуха», «естественный». Таким образом, «squall» и «gust» ближе по значению друг к другу, чем слова «squall» и «breeze».

Постоянные и вероятностные семы, которые являются важными компонентами при контрастивном анализе, отражают существенные стороны предмета. Однако если постоянные семы присутствуют в словарях всегда, то вероятностные семы часто не представлены в словарных дефинициях, хотя часть их находит лексикографическое отражение. Вероятностными могут быть как денотативные, так и коннотативные семы. Яркую специфику вероятностные семы проявляют при межъязыковом сопоставлении. Например, тайфун – естественное движение воздуха, *обычно* с ливнем, грозой, градом. Typhoon – естественное вихревое движение воздуха, *часто* поздним летом.

На уровне сем национальная специфика лексем, номинирующих наименования явлений природы, представлена не только в денотативном, но и в коннотативном, и функциональном макрокомпонентах значения: речка (уменьшительно-ласкательное) – river (неэмоциональное), вода (неэмоциональное) – Adam's wine (шутливое), гряда (общеупотребительное) – horseback (геологическое), берег 2 (морское) – dry land (общеупотребительное), ураган (общераспространенное) – blizzard

(американское), холм (общераспространенное) - hillock (британское), гора (общераспространенное) – hummock (британское), гора (общераспространенное) – korje (африканское), тайфун (межстилевое) – twister (разговорное), буря (межстилевое) – tempest (книжное), река (межстилевое) – crick (разговорное) и т.д.

Нами был применен сопоставительно-параметрический метод анализа национальной специфики исследуемых лексем.

Нами были вычислены следующие характеристики исследуемого разряда лексики: индекс денотативной специфики – отношение количества контрастивных пар с национально-специфическими денотативными семами к общему числу контрастивных пар в подгруппе, индекс коннотативной специфики – отношение количества контрастивных пар с национально-специфическими коннотативными семами к общему числу контрастивных пар в подгруппе, индекс функциональной национальной специфики – отношение количества контрастивных пар с национально-специфическими функциональными семами к общему числу контрастивных пар в подгруппе, индекс функционально-стилистической национальной специфики – отношение количества контрастивных пар с национально-специфическими функционально-стилистическими семами к общему числу контрастивных пар в подгруппе, индекс функционально-социальной национальной специфики – отношение количества контрастивных пар с национально-специфическими функционально-социальными семами к общему числу контрастивных пар в подгруппе, индекс функционально-территориальной национальной специфики – отношение количества контрастивных пар с национально-специфическими функционально-территориальными семами к общему числу контрастивных пар в подгруппе, индекс функционально-темпоральной национальной специфики – отношение количества контрастивных пар с национально-специфическими функционально-темпоральными семами к общему числу контрастивных пар в подгруппе, индекс функционально-частотной национальной специфики – отношение количества контрастивных пар с национально-специфическими функционально-частотными семами к общему числу контрастивных пар в подгруппе, индекс эквивалентности – отношение количества эквивалентных соответствий ко всему количеству соответствий лексико-семантической подгруппы, индекс национальной специфики – отношение числа контрастивных пар с национальной спецификой к общему количеству контрастивных пар, входящих в данную подгруппу.

Сопоставление одноименных индексов в разных языках указывает на наличие или отсутствие национальной специфики в соответствии с данным показателем.

В обобщенном виде характеристика национальной специфики лексического разряда «Наименования явлений природы» в русском языке на фоне английского может быть представлена следующим образом:

1. Общий индекс эквивалентности – 0,34
2. Общий индекс национальной специфики – 0,66
3. Индекс безэквивалентности – 0
4. Индекс денотативной национальной специфики – 0,64
5. Индекс коннотативной национальной специфики – 0,02
6. Индекс функциональной национальной специфики – 0,34
7. Индекс функционально-стилистической национальной специфики – 0,11
8. Индекс функционально-социальной национальной специфики – 0,06
9. Индекс функционально-территориальной национальной специфики – 0,07
10. Индекс функционально-темпоральной национальной специфики – 0,05
11. Индекс функционально-частотной национальной специфики – 0,05

Таким образом, высокая денотативная общность лексем двух языков не препятствует наличию существенной национальной специфики в их семантике.

Раздел 2.

Сопоставительные исследования в области лексики, фразеологии и концептосфер

А.П. Бабушкин

Русские и английские нумеративные фразеологизмы

Числительное – это класс однозначных слов, обозначающих число, количество, меру и связанные с числом, мыслительные категории порядка в процессе счета (БЭС 1998, с. 582).

Исходя из этого определения, числительные подразделяются на количественные и порядковые. К разряду количественных относятся числительные, обозначающие в целых единицах отвлеченное число или определенное количество предметов (*два, семь, десять*). Порядковые числительные обозначают линейную последовательность предметов при их исчислении (*второй класс*) (Розенталь, Теленкова 1985, с. 92-93). Числительные способны сочетаться с именами существительными для того, чтобы определить нумеративные параметры поименованных ими предметов. Многие числительные, как количественные, так и порядковые,

входят в состав устойчивых образных выражений – фразеологизмов. Посредством сплошной выборки из русских и английских фразеологических словарей были отобраны интересующие нас единицы.

На материале русского языка остановимся на ФЕ, объединяемых включенными в их состав числами от 0 до 10.

0

Свести к нулю – зря потратить усилия, так как поставленная цель не достигнута; *круглый ноль* – ничего не знающий, не стоящий человек (*ноль без палочки*); *ноль внимания, фунт презрения* – полное равнодушие, безразличие к кому-либо; *в ноль-ноль* – в точно указанное время, ни на минуту раньше или позже.

1

Как один – все без исключения; *за один присест* – съесть, выпить, написать все сразу; *один как перст* – о том, кто не имеет семьи, близких; *один шаг от чего-либо* – очень близко; *одного шарика не хватает* – о глупом человеке; *первый и последний* – единственный; *первая ласточка* – то, что положило начало, один из первых предшественников.

2

В два счета – очень быстро (сделать что-то); *дважды два* – совершенно просто, без особых усилий; *погнаться за двумя зайцами* – тщетно пытаться сделать несколько дел одновременно; *как две капли воды* – быть одному очень похожим на другого; *человек два уха* – кто-то совершенно бестолковый, несообразительный; *сидеть между двух стульев* – поддерживать одновременно две противоположные стороны; *из вторых рук* – получить информацию косвенным образом, не от непосредственного очевидца событий.

3

В три погибели – согнуться в подобострастии, учтивости; *драть три шкуры* – жестоко наказывать кого-то за провинность; *заблудиться в трех соснах* – о неспособности найти выход из простой ситуации.

4

На все четыре стороны – отпустить человека, дать ему свободу; *сидеть в четырех стенах* – быть затворником, не выходить на улицу.

5

Пятое колесо в телеге – что-то совершенно не нужное; *как свои пять пальцев* – знать что-то очень хорошо; *без пяти минут* – близко по срокам, скоро.

6

Шестое чувство – интуиция.

7

Семеро по лавкам – иметь много детей; *на семи ветрах* – находиться на пересечении дорог; *в семь этажей* – нецензурно ругаться; *семи пядей во*

лбу – очень умный человек; *за семь верст киселя хлебать* – идти очень далеко попусту; *до седьмого пота* – долго и упорно работать.

8, 9

Нумеративных фразеологизмов с этими цифрами не выявлено.

10

Десять раз говорить одно и тоже – повторить много раз; *десять против одного* – наверняка что-то сбудется.

Подобным же образом проиллюстрируем нумеративные фразеологизмы на материале английского языка.

0

All for naught – зря, даром; *bring to naught* – свести на «нет»; *set at naught* – не брать во внимание, ни в грош не ставить.

1

One by all – все до одного, все как один; *one by one* – по одному, друг за другом; *one in a thousand* – один на тысячу; *one or two* – один-два (об ограниченном числе кого-то/чего-то); *become one* – пожениться, сочетаться браком.

2

In to twos – в два счета; *two or three* – две-три (небольшое количество); *two upon ten (fingers)* – во все глаза.

3

When three know it, all know – когда что-то известно трем, знают все (в принципе – это пословица, но А.В. Кунин, широко понимающий понятие «фразеологическая единица», помещает в свой словарь и это выражение).

4

On all fours – на четвереньках (букв.: на всех четырех).

5

Фразеологизмов с числом «5» не выявлено.

6

Deep six – шесть ярдов под землей (могила); *six and half a dozen* – один другого стоит.

7

Everything is seven and eevens – все в порядке (первоначально – при игре кости).

8

Behind the eight fall – быть в трудном или проигрышном положении (при игре в бильярд).

9

Dressed up to the nines – нарядный, разодетый «в пух и прах»; *long nine* – дешевая сигара; *up to the nines* – в совершенстве, в высшей степени.

Tale ten – передохнуть, сделать передышку в работе (обычно на десять минут); *ten to ten* – верхушка общества.

Конечно, в представленном списке названы не все русские и английские нумеративные фразеологизмы – право дополнить этот список остается за читателем.

На следующем этапе исследования проведем сопоставительный анализ ФЕ обоих языков, включающих в свой состав имена числительные:

1). Имеются русские фразеологизмы, фактически эквивалентные английским устойчивым образным выражениям. Совпадения семантики нумеративных ФЕ отмечается на уровне числительных от нуля до двух: *свести на «нет»* – *come to naught*; *как один* – *one and all*; *один-два* – *one or two*; *один на тысячу* – *one in a thousand*; *за один присест* – *at one sitting*. Ср. также: *в два счета* – *in two twos*; *между дух огней* – *between two fires*.

Заслуживает внимания случай семантического равенства русских и английских ФЕ с числительными, на который указывает В.М. Мокиенко в книге «Загадки русской фразеологии». В русском языке есть выражение *одним махом, с одного маху* – в народе *махом* называли шаг лошади при беге (правда, в переносном плане речь идет не о пространственной, а о временной мере); ср. с английским *одна собачья рысь* – фразеологизмом, который служит в качестве «образной» единицы измерения (Мокиенко 1990, с. 68).

2). В составе близких по значению русских и английских ФЕ интерес представляют несовпадения по числу нумеративов, включенных в их состав: *(наврать) с три короба* – *talk nineteen to the dozen*; *десятая вода на киселе* – *seven times removed*; *(согнуться) в три погибели* – *bend oneself double*; *одного поля ягоды, один другого стоит* – *six and half a dozen*; *(прыгать) с пятого на десятое* – *jumping from one thing to another*.

3). Русские фразеологизмы с числительными зачастую соответствуют по смыслу английским ФЕ, не содержащих нумеративов в своем составе: *валить в одну кучу* – *lump smth, smb together*; *в трех шагах* – *be a few steps away*; *в три ручья* – *shed floods of tears*.

4). Разумеется, что большая часть фразеологизмов в русских и английских словарях (в том числе, и ФЕ с нумеративами) уникальна по присущим им значениям. В основе этой уникальности лежат, по крайней мере, две причины. Специфика фразеологических оборотов может найти свое объяснение в исторических и культурных особенностях народа, нашедших свое отражение в «зеркале» языка. В качестве примера возьмем русский фразеологизм *семь пятниц на неделе*. Особая значимость пятницы восходит к символике восточных славян (*Параскевы пятницы*). Этот день был «оборотным»: совершались молитвы, люди ходили по дворам с иконами, не работали. Но данный фразеологизм имеет и другой подтекст:

Пятницы, особенно весной и осенью, были одновременно и торговыми днями, а тем самым и сроком исполнения различных торговых и деловых обязательств. Тот, кто не выполнял своего обязательства, давал обещание исполнить его в следующий базарный день – также в пятницу. Человека, для которого такие обещания становились системой, и стали называть тем, у кого *семь пятниц на неделе*, т.е. часто меняющим свои решения, постоянно отступающий от своих слов», – пишет В.М. Мокиенко (Мокиенко 1986, с. 155).

С другой стороны, одно и то же явление может существовать в жизни того и другого языкового коллектива, но в одном случае данное явление получает вербальную объективацию, реализуясь, в частности, в виде устойчивого образного выражения, а в другом – осмысливается, но не вербализуется. Так, в английском языке имеется фразеологизм *a bad second* – бегун, пришедший к финишу вторым, но показавший при этом плохие результаты. Впрочем, и в этом примере можно также узреть и национально-культурную специфику – факт оказался «языковленным», т.к. спорт находится в культурном фокусе многих носителей английского языка.

Таким образом, изученный нами материал показал, что в плане содержания русских и английских фразеологизмов, взятых в сопоставлении, при абсолютной категориальной универсальности числительных, входящих в их состав, совпадений достаточно мало – фразеологические обороты разнятся, в основном, по номинациям подвергаемых исчислению материальных и духовных субстанций, выбор которых определяется национальными менталитетами людей, говорящих на разных языках, способностью носителя языка образно переосмысливать факты окружающей его действительности.

Литература

1. БЭС – Большой энциклопедический словарь «Языкознание» – М., 1998.
2. Мокиенко В.М. Образы русской речи. – Л., 1986.
3. Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии. – М., 1990.
4. Розенталь Д.А., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М., 1985.

Список использованных словарей

1. Аристова Т.С., Ковалева М.Л., Рысева Е.А., Телия В.Н., Черкасова И.М. Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В.Н. Телия. – М., 1995..
2. Гуревич В.В., Дозорец Ж.А. Фразеологический русско-английский словарь. – М., 1995.
3. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – М., 1994.
4. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М., 1986.

5. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX вв. / Под ред. А.И. Федорова. – М., 1995.

И.А. Барабушка

**К вопросу о выявлении национальной специфики сложных
концептов (на материале концепта «город» в русском и
английском языковом сознании)**

Значительная роль лингвоконцептологии в современных когнитивных лингвистических исследованиях, а также тот факт, что в последнее время философы и антропологи уделяют большое внимание вопросу специфики человеческого бытия и, в частности, пространству существования человека, объясняют наше обращение к рассмотрению такого многогранного и неоднозначного феномена человеческого бытия, как город.

Мы рассматриваем то, каким городской человек, так называемый *homo urbanus*, а также сторонние наблюдатели, видят мир вокруг себя, как преломляют его и как репрезентируют образ города в текстах, что представляет несомненный интерес для современных лингвистических исследований.

Материалом исследования послужили примеры, взятые из The British National Corpus и Национального корпуса русского языка, выборки из отечественных и зарубежных толковых, фразеологических и энциклопедических словарей, а также работы по философии, социологии, когнитивной психологии и урбанистике. Поиск в The British National Corpus и Национальном корпусе русского языка осуществлялся в рамках подкорпусов объемом 30 000 000 слов каждый, состоящих из произведений, относящихся к художественной прозе второй половины XX – начала XXI вв. В ходе исследования было выявлено, что лексема «город» встречается в заданном подкорпусе 28217 раз в 1725 произведениях, лексема «city» встречается 2761 раз в 346 произведениях и лексема «town» встречается 2183 раза в 378 произведениях.

Концепт «город» исследуется в данной работе методом интерпретирующего семантико-когнитивного анализа, целью которого является выявление признаков изучаемого концепта через анализ семантики репрезентирующих концепт языковых единиц.

Мы относим город к категории сложных концептов. Под сложным концептом мы понимаем многомерный развивающийся смысловой феномен, формируемый компонентами-смыслами и реализуемый языковыми средствами, изучение которых способствует эффективному выявлению национальной специфики данного концепта.

Развитие сложного концепта находит выражение во «включении» в его сферу смыслов, которые изначально не входили в содержание данного концепта (эмоционально-экспрессивное отношение, метафорические образы), на основе процессов взаимодействия с другими концептами.

Нами было выполнено сопоставление образов города в русском и английском языковом сознании. Анализ контекстов употребления лексемы «город» и изучение ее семантики позволил выявить, что содержание вербализуемого данной лексемой концепта в русской и английской художественной концептосфере во многом совпадает.

1. Топос (место): административно-территориальная единица, пространство которой организовано определенным образом, имеет свой внешний облик, присущий исключительно ему стиль.

2. Жители: населяющие город люди.

3. Миф, культурные особенности города: его традиции, история, легенды; образ города, который сложился в произведениях искусства, философских работах, каким он представляется в сознании людей.

4. Регулирование поведения человека: влияние городской среды на эмоциональное состояние и поведение человека.

Исследование когнитивных признаков концепта «город», показало, что для его описания в обеих рассмотренных лингвокультурах используются прилагательные нескольких групп, характеризующие такие параметры, как, например, размер, температура, звук, свойства конфигурации, наличие /отсутствие влаги. Городу в рамках художественного текста также присущ определенный цвет.

Рассматривая признаки образа города, присущие живому существу, мы можем сделать вывод, что в рамках данной категории большинство групп этих признаков в русской и английской концептосферах также совпадают: внешний вид/стиль, возраст, черты характера, интеллектуальные состояния, состояние/поведение (психологическое и физиологическое (сон, дыхание, смерть и др.)), нравственные характеристики/пороки.

Однако в русской прозе у образа города присутствует гендерная отнесенность, т.е. город сравнивается с мужчиной или женщиной, причем восприятие города как женщины не зависит от категории рода соответствующего топонима:

Слово «город» в нашем языке мужского рода, это мешает отождествить город с распростертой женщиной, но бомбардировки я вспомнил не зря.

Города женственны, записал однажды Эрнст Юнгер, и благосклонны к победителю.

Проведенный анализ также позволил нам отнести к явлениям, присущим в русской прозе преимущественно городам, рекламу, и прийти к выводу, что наружная реклама, являясь одним из факторов, определяющих оценку

внешнего облика города, оказывает большое влияние на восприятие городской среды.

Взгляните, как странно подходит к этой сцене мертвый неон реклам, разнузданный яд их вампирствующих палитр! Как точен и не случаен сейчас этот одноразовый рай витрин, неприступный рай, полный дешевых – всегда, по сути, дешевых и жалких – тряпок...

Они вышли из метро и направились в сторону Садового кольца. Вечерняя улица сияла, от рекламы рябило в глазах.

В рамках когнитивной метафоры представляющими особый интерес являются общенародные мифообразы, присущие данной концептосфере. Это своего рода метафорические универсалии, символные и архетипические образы, выявление символического наполнения которых позволяет представить совокупный образ мира, создаваемый на фоне данной культуры.

Так, исследование используемых и создаваемых писателями метафорических образов совместно с рассмотрением принятой в социологии классификации образов города позволило выявить, что для русской и английской художественной прозы второй половины XX - начала XXI вв. характерными являются лишь 2 из упомянутых в социологии мифообразов: «город как механизм» и «город как организм».

- город-механизм

Город казался ему огромным дрессированным механизмом, – то замиравшим по красному сигналу, то вновьдвигающимся по зелёному...

Led by Lord Pugh, the Fists would punch their way through into the city, the treacherous city which would reconfigure itself like a machine so as to funnel them unwittingly.

- город-организм

Как правило, горожане не имеют ни малейшего представления о метаболизме их родного города: откуда поступает, условно говоря, пища, где и как она переваривается, куда исчезают отходы.

The face of the city has changed.

He was like some vital cell in the bloodstream of the city; tiny but important; a message bearer, a point of growth and change.

Образ «город как джунгли» представляется возможным отнести к окказиональным (два упоминания в русской прозе и лишь одно в английской), следовательно, он не является типичным для исследованных лингвокультур, предположительно ввиду отсутствия такого природного образования, как джунгли, на территории России и Великобритании.

Лингвоспецифичным для русского языкового сознания становится мифообраз «город как стихия».

Громаднейший город пульсирует, и всюду в нём волны – прильёт и отольёт.

Все они рвались тогда в город, как бабочки на огонь, и сгорали в нем.

Также представляется возможным говорить о мифообразе «город как лабиринт», который встречается в обеих лингвокультурах, что указывает на общность восприятия особенностей организации городского пространства. Однако интересным представляется тот факт, что, если образ «город-лабиринт» в русской прозе широко распространен, в английской художественной литературе исследуемого периода данный образ относится к индивидуально-авторским.

Деловитые егеря в комбинезонах цвета ночи и с автоматами наизготовку носились по этому городу, как крысы по лабиринту

The city was a vast maze of narrow alleys pocked with ale houses and middens, shops and smithies, brothels and moneylenders.

Анализ индивидуально-авторских когнитивных метафор, являющихся продуктом творчества авторов художественных произведений, дает нам материал, способствующий пониманию развития образа изучаемого концепта в языковом сознании народа.

Изучение окказиональных (индивидуально-авторских) метафорических образов города в русской и английской художественной прозе показало, что наряду с метафорами, образы которых относительно сходны (Атлантида, растение, одежда):

Тогда они смогут уехать из города, который подобно Атлантиде погрузится в равнодушное море забвения.

Every last city will turn into Venice and Venice will turn into the lost city of Atlantis

Повсюду блестели купола церквей, и город из-за этого представлялся огромной косухой, густо усыпанной бессмысленными заклепками.

They hid in the city's petticoats. They stayed awake. –
имеются и специфичные для каждой из рассмотренных лингвокультур.

Так в русской прозе – это сравнение города с декорациями/театральной сценой, с продуктом интеллектуального творчества, заброшенным приютом:

А уходит самой... только не сейчас, жизнь пока дает свободу ярким цветам, новый город, похожий на неизвестную сказку Андерсена, открывает свои потайные щели.

Свежий ветерок с мелкими каплями дождя долетал в раскрытое окно машины. Она любила езду по ночному городу. Пустые улицы, казавшиеся декорацией из какого-то старого фильма, невозможное днем ощущение легкости и освобождение от забот.

В сущности, город представлял собой пачку папирос и жетон на метро с вероятностью попасть на пир и выйти в дамки.

В английской же прозе – это особенности внешности города, его форма (веер, роза):

The city fans upwards from the coast, its white towers climbing gracefully into the foothills of the distant mountains (город раскинулся веером).

The black and iron-frosted gardens of a city that was once a rose of stone, and now was only stone ...

Особенности восприятия различных аспектов существования города и отражения их в русской и английской художественных концептосферах позволяют в более полной мере описать всю сложность и многообразие городской среды как целостного феномена. Совпадение некоторых из окказиональных метафорических образов, обнаруженных в исследованных лингвокультурах, может являться результатом современной тенденции к интеграции и взаимопроникновению культур.

В целом анализ языковых средств, репрезентирующих образ города в русской и английской художественных концептосферах, показал, что город в английской литературе почти не олицетворяется, и, как следствие, авторы описывают преимущественно его физиологическую составляющую при помощи структурно-функционального подхода (т.е. объективации его через составные части/органы (структурные элементы) или описание его функционала). Русской же литературе свойственна более высокая степень метафоризации и персонификации образа города, в большей степени акцентируются интеллектуальный и нравственный аспекты его существования, что является национально специфичным для данной культуры.

Лингвоспецифичным же для британской культуры можно считать тенденцию к городскому эскапизму, под которым понимается стремление личности в ситуациях кризиса, бессилия, отчуждения укрыться от действительности в городе. Данная тенденция находит отражение в текстах художественной литературы, и, предположительно, является особенностью островного менталитета британцев. Город является именно тем местом, в котором стремится укрыться британец, это его версия убежища от мира (ср. в русской культуре: «Мой дом – моя крепость», в английской - «home town/city»).

Where to go? That'd been the big question. A city, to get lost in. Not Birmingham, too close

She had come to escape, to get away. The city was big enough to hide in, to become lost in and anyway she knew a few people here; Slater was one.

Анализ специфики негативного восприятия образа города в русской и английской художественной литературе конца XX – начала XXI века, показал, что в количественном соотношении число негативных атрибуций в английской литературе существенно меньше, чем в русской. У английских авторов также практически отсутствуют образные, метафорические определения города, а также лексемы, выражающие его эмоционально-экспрессивную оценку. Русской же литературе в большей степени свойственна красочность описаний, большая степень эмоциональной вовлеченности, порой даже многословие. Следует также

заметить, что восприятие «озлобленности» города оказалось лингвоспецифичным для русского менталитета.

Он шел по городу, в котором родился, и тот был оцетинен, озлоблен настолько, что Коля мог и заплакать, если бы его не догнал некто, не спросил фамилию и не сунул ему повестку в военкомат.

Но это еще не самое злое качество русского города, взятого как модель; самое злокачественное в нем то, что он производит впечатление безнадежной неухоженности, покинутости и тления, какое еще производят хворающие старики, которым некому, как говорится, подать воды.

Изучение образов города тесно связано с изучением культурологических особенностей страны и народа, ибо город является неотъемлемой частью бытия современного человека, и, обладая двойственной природой, город не может восприниматься и толковаться однозначно, антиномичность данного явления делает город объектом изучения многих научных дисциплин, заставляет «проживать» и «переживать» его каждым человеком по-своему.

Таким образом, концепт «город» – это сложный концепт, представляющий собой многомерный развивающийся смысловой феномен, формируемый компонентами-смыслами и реализуемый языковыми средствами, изучение которых способствует эффективному выявлению национальной специфики данного концепта.

Для изучения сложных концептов в целом художественная литература тем более интересна, что она не только является одним из способов отражения и постижения действительности, но и служит своеобразным окном во внутренний мир автора, а значит, изучение текстов художественной литературы позволяет нам получить материал, который помогает выявить содержание изучаемого сложного концепта, а также отношение к нему людей.

Среди разнообразия средств вербализации концепта выделяются когнитивные метафоры, изучение которых является действенным способом выявления национальной специфики сложных концептов в разных языках.

Анализ индивидуально-авторских когнитивных метафор, являющихся продуктом творчества авторов художественных произведений, наряду с изучением базовых когнитивных признаков и универсальных метафор, дают нам материал, способствующий пониманию развития изучаемого концепта в сознании народа.

Результаты данного исследования демонстрируют как общность в содержании сложного концепта «город» (что предположительно является результатом межнациональных и межкультурных связей, а также современной тенденции к взаимопроникновению и интеграции культур), так и его национальную специфику, обусловленную особенностями

существования народа (географическое положение, климат), его культурой и традициями.

Методика, примененная в нашем исследовании, а также его результаты могут быть в дальнейшем использованы при изучении других сложных концептов в концептосферах разных народов.

Литература

1. The British National Corpus. - <http://bncweb.lancs.ac.uk>
2. Национальный корпус русского языка. - [http:// www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru)

И.Ю. Вострикова

Особенности национальной специфики микрогрупп «Трудовая деятельность, связанная с тяжелым физическим трудом» в русском и английском языках

В данной статье рассматривается проявление национальной специфики в лексических группировках ЛСП «Трудовая деятельность» в русском и английском языках. С помощью приемов сопоставительного языкознания и применения сопоставительно-параметрического метода нами проведен сопоставительный анализ микрогрупп «Трудовая деятельность, связанная с тяжелым физическим трудом» глаголов русского и английского языка, характеризующих различные виды трудовой деятельности, связанной с тяжелым физическим трудом человека без применения механизмов.

Объем рассматриваемых микрогрупп лексико-семантических полей в двух языках существенно различается. Так, *номинативная плотность* (Карасик 2004, с.111) микрогруппы «Трудовая деятельность, связанная с тяжелым физическим трудом» в русском языке составляет 76 лексем, а в английском языке – 125 лексем.

В исследуемую микрогруппу в русском языке включены лексемы, обозначающие различные виды физического труда: а) работу, связанную с применением физической силы, выполняемую вручную, без применения подручных средств: **ворошить, выдавливать/выдавить, грузить/погрузить, кантовать, перетаскивать/перетащить, приволакивать/приволоочь, разгружать/разгрузить, таскать, тягать** и др.; б) работу с применением физической силы, выполняемую с помощью подручных средств: **выдалбливать/выдолбить, грести/сгрести, подкапывать/подкопать, разравнивать/разровнять, расчищать/расчистить, скоблить, скрести, толочь/растолочь** и др.

Отметим, что 23 лексемы данной микрогруппы (**выгружать, громоздить, разгибать, отскабливать, тяпать** и др.) являются однозначными, остальные глаголы рассматриваемой микрогруппы многозначны.

Помимо однозначных, еще 23 лексемы (*ворошить, втыкать, долбить, заваливать*, и др.) входят в состав исследуемой микрогруппы по семеме Д1, семь лексем – по семеме Д2 (*грести, поднимать, чинить* и др.). Следует отметить, что 23 лексемы входят в анализируемую микрогруппу двумя и тремя семемами. Из них 19 лексем входят в нее по семемам Д1 и Д2 (*выдавливать, грузить, колотить, подкапывать* и др.). К примеру, лексема *выскабливать* входит в исследуемую микрогруппу по семеме Д1 «скобля, сделать чистым» и семеме Д2 «счистить, удалить». Две лексемы входят в данную микрогруппу по семеме Д1 и двум семемам Д2. Это лексема *выколачивать* (по семеме Д1 «ударами извлечь вон» и семемам Д2 «выбить» и «колодя размять») и лексема *набивать* (по семеме Д1 «плотно вкладывая наполнить» и семемам Д2 «вколотить, забить в каком-то количестве» и «ударами наколотить, размять»). Лексема *давить* входит – в исследуемую микрогруппу по трем семемам Д2: «стискивать, сжимать», «мять, расплющивать» и «разминать, выжимать». Лексема *расчищать* входит в данную микрогруппу по семемам Д1 «очистить, освободить», Д2 «прочищая, выровнять» (*расчистить пазы*) и К1 «сделать чистым». Интересно, что 15 лексем (*вколачивать, выдувать, нарубать, пробивать, укладывать* и др.) исследуемой микрогруппы по разным семемам входят, помимо этой, и в другие структурные единицы поля. Например, лексема *вколачивать* по семеме Д1 входит в данную микрогруппу, а по семеме К1 «заставить запомнить» – в микрогруппу «Педагогическая трудовая деятельность».

Для характеристики национальной специфики рассматриваемой лексической группировки мы использовали ряд формализованных параметров, которые дают возможность объективно взглянуть на результаты проявления национальной специфики в сопоставляемых языках.

Отметим, что из 76 лексем микрогруппы «Трудовая деятельность, связанная с тяжелым физическим трудом» в русском языке 15 единиц входят разными семемами в другие структурные единицы ЛСП трудовой деятельности, т.о. *индекс структурно-семантической связности* (Чернова 2006, с. 38) этой микрогруппы с другими структурными единицами поля равен 19,74%.

Следует заметить, что общее количество семем, развиваемых глаголами анализируемой микрогруппы, равно 229, при этом 133 из них содержат сему трудовой деятельности. Соответственно, *индекс принадлежности* (Шишкина 2004, с.34) данной микрогруппы к ЛСП глаголов трудовой деятельности составляет 58,08 %.

Завершая описание исследуемой микрогруппы в русском языке, отметим, что у 33 лексем все семемы не выходят за рамки данной структурной единицы, следовательно, *индекс лексико-семантической*

замкнутости (Вострикова 2006, с.38) этой структурной единицы равен 43,42%.

В английском языке микрогруппа «Трудовая деятельность, связанная с тяжелым физическим трудом» также включает в себя лексемы, обозначающие: а) работу, связанную с применением физической силы, выполняемую вручную, без применения подручных средств и механизмов: *astringe, bank, clear, detrain, dump, heave, incurve, load, pack, pile, polish, press, pull, remove, scale, scavenge, scrub, smash, sweep, tug* и др.; б) работу с применением физической силы, выполняемую с помощью подручных средств: *bash, beat, charge, cut, dig, drag, graft, hew, puddle, mash, pit, powder, prize, pry, rake, scrape, snag, splice* и др.

Следует отметить, что, как и в русском языке, 23 лексемы данной микрогруппы (*battledore* – «кидать туда и обратно», *boast* – «грубо обтесывать камень», *cop* – «складывать в кучу», *embale* – «укладывать в тюки» и др.) являются однозначными, остальные глаголы многозначны.

При этом 75 лексем, включая однозначные, (*burden* – «нагружать», *fell* – «рубить, валить», *powder* – «толочь» и др.) входят в состав рассматриваемой микрогруппы по семеме Д1, 22 лексемы (*cant* – «кантовать», *pit* – «рыть ямы», *trench* – «про рубать борозды» и др.) – по семеме Д2. Семь лексем (*cree, disgorge, face, grade, hew, hole, pack, smash*) входят в исследуемую микрогруппу по семеме К1 (например, *face* – «полировать»). 21 лексема (*bag, broach, cord, drag, dump, heap, lade, pull, scrub* и др.) данной микрогруппы входит в нее по двум, трем и четырем семемам. Так, лексема *draw* входит в данную микрогруппу по семемам Д1, Д2 и К1: семема Д1 «тащить, волочить», семема Д2 «вытаскивать, вытягивать» и К1 «снимать, убирать». Примечательно, что 65 лексем рассматриваемой микрогруппы (*beat, band, drain, erect, gouge, hill, lift, mill, powder, scour, trash, trench* и др.) входят и в другие структурные единицы исследуемого поля в английском языке. Например, лексема *discharge* по семеме Д1 «разгружать» (*to discharge a cart* – разгружать повозку) входит в рассматриваемую микрогруппу, по семеме Д2 «вытравливать» – в микрогруппу «Трудовая деятельность, связанная с текстильным производством», по семеме Д2 «расснаивать судно» – в микрогруппу «Трудовая деятельность, связанная с судоходством».

Из 125 лексем микрогруппы «Трудовая деятельность, связанная с тяжелым физическим трудом» в английском языке 65 входят разными семемами и в другие структурные единицы поля, поэтому индекс структурно-семантической связности анализируемой микрогруппы с другими структурными единицами поля равен 52%.

Отметим, что общее количество семем, развиваемых глаголами исследуемой микрогруппы, равно 654, при этом 290 из них содержат сему трудовой деятельности. Таким образом, индекс принадлежности

рассматриваемой структурной единицы к ЛСП глаголов трудовой деятельности составляет 44,34%.

Все семемы не выходят за рамки данной структурной единицы у 24 лексем рассматриваемой микрогруппы, следовательно, *индекс лексико-семантической замкнутости* равен 19,2%.

Для более наглядного и объективного представления степени проявления национальной специфики двух микрогрупп исследуемых ЛСП нами была применена *шкала оценки степени проявления национальной специфики семантики* (Колтакова 2008, с.17). Так, *существенные национально-специфические различия* были выявлены по всем четырем параметрам:

1) *номинативная плотность* – 76 лексем в русском и 125 лексем в английском языке: относительная номинативная плотность (Чубур 2005, с.10) равна 1,6;

2) *индекс структурно-семантической связности* – 19,74% в русском языке и 52% – в английском;

3) *индекс принадлежности к полю* – 58,08% в русском языке и 44,2% – в английском;

3) *индекс лексико-семантической замкнутости* – 43,42% в русском языке и 19,2% – в английском.

Представленные данные позволяют сделать вывод, что национальную специфику микрогрупп «Трудовая деятельность, связанная с тяжелым физическим трудом» лексико-семантических полей «Трудовая деятельность» в русском и английском языках можно охарактеризовать как *ярко выраженную* (Колтакова 2008, с. 17), т.к. все четыре рассмотренные нами параметра показывают существенные национально-специфические различия в показателях сопоставляемых индексов.

Литература

1. Вострикова И.Ю. Национальная специфика лексико-семантического поля «Трудовая деятельность» в русском и английском языках (на материале глагольной лексики): дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
3. Колтакова С.В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: автореф. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.
4. Чернова Н.И. Национальная специфика тематической группы лексики: На материале наименований зданий и помещений в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.
5. Чубур Т.А. Национальная специфика семантики слова и проблемы ее лексикографической фиксации (на материале языковых наименований незанятости трудовой деятельностью в русском и английском языках): дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2005.

6. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2004.

И.С. Карпенко

Национальная специфика сопоставимых адъективных лексем русского и английского языков

Сопоставительное изучение языков, направленное на выявление схожих черт и различий, является актуальной задачей современного языкознания. В данной статье предпринята попытка описания национальной специфики пары адъективных лексем русского и английского языков. Для анализа были выбраны две сопоставимые в основном значении адъективные лексемы: *американский* – *American*, которые входят в список ста наиболее частотных прилагательных, полученных в результате сплошной выборки из Частотного словаря С.А. Шарова (www.artint.ru/projects/frqlist.asp) и Британского национального корпуса (www.natcorp.ox.ac.uk).

Данная пара лексем была рассмотрена в рамках четырех аспектов: 1)аспект развития лексической полисемии, 2)аспект развития лексико-грамматической полисемии¹, 3)аспект семемной представленности семантемы, 4)аспект коммуникативной релевантности. При анализе применялись индексы, предложенные нашими коллегами в рамках развиваемого в Воронежском государственном университете сопоставительно-параметрического метода (Стернина, Стернин 2011).

Для выявления степени развития *лексической полисемии* в паре лексем *американский* – *American* нами были использованы следующие параметры:

- *индекс лексической полисемантической семантемы* – отношение количества семем, демонстрирующих лексическую полисемию, к общему количеству развиваемых в семантеме семем (Малыхина 2013);
- *индексы денотативной и коннотативной лексической полисемантической семантемы* – отношение количества денотативных² / коннотативных семем в семантеме, демонстрирующих лексическую полисемию, к общему количеству развиваемых семантемой семем, демонстрирующих лексическую полисемию (Малыхина 2013).

¹ Под лексико-грамматической полисемией мы вслед за М.А. Стерниной понимаем многозначность на уровне частей речи. При этом выделяется как собственно лексико-грамматическая полисемия, так и ее частный случай – лексико-грамматической вариантность, при которой состав лексических сем сравниваемых семем одинаков, а семемы различаются лишь своими лексико-грамматическими семами (Стернина 1999, с. 34).

² Используется терминология М.М. Копыленко и З.Д. Поповой (Копыленко, Попова 1989).

Как показало исследование, индекс **лексической полисемантичности** семантемы лексемы *американский* равен 100%, в то время как у семантемы лексемы *American* он составил 75%. Для определения степени выраженности исследуемых параметров была использована шкала, предложенная Л.А. Кривенко, согласно которой, в зависимости от показателей индексов, степень развития анализируемого явления можно признать *отсутствующей, низкой, заметной, яркой, значительной, высокой, гипервысокой и абсолютной* (Кривенко 2013, с. 59-60). В соответствии с данной шкалой у семантемы лексемы *американский* наблюдаются *абсолютная* степень **лексической полисемантичности**, в то время как у семантемы лексемы *American* – *высокая*.

Как показало исследование, у обеих лексем *индекс денотативной полисемантичности* равен 0, а *индекс коннотативной полисемантичности* равен 100%.

Для описания национально-специфических различий семантем по рассматриваемому аспекту был использован *интегральный индекс национально-специфических различий*, вычисляемый как среднее арифметическое представленной в процентах разницы в показателях значений всех индексов (Портнихина 2011). Интегральный индекс у рассматриваемой пары лексем равен 8.3%, что свидетельствует о **заметных** различиях по данному аспекту.

Для характеристики аспекта развития **лексико-грамматической** полисемии нами были применены следующие параметры:

- *индексы лексико-грамматической полисемии / вариантности* (Малыхина 2010);
- *индексы денотативной / коннотативной лексико-грамматической полисемантичности / вариантности семантемы* (Малыхина 2011);
- *индекс частеречной (адъективной / субстантивной) представленности* (Кривенко 2013).

Как показало исследование, русская семантема не проявляет ни лексико-грамматической полисемии, ни лексико-грамматической вариантности, в то время как семантема лексемы *American* содержит демонстрирующую лексико-грамматическую вариантность семему Д1а/п «относящийся к народам Соединенных Штатов Америки, к их языку, национальному характеру, образу жизни, культуре /американец»: *Many British and American tourists feel that they have connections with some part of Scottish history./ An American has paid 3,000 to appear in the next Michael J. Fox movie*). Таким образом, *индекс лексико-грамматической вариантности* у семантемы английского языка (отношение количества семем, демонстрирующих лексико-грамматическую вариантность, к общему количеству развиваемых в семантеме семем, равен 25%, а *индекс денотативной лексико-грамматической полисемантичности* данной семантемы, под которым понимается отношение количества денотативных

семем в семантеме, демонстрирующих лексико-грамматическую полисемию, к общему количеству развиваемых семантемой семем, равен 100%.

Отметим, что *индекс адъективной представленности* – отношение количества семем с адъективной семой в семантеме к общему количеству ее семем у обеих семем равен 100%. *Индекс субстантивной представленности* у семемы английского языка составил 25%, а у семемы русского языка равен 0. Интегральный индекс, выведенный по данному аспекту, равен 18.7%, что указывает на **яркие** национальные различия.

Перейдем к аспекту **семемной представленности** семантемы. В семантемах рассматриваемых лексем присутствуют две сопоставимые семемы Д1а «относящийся к народам Соединенных Штатов Америки, к их языку, национальному характеру, образу жизни, культуре» (*This figure is relatively small when compared with many American cities. / На самом деле в сети давно уже идёт война, и в ней принимают участие, в частности, те силы, которым приписывается авторство американских терактов.*) и семемы К1а «такой как у Американцев, типично американский» (*Lee laughed heartily, showing his large strong American teeth, while Meryl flashed a glance of surprise at Dominic. / На краях плиты была реклама – "Rolex"" Pepsi- cola" и ещё какая-то более мелкая – кажется, товарный знак фирмы, производящей овощные шницели чисто американского вкуса*). Семантема русского языка содержит одну эндемичную семему К1 «Относящийся к народам континента Америка, к его флоре и фауне» (*У капского зайца из африканских пустынь и у американского зайца уши в два раза длиннее, чем у наших беляков*), в то время как у семантемы английского языка отмечены две эндемичные семемы К1 «относящийся к северо- или южноамериканским индейцам» и «относящийся к странам американского континента (южная Америка, северная Америка, латинская Америка)» (*He paints startling picture stories, often based on mythology or the art of the North American Indian. Latin American lawyers are conscious of a strong regional tradition in private international law*). Таким образом, *индекс эндемичности* – отношение количества эндемичных семем в семантеме к общему количеству ее семем (Кривенко 2013), у семантемы русского языка равен 33%, а у семантемы английского языка – 50%.

Аспект семемной представленности семантемы был также охарактеризован при помощи *индекса семемной плотности семантемы* – *представленного в процентах объема семантем сопоставимых лексем по отношению друг к другу*. (Кривенко 2013) Так в английском языке данный индекс равен 100%, а в русском – 75%.

Интегральный индекс по рассмотренному аспекту оказался равным 20.8%, что дает основания охарактеризовать национальную специфику по аспекту семемной представленности семантемы как **яркую**.

Одной из задач исследования было выявление частотности семем анализируемых лексем для определения *коммуникативной релевантности* того или иного значения лексемы (термин Л.А. Кривенко – Кривенко 2009). Для сопоставляемых лексем было отобрано по 1000 примеров употребления из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru) и Британского национального корпуса (www.natcorp.ox.ac.uk). Каждый из примеров был соотнесен с конкретной семемой соответствующей семантемы, таким образом была выявлена частотность семем. Для ее характеристики был использован индекс *коммуникативной релевантности семемы*, под которым понимается отношение количества зафиксированных употреблений данной лексемы к общему количеству ее исследованных употреблений (Баранова (Кривенко) 2009).

Что достаточно предсказуемо, индекс коммуникативной релевантности семемы Д1, то есть основного значения лексемы, в обоих случаях оказался выше, чем семем К1. Установлено, что в семантеме лексемы *американский* наибольшую коммуникативную релевантность демонстрирует семема Д1а с *гипервысоким* показателем **индекса коммуникативной релевантности** семемы (94%). В семантеме лексемы *American* самую высокую коммуникативную релевантность также имеет семема Д1а/п – 93%. Что касается плотности коммуникативно релевантных семем, то семантемы рассматриваемых лексем характеризуются *абсолютной* степенью ее проявления, на что указывает значение **индекса плотности коммуникативно релевантных семем в семантеме**, под которым понимается отношение количества коммуникативно релевантных семем к общему количеству семем в семантеме (Никитина 2013, с. 42), равное 100%.

Как показал анализ, по *аспекту коммуникативной релевантности* национально-специфические различия оказались **заметными**, о чем свидетельствует показатель интегрального индекса – 1.2%.

В целом национальную специфику пары сопоставимых адъективных лексем *американский* – *American*, исходя из среднего интегрального индекса по рассмотренным аспектам – 16.5%, можно квалифицировать как **умеренно-выраженную**.

Литература

1. Британский национальный корпус – URL: www.natcorp.ox.ac.uk.
2. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. – Воронеж, 1989.
3. Кривенко Л.А. Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2013.

4. Малыхина Н.И. Особенности семантики наиболее частотных глаголов английского языка // Культура общения и ее формирование. – Воронеж, 2010. – С. 93-97.
5. Малыхина Н.И. Полисемия английского глагола: автореф. дис. ... филол. наук. – Воронеж, 2013.
6. Национальный корпус русского языка – URL: www.ruscorpora.ru.
7. Никитина И.Н. Национальная специфика семантем русской и английской глагольной лексики: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2013.
8. Портнихина Н.А. Национальная специфика семантического развития слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
9. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж, 1999.
10. Стернина М.А, Стернин И.А. Сопоставительно-параметрический метод исследования: возможности и перспективы // Сопоставительные исследования 2011. – Воронеж, 2011. – С. 3 – 18.
11. Частотный словарь С.А. Шарова – URL: www.artint.ru/projects/frqlist.asp.

С.В. Колтакова

Национальная специфика наименований лиц, занятых в сфере культуры и искусства, в русском и английском языках

В рамках развития сопоставительно-параметрического метода (Стернина, Стернин 2010, с. 3) было доказано, что национальная специфика лексических группировок может быть описана посредством аспектного анализа, то есть анализа отдельных аспектов ее проявления (Деркач 2011). Были выделены отдельные аспекты проявления национальной специфики (количественно-структурный аспект, аспект семантического развития лексем группировки, аспект типологической характеристики семем группировки) и определен перечень формализованных параметров, характеризующих тот или иной аспект (там же).

Именно аспектному анализу национальной специфики лексических группировок *«Наименования лиц, занятых в сфере культуры и искусства»* в русском и английском языках и посвящено предлагаемое исследование.

Согласно С.И. Деркач, основными параметрами **количественно-структурной** характеристики лексической группировки являются *номинативная плотность* (Карасик 2004, с. 111) и *структурная сложность лексической группировки* (Деркач 2011, с.8).

В русском языке группа *«Наименования лиц, занятых в сфере культуры и искусства»* включает 71 лексему, которые образуют следующие подгруппы: 1) *общие наименования лиц, занятых в сфере культуры и*

искусства (**артист, артистка**); 2) наименования лиц, занятых в сфере музыки (**аранжировщик, вокалист, дирижер, мелодист, музыкант, композитор, певец, певица, певичка, певчий, подпевала, прима, примадонна, хормейстер, шумовик**); 3) наименования лиц, занятых в сфере хореографии (**балерина, балерун, балетмейстер, прима, примабалерина, танцовщик, танцор, хореограф**); 4) наименования лиц, занятых в сфере живописи. В данной подгруппе можно выделить общие наименования лиц, занятых в этой сфере: **живописец, картинщик, разрисовщик, рисовальщик, художник**. Также сюда относятся лексемы, обозначающие наименования лиц, выполняющих конкретные виды живописных работ: **голограф, гравер, иконописец, иллюстратор, карикатурист, мультипликатор, сценограф**; 5) наименования лиц, создающих произведения скульптуры (**ваятель, скульптор**); 6) наименования лиц, занятых в сфере фотографии (**фотограф, фотограф-художник**); 7) наименования лиц, занятых актерской деятельностью (**актер, актриса, киноактер, репетитор**); 8) наименования лиц, занятых режиссерской деятельностью (**видеорежиссер, кинорежиссер, постановщик, режиссер, сопостановщик, сорежиссер**); 9) наименования лиц, занятых в производстве фильмов (**видеооператор, гример, гримерша, документалист, кинематографист, киноартист, кинодокументалист, кинооператор, киноработник, кинорепортер, киношник, оператор, продюсер, хроникер, шумовик**); 10) наименования лиц, занятых в производстве спектаклей (**бутафор, гример, гримерша, костюмер, костюмерша, кукловод, премьер, суфлер, шумовик**); 11) наименования лиц, занятых в сфере эстрады (**эстрадник**).

В английском языке одноименная группа насчитывает 67 лексем, которые образуют следующие подгруппы: 1) наименования лиц, занятых в сфере музыки (**band-master, cantatrice, chorister, composer, conductor, director, musician, singer, song-smith, songster, songstress, vocalist**); 2) наименования лиц, занятых в сфере хореографии (**ballet-dancer, ballet-master, choreograph, choreographer, dancer, dancing-girl, danseuse**); 3) наименования лиц, занятых в сфере живописи. В данной подгруппе можно выделить общие наименования лиц, занятых в этой сфере: **artist, painter**. Также сюда относятся лексемы, обозначающие наименования лиц, выполняющих отдельные виды живописных работ: **animater/animator, decoreographer, enameler/enameller, glass-artist, history-painter, pattern-designer, pattern-drawer, pavement-artist, print-maker, scene-designer, scene-painter, sign-painter, sign-writer**; 4) наименования лиц, создающих произведения скульптуры (**artist, carver, sculptor, sculptress, statuary**); 5) наименования лиц, занятых в сфере фотографии (**cameraman, camerist, photographer**); 6) наименования лиц, занятых актерской деятельностью (**actor, actress, cinemactor, cinemactress, entertainer, head-liner, theatrical**).

trouper); 7) наименования лиц, занятых режиссерской деятельностью (*director, film-maker, megger, producer, stage-manager*); 8) наименования лиц, занятых в производстве фильмов (*cameraman, clapper boy, cutter, editor, electrician, floor-secretary, knob twister, producer, projectionist, recordist, sound engineer*); 9) наименования лиц, занятых в производстве спектаклей (*costumer, souffleur, wire-puller*).

Для анализа аспекта **семантического развития лексем** исследуемых группировок С.И. Деркач предлагает использовать следующие параметры: *семемная плотность* (Калугина 2006, с.5), *индекс однозначности лексем группы* (Колтакова 2008, с. 38), *индекс полисемантичности* (Шишкина 2004, с. 34), *индекс принадлежности к исследуемой тематической группе* (Шишкина 2004, с. 34).

В русском языке лексемы исследуемой группы развивают в своих семантемах 107 семем, 88 из которых содержат сему изучаемой группы. Из входящих в изучаемую группу лексем 47 (*балерина, примадонна* и др.) являются однозначными, 18 (*музыкант, рисовальщик* и др.) – двузначными, лексемы *артист, артистка, мультипликатор, оператор, прима, художник* демонстрируют более развитую полисемию. Таким образом, индекс однозначности лексем группы равен 66,2%, индекс полисемантичности - 1,5, а индекс принадлежности к группе равен 82,24%.

Лексемы английской группы насчитывают в общей сложности 135 семем, 105 из них содержат сему рассматриваемой группы лексики. Тридцать шесть лексем (*choreographer* – «балетмейстер», *vocalist* – «вокалист, певец, певица» и др.) являются однозначными, 15 (*entertainer, trouper* и др.) – двузначными, остальные демонстрируют более развитую полисемию. Следовательно, индекс однозначности лексем группы равен 53,73%, индекс полисемантичности составляет 2,01, а индекс принадлежности к группе равен 77,78%.

Согласно С.И. Деркач основными параметрами исследования **аспекта типологической характеристики семем группировки** являются: *индекс первичной денотативной отнесенности лексем к группе* (Колтакова 2008, с.38), *индекс вторичной денотативной отнесенности лексем к группе* (Колтакова 2008, с.38), *индекс первичной и вторичной денотативной отнесенности лексем к группе* (Колтакова 2008, с.38).

Отметим, что из 71 лексемы группы «Наименования лиц, занятых в сфере культуры и искусства» в русском языке 56 (*композитор, скульптор* и др.) входят в нее по семеме Д1, 6 лексем (*мультипликатор, оператор* и др.) – по семеме Д2, еще 9 лексем (*гравер, хореограф* и др.) имеют две семемы (Д1 и Д2) с семами изучаемой группы. Следовательно, индекс первичной денотативной отнесенности лексем к группе равен – 78,87%, индекс вторичной денотативной отнесенности лексем к группе – 8,45%, а индекс первичной и вторичной денотативной отнесенности лексем к группе составляет 12,68%.

В английском языке из 67 лексем одноименной группы 47 (*composer* – «композитор», *dancer* – «танцор, плясун, танцовщик, танцовщица, балерина» и др.) входят в нее по семеме Д1, десять лексем (*conductor* – «дирижер», *statuary* – «скульптор, ваятель» и др.) – по семеме Д2, и десять лексем (*cameraman* – «1. фотограф; 2. кинооператор, второй оператор», *sign-writer* – «1. художник по рекламе; 2. живописец вывесок» и др.) в своих семантемах содержат по две семемы (Д1 и Д2) с семами исследуемой группы. Таким образом, индекс первичной денотативной отнесенности лексем к группе составляет 70,14%, а индекс вторичной денотативной отнесенности лексем к группе и индекс первичной и вторичной денотативной отнесенности лексем к группе равны по 14,93%.

Для интерпретации и сравнения полученных результатов представляется возможным применить градацию оценки степени проявления национальной специфики семантики, согласно которой национально-специфические различия по отдельным параметрам сопоставления могут быть охарактеризованы как **существенные, заметные, видимые и несущественные** (Колтакова 2008, с. 166).

Количественно-структурный аспект

Параметр	Количес- венный показатель в русском языке	Количес- венный показатель в английском языке	Отношение количес- венных показателей	Характер национально- специфичес- ких различий
Номина- тивная плотность	71	67	1,06	несуществен- ные
Структур- ная сложность	13	11	1,18	видимые

Аспект семантического развития лексем группировки

Параметр	Показатель индекса в русском языке	Показатель индекса в англий- ском языке	Отношение абсолютных показателей (разница в значениях, выраженных процентами)	Характер национально- специфичес- ких различий
семемная плотность	107	135	1,3	заметные
индекс одно- значности лексем группы	66,2%	53,73%	12,47%	существенные

<i>индекс поли- семантич- ности</i>	1,5	2,01	1,34	<i>существенные</i>
<i>индекс принад- лежности к группе</i>	82,24%	77,78%	4,46%	<i>видимые</i>

Аспект типологической характеристики семем группировки

Параметр	Показатель индекса в русском языке	Показатель индекса в английском языке	Разница в значениях индексов	Характер национально- специфичес- ких различий
<i>индекс первичной денотативной отнесенности лексем к группе</i>	78,87%	70,14%	8,73%	<i>заметные</i>
<i>индекс вторичной денотативной отнесенности лексем к группе</i>	8,45%	14,93%	6,48%	<i>заметные</i>
<i>индекс первичной и вторичной денотативной отнесенности лексем к группе</i>	12,68%	14,93%	2,25%	<i>существенные</i>

Таким образом, в **количественно-структурном аспекте** наблюдаются *несущественные* и *видимые* различия. В аспекте **семантического развития лексем группы** наблюдается преобладание *существенных* различий (два из четырех), а в аспекте **типологической характеристики семем группы** – *заметных* национально-специфических различий.

Согласно предложенной нами шкале степени выраженности национальной специфики лексической группировки, если при сравнении двух лексических группировок преобладают *существенные* и *заметные* расхождения в показателях сопоставляемых индексов, то национальную специфику данных групп можно охарактеризовать как **ярко выраженную**. Если же наблюдается преобладание *видимых* и *несущественных* расхождений, то национальная специфика характеризуется как **неярко выраженная**. Таким образом, в **количественно-структурном аспекте** степень выраженности национальной специфики может быть охарактеризована как **неярко выраженная**, а в аспектах **семантического развития лексем группы** и **типологической характеристики семем группы** – как **ярко выраженная**. То есть, мы можем сделать вывод о том,

что степень выраженности национальной специфики группы «*Наименования лиц, занятых в сфере культуры и искусства*» в русском и английском языках по отдельным аспектам неодинакова.

Литература

1. Деркач С.И. Аспекты национальной специфики языка (на материале тематических групп «Политика» в русском и английском языках): автореф. дисс. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2011.
2. Калугина В.А. Национальная специфика языковой репрезентации концепта (на материале объективации концепта «температура» в русском и английском языках): автореф. дисс. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2006.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс – М., 2004.
4. Колтакова С.В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: дисс. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2008.
5. Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставительно-параметрический метод: новый этап развития// Сопоставительные исследования 2010. – Воронеж, 2010. – С. 3-9.
6. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2004.

Н.В. Кочетова

Особенности семантем сопоставимых адвербиальных лексем русского и английского языков

В данной статье рассматриваются особенности семантем наиболее частотных малосемемных адвербиальных лексем русского и английского языков, включающих от двух до пяти семем (типология М.А. Стерниной – Стернина 1999, с.42). Для анализа были выбраны три пары сопоставимых в основном значении лексем: *вчера* - *yesterday*, *сегодня* - *today* и *завтра* - *tomorrow*. Данные лексемы входят в список ста наиболее частотных наречий, полученных в результате сплошной выборки из Частотного словаря С.А. Шарова (www.artint.ru/projects/frqlist.asp) и списка частотных наречий Британского национального корпуса (www.natcorp.ox.ac.uk).

Основной задачей исследования было определение национально-специфических различий семантем вышеупомянутых лексем по четырем аспектам: аспекту развития лексической полисемии, аспекту развития лексико-грамматической полисемии (Стернина 1999), аспекту семемной представленности семантемы и аспекту коммуникативной релевантности семем.

При анализе применялись следующие индексы, предложенные в рамках развиваемого в Воронежском государственном университете сопоставительно-параметрического метода (Стернина, Стернин 2011):

Аспект развития лексической полисемии

- **индекс лексической полисемантичности семантемы** (Малыхина 2013);

Аспект развития лексико-грамматической полисемии³

- **индекс лексико-грамматической полисемии** (Малыхина 2013);
- **индекс лексико-грамматической вариантности** (Малыхина 2013);
- **индекс частеречной (адвербиальной / субстантивной) представленности семантемы** (Кривенко 2013).

Аспект семемной представленности семантемы

- **индекс эндемичности семантемы** (Кривенко 2013);
- **индекс семемной плотности семантемы** (Кривенко 2013).

Аспект коммуникативной релевантности семем

- **индекс коммуникативной релевантности семемы** (Кривенко 2013);
- **индекс плотности коммуникативно релевантных семем в семантеме** (Никитина 2013).

Для оценки степени проявления национальных особенностей были использованы разработанные в рамках сравнительно-параметрического метода шкалы. Так, для определения степени выраженности исследуемых параметров была использована предложенная Л.А. Кривенко **шкала**, согласно которой, в зависимости от показателей индексов, степень развития анализируемого явления можно признать *отсутствующей, низкой, заметной, яркой, значительной, высокой, гипервысокой и абсолютной* (Кривенко 2013, с. 59-60).

Для оценки степени проявления национально-специфических различий по выделенным аспектам была использована предложенная Н.А. Портнихиной и дополненная Л.А. Кривенко **шкала степени проявления национально-специфических различий**, согласно которой, в зависимости от значений интегральных индексов, национально-специфические различия считаются *отсутствующими, заметными, яркими, значительными* (Портнихина 2011, с. 198-199) и *существенными* (Кривенко 2013, с.10).

³ Под лексико-грамматической полисемией мы вслед за М.А. Стерниной понимаем многозначность на уровне частей речи. Под лексико-грамматической вариантностью понимается частный случай лексико-грамматической полисемии: «если при собственно лексико-грамматической полисемии семемы, находясь между собой в отношениях семантической производности, различаются как лексико-грамматическими семами, так и по составу лексических сем, то при лексико-грамматической вариантности состав лексических сем сравниваемых семем одинаков, семемы различаются лишь своими лексико-грамматическими семами» (Стернина 1999, с. 34).

Для определения степени выраженности национальной специфики семантем в целом по всем выделенным аспектам нами была использована предложенная Л.А. Кривенко **шкала выраженности национальной специфики семантем**, согласно которой, степень выраженности национальной специфики семантем в целом по всем выделенным аспектам можно считать *неярко выраженной, умеренно выраженной, ярко выраженной, гипервыраженной и сверхгипервыраженной* (Кривенко 2013, с. 10).

Рассмотрим пару сопоставимых лексем *сегодня* – *today*. Начнем с аспекта развития лексической полисемии. Анализ показал, что лексемы *сегодня* - *today* **лексической полисемии** не проявляют: показатели **индекса лексической полисемантичности семантемы**, под которым понимается отношение количества семем, демонстрирующих лексическую полисемию, к общему количеству развиваемых в семантеме семем (Малыхина 2013, с. 8), равны 0.

Что касается аспекта развития лексико-грамматической полисемии, то у рассматриваемых лексем *сегодня* – *today* было выявлено отсутствие **собственно лексико-грамматической полисемии**: показатели **индекса лексико-грамматической полисемии**, под которым понимается отношение количества семем, демонстрирующих лексико-грамматическую полисемию, к общему количеству развиваемых в семантеме семем (Малыхина 2013, с. 8), равны 0. Однако анализируемые лексемы характеризуются *абсолютной* степенью **лексико-грамматической вариантности**: показатели **индекса лексико-грамматической вариантности**, под которым понимается отношение количества семем, демонстрирующих лексико-грамматическую вариантность, к общему количеству развиваемых в семантеме семем (Малыхина 2013, с. 8), у обеих лексем равны 100%. Обе лексемы проявляют одинаковую адвербиальную и субстантивную представленность – их показатели **индексов адвербиальной и субстантивной представленности семантемы**, под которыми понимаются отношение количества семем с конкретной частеречной семой в семантеме к общему количеству ее семем (Кривенко 2013, с. 8), равны по 50% , что характеризует степень проявления как *значительную*.

Перейдем к аспекту семемной представленности семантемы. В семантемах рассматриваемых лексем присутствуют по две сопоставимые семемы – семема Д1⁴adv/n⁵ «сегодня/ сегодняшний день» (*И сегодня, в теплый майский вечер разложила их на столе, выстраивая вокруг короля*

⁴ Используется терминология М.М.Копыленко и З.Д.Поповой (Копыленко, Попова 1989, с. 31).

⁵ Обозначается лексико-грамматическая вариантность на уровне соответствующих частей речи, подробнее см. Стернина 2009.

понятные ей одной комбинации, из середины колоды вслепую доставала по одной карте и складывала их по углам⁶/ Он принадлежал к счастливейшему типу людей, которые умеют делать сегодня главным днем их жизни; *Take a warm jacket, it will be cool today*⁷/ *But today was different*) и семема Kladv/n «в настоящее время/ настоящее время» (Сегодня уже существует достаточно примеров эффективного сотрудничества почтовых ведомств разных стран в бизнесе денежных переводов/ И те незабываемые трещинки на пальцах моей бабушки видятся мною сейчас, из моего окаянного и покаянного сегодня, а тогда не замечались вовсе; *Today it's fashionable to be green/ We must be aware that the children of today are the cancer and heart victims of tomorrow*).

Таким образом, **индекс семемной плотности семантемы**, под которым понимается представленный в процентах объем семантем сопоставимых лексем по отношению друг к другу (Кривенко 2013, с. 9), равен 100%.

Эндемичные семемы в семантемах рассматриваемых лексем отсутствуют: показатель **индекса эндемичности семантемы**, под которым понимается отношение количества эндемичных семем в семантеме к общему количеству ее семем (Кривенко 2013, с. 9), равен 0.

Перейдем к аспекту коммуникативной релевантности семем. Установлено, что в семантеме лексемы *сегодня* наибольшую коммуникативную релевантность демонстрирует семема D1adv/n «сегодня/ сегодняшней день» с *высоким* показателем **индекса коммуникативной релевантности** семемы (71%). Отметим, что под этим индексом понимается отношение количества зафиксированных употреблений данной семемы к общему количеству исследованных употреблений лексемы (Кривенко 2013, с. 9). У семемы Kladv/n «в настоящее время/ настоящее время» выявлена *заметная* коммуникативная релевантность – показатель индекса равен 29%. В семантеме лексемы *today* самую высокую коммуникативную релевантность также имеет семема D1adv/n «сегодня/ сегодняшней день» со *значительным* индексом коммуникативной релевантности – 63%. У семемы Kladv/n «в настоящее время/ настоящее время» зафиксирована *яркая* коммуникативная релевантность, о чем говорит показатель индекса, равный 37%.

Что касается плотности коммуникативно релевантных семем, то семантемы рассматриваемых лексем характеризуются *абсолютной* степенью ее проявления, на что указывает значение **индекса плотности коммуникативно релевантных семем в семантеме**, под которым понимается отношение количества коммуникативно релевантных семем к

⁶ Источник примеров – Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).

⁷ Источник примеров - Британский национальный корпус (www.natcorp.ox.ac.uk).

общему количеству семем в семантеме (Никитина 2013, с. 42), равное 100%.

Исследование показало, что в паре сопоставимых лексем *сегодня* – *today* по трем аспектам: аспекту развития лексической полисемии, аспекту развития лексико-грамматической полисемии и аспекту семемной представленности семантемы национально-специфические различия отсутствуют, что подтверждают показатели интегрального индекса, равные 0. По аспекту коммуникативной релевантности национально-специфические различия оказались заметными, о чем свидетельствует показатель интегрального индекса – 4%.

В целом национальная специфика пары сопоставимых лексем *сегодня* – *today*, исходя из среднего интегрального индекса по рассмотренным аспектам (1%), можно квалифицировать как неярко выраженную.

Что касается остальных исследованных пар лексем: *вчера* – *yesterday* и *завтра* – *tomorrow*, то по трем аспектам: аспекту развития лексической полисемии, аспекту развития лексико-грамматической полисемии и аспекту семемной представленности семантемы значения соответствующих индексов оказались такими же, как и у пары лексем *сегодня* – *today*. Анализируемые пары лексем не проявляют лексическую полисемию и собственно лексико-грамматическую полисемию – показатели *индекса лексической полисемантичности семантемы* и *индекса лексико-грамматической полисемии* равны 0, однако характеризуются абсолютной степенью развития *лексико-грамматической вариантности* – показатели *индекса лексико-грамматической вариантности* равны 100%. Их семантемы включают в себя семемы Д1 и К1, которые проявляют лексико-грамматическую вариантность на уровне наречия и существительного. Данные лексем имеют одинаковую адverbиальную и субстантивную представленность – их показатели *индексов адverbиальной и субстантивной представленности семантемы* равны по 50%. Анализ показал, что эндемичные семемы в семантемах данных лексем отсутствуют, а показатели *индекса эндемичности семантемы* равны 0. Семемная плотность семантем рассматриваемых лексем одинакова, а показатели *индекса семемной плотности семантемы* равны 100%. Семантемы исследуемых лексем характеризуются абсолютной степенью плотности коммуникативно релевантных семем, на что указывают значения *индекса плотности коммуникативно релевантных семем в семантеме*, равные 100%.

Что касается показателей *индекса коммуникативной релевантности*, то они специфичны для каждой семемы. Так, в семантеме лексемы *вчера* наибольшую коммуникативную релевантность проявляет семема Д1adv/n «вчера/ вчерашний день» (*Вчера* днем он приехал из-за границы в Москву, немедленно явился к Степе и предложил гастроли в Варьете/

Вот ваш ужин остался от вчера, ешьте, пока не убрали) с гипервысоким показателем индекса коммуникативной релевантности семемы, равным 95%. У семемы Kladv/n «недавно/ недавнее прошлое» (*В первую минуту мне показалось, что в доме ничего не изменилось, будто я уехал отсюда только вчера/ А каким оно было, наше вчера?*) выявлена низкая коммуникативная релевантность – показатель соответствующего индекса равен 5%. В семантеме лексемы *yesterday* самой высокой коммуникативной релевантностью, как и у лексемы *вчера*, обладает семема Дladv/n «вчера/ вчерашний день» (*When she smiled at me yesterday I could see a resemblance/ I didn't know myself until yesterday*) с гипервысоким показателем индекса коммуникативной релевантности – 99.6%. Семема Kladv/n «недавно/ недавнее прошлое» (*Only yesterday America reported that wholesale prices edged up a tiny 0.2 p.c. last month and today's consumer inflation figures – like Britain's – should also be encouraging/ If your hard disk is yesterday's technology, the difference between memory and disk read rates is astonishing*) данной лексемы имеет низкую коммуникативную релевантность – ее показатель соответствующего индекса равен 0.4%.

В семантеме лексемы *завтра* наивысшей коммуникативной релевантностью обладает семема Дladv/n «завтра/ завтрашний день» (*Не могу ли я прибыть завтра по такому-то адресу для разговора?/ Почему я не догадался назначить встречу не на завтра, а на сегодня?*) с гипервысоким показателем индекса коммуникативной релевантности 98%. Низкая коммуникативная релевантность выявлена у семемы Kladv/n «в будущем/ будущее» (*Я сам захотел руководить институтом, и именно потому, что знал: сегодняшняя теория завтра обратится в практику/ Теша себя мыслями о счастливом завтра, он жил ото дня ко дню*) с показателем индекса 2%. Установлено, что в семантеме лексемы *tomorrow*, как и у лексемы *завтра*, наибольшей коммуникативной релевантностью характеризуется семема Дladv/n «завтра/ завтрашний день» (*I might come for tea tomorrow then/ I'm going to have bruises by tomorrow*) с гипервысоким показателем индекса 95%. Семема Kladv/n данной лексемы «в будущем/ будущее» (*However well we make plans for our children tomorrow we can only move from the point they have reached today/ We therefore have to be in a position to share the dreams and the understandings of those people who we believe are making the running for tomorrow, wherever they may be*) обладает низкой коммуникативной релевантностью, о чем свидетельствует показатель соответствующего индекса, равный 5%.

Сводные данные о национальной специфике исследованных пар лексем по всем вышеупомянутым аспектам приведены в **Таблице 1**.

Таблица 1.

Пара сопоставимых лексем	Показатель интегрального индекса / <i>характер различий</i>				Показатель среднего интегрального индекса национально-специфических различий/ <i>степень выраженности национальной специфики</i>
	Аспект развития лексической полисемии	Аспект развития лексико-грамматической полисемии	Аспект семемной представленности семантемы	Аспект коммуникативной релевантности	
<i>вчера-yesterday</i>	0 <i>отсутствуют</i>	0 <i>отсутствуют</i>	0 <i>отсутствуют</i>	4% <i>заметные</i>	1% <i>неярко выраженная</i>
<i>сегодня-today</i>	0 <i>отсутствуют</i>	0 <i>отсутствуют</i>	0 <i>отсутствуют</i>	8% <i>заметные</i>	2% <i>неярко выраженная</i>
<i>завтра-tomorrow</i>	0 <i>отсутствуют</i>	0 <i>отсутствуют</i>	0 <i>отсутствуют</i>	3% <i>заметные</i>	0,75% <i>неярко выраженная</i>

Таким образом, исследование выявило *отсутствие* национально-специфических различий у трех пар сопоставляемых лексем по аспекту развития лексической полисемии, аспекту развития лексико-грамматической полисемии и аспекту семемной представленности семантемы. Что касается аспекта коммуникативной релевантности, то здесь были обнаружены *заметные* национально-специфические различия. В целом национальная специфика пар сопоставимых лексем *вчера – yesterday*, *сегодня – today* и *завтра – tomorrow*, исходя из среднего интегрального индекса по рассмотренным аспектам, можно охарактеризовать как *неярко выраженную*.

Литература

1. Британский национальный корпус – URL: www.natcorp.ox.ac.uk
2. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. – Воронеж, 1989.
3. Кривенко Л.А. Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2013.
4. Малыхина Н.И. Полисемия английского глагола: автореф. дис. ... филол. наук. – Воронеж, 2013.
5. Национальный корпус русского языка – URL: www.ruscorpora.ru
6. Никитина И.Н. Национальная специфика семантем русской и английской глагольной лексики: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2013.

7. Портнихина Н.А. Национальная специфика семантического развития слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
8. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж, 1999.
9. Стернина М.А, Стернин И.А. Сопоставительно-параметрический метод исследования: возможности и перспективы // Сопоставительные исследования 2011. – Воронеж, 2011. С. 3 – 18.
10. Частотный словарь С.А. Шарова – URL: www.artint.ru/projects/frqlist.asp

Л.А. Кривенко

Аспектный анализ семантем сопоставимых лексем

Данная статья посвящена описанию разработанной нами методики аспектного анализа семантем сопоставимых лексем, под которыми мы понимаем лексемы, имеющие эквивалентные семемы Д1 (Копыленко, Попова 1989, с. 32).

Материалом исследования послужили сто русских и сто английских наиболее частотных субстантивных лексем, отобранных из Частотного словаря С.А. Шарова (www.artint.ru/projects/frqlist.asp) и Списка частотных существительных Британского Национального Корпуса (<http://www.natcorp.ox.ac.uk>). В качестве источника примеров использовались Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>) и Британский национальный корпус (<http://bncweb.lancs.ac.uk>).

Отметим, что в ходе исследования было выявлено 38 пар сопоставимых наиболее частотных субстантивных лексем русского и английского языков: *время – time, год – year, путь – way, мужчина – man, день – day, ребенок – child, жизнь – life, женщина – woman, система – system, часть – part, дом – house, место – place, рука – hand, школа – school, страна – country, неделя – week, слово – word, месяц – month, ночь – night, глаз – eye, вопрос – question, деньги – money, книга – book, вода – water, комната – room, имя – name, лицо – face, друг – friend, власть – authority, дорога – road, час – hour, дверь – door, война – war, мать – mother, человек – person, город – city, минута – minute, мама – mother*.

Национальная специфика семантем была изучена по следующим четырем аспектам: аспекту развития лексической полисемии, аспекту развития лексико-грамматической полисемии, под которой мы вслед за М.А. Стерниной понимаем полисемию на уровне частей речи (Стернина 1999, с. 25), аспекту семемной представленности семантемы и аспекту коммуникативной релевантности семем.

Каждый из перечисленных аспектов был количественно охарактеризован с помощью индексов, а затем полученные

количественные показатели были переведены в качественные характеристики при помощи шкал, предложенных в рамках развиваемого в Воронежском госуниверситете сопоставительно-параметрического метода.

Для **аспекта развития лексической полисемии** релевантными оказались следующие индексы:

- *индекс лексической полисемантичности семантемы* – отношение количества семем, демонстрирующих лексическую полисемию, к общему количеству развиваемых в семантеме семем (Малыхина 2013, с. 38);

- *индексы денотативной и коннотативной лексической полисемантичности семантемы* – отношение количества денотативных / коннотативных семем в семантеме, демонстрирующих лексическую полисемию, к общему количеству развиваемых семантемой семем, демонстрирующих лексическую полисемию (Малыхина 2013, с. 38).

Для характеристики **аспекта лексико-грамматической полисемии** были использованы следующие формализованные параметры:

- *индекс лексико-грамматической полисемии* – отношение количества семем, демонстрирующих лексико-грамматическую полисемию, к общему количеству развиваемых в семантеме семем (Малыхина 2013, с. 38);

- *индекс лексико-грамматической вариантности* – отношение количества семем, демонстрирующих лексико-грамматическую вариантность, к общему количеству развиваемых в семантеме семем (Малыхина 2013, с. 38);

- *индекс денотативной / коннотативной лексико-грамматической полисемантичности семантемы* – отношение количества денотативных / коннотативных семем в семантеме, демонстрирующих лексико-грамматическую полисемию, к общему количеству развиваемых семантемой семем, демонстрирующих лексико-грамматическую полисемию (Малыхина 2013, с. 38);

- *индекс частеречной (глагольной / субстантивной / адъективной / адverbиальной / с семой вводного слова) представленности семантемы* – отношение количества семем с конкретной частеречной семой в семантеме к общему количеству ее семем (Кривенко 2013, с. 38).

Для характеристики **аспекта коммуникативной релевантности** были использованы следующие параметры:

- *индекс коммуникативной релевантности семемы* – отношение количества зафиксированных употреблений данной семемы к общему количеству исследованных употреблений лексемы (Кривенко 2013, с. 38);

- *индексы коммуникативной релевантности денотативных и коннотативных семем в семантеме* – отношение количества зафиксированных употреблений денотативных и коннотативных семем к общему количеству исследованных употреблений лексемы (Малыхина 2013, с. 40).

Для **аспекта семемной представленности** релевантны следующие параметры:

- *индекс эндемичности семантемы* – отношение количества эндемичных семем в семантеме к общему количеству ее семем (Кривенко 2013, с. 39);
- *индекс семемной плотности семантемы* – представленный в процентах объем семантем сопоставимых лексем по отношению друг к другу (Кривенко 2013, с. 39).

Для ранжирования степени выраженности исследуемых параметров представилось целесообразным использовать **шкалу**, представленную ниже в виде таблицы.

Шкала ранжирования степени выраженности исследуемых параметров

Численные значения параметров	Степень выраженности параметра
0	отсутствие рассматриваемого явления (нулевая степень)
$0 < и < 10\%$	низкая степень
$10 \leq и < 30\%$	заметная степень
$30\% \leq и < 50\%$	яркая степень
$50\% \leq и < 70\%$	значительная степень
$70\% \leq и < 90\%$	высокая степень
$90\% \leq и < 100\%$	гипервысокая степень
100%	абсолютная степень

Для характеристики национально-специфических различий семантем сопоставимых лексем по изучаемым аспектам был использован *интегральный индекс национально-специфических различий* по выделенным аспектам, вычисляемый как среднее арифметическое представленной в процентах разницы в показателях значений всех индексов, используемых для характеристики группы (Портнихина 2011, с. 198-199).

Для оценки степени проявления национально-специфических различий по выделенным аспектам была использована предложенная Н.А. Портнихиной **шкала степени проявления национально-специфических различий** (Портнихина 2011, с. 198-199). Данная шкала, дополненная нами на основе анализа нашего материала (Кривенко 2013, с. 42), представлена ниже в виде таблицы.

Шкала степени проявления национально-специфических различий по выделенным аспектам

Показатель интегрального индекса национально- специфических различий	Степень выраженности параметра
0	отсутствие национально-специфических различий
0,1% - 10%	заметные различия
10,1% - 30%	яркие различия
30,1% - 50%	значительные различия
>50%	существенные различия

Для определения национально-специфических различий семантем по всем выделенным аспектам использовался *средний интегральный индекс национально-специфических различий*, вычисляемый как среднее арифметическое показателей всех интегральных индексов, используемых для характеристики семантем (Кривенко 2013, с. 42).

Для определения степени выраженности национальной специфики семантем в целом использована **шкала выраженности национальной специфики семантем**, представленная ниже в виде таблицы (Кривенко 2013, с. 43).

Шкала выраженности национальной специфики семантем

Численные значения среднего интегрального индекса национально- специфических различий	Степень выраженности национальной специфики
<10%	неярко выраженная
10,1%-20%	умеренно выраженная
20,1%-30%	ярко выраженная
30,1%-50%	гипервыраженная
>50%	сверхгипервыраженная

Покажем «работу» перечисленных параметров и шкал на примере пары сопоставимых наиболее частотных субстантивных лексем *время* – *time*.

Аспект развития лексической полисемии. Семантема лексемы *время* характеризуется *абсолютной* степенью выраженности лексической полисемии (100%), а семантема лексемы *time* имеет *яркую* степень выраженности данного явления (показатель индекса равен 35%).

Исследование показало, что лексема *время* имеет *заметную* денотативную лексическую полисемантичность (показатель индекса равен 14%) и *высокую* коннотативную лексическую полисемантичность (показатель индекса равен 86%). Что касается лексемы *time*, то она обладает *низкой* денотативной лексической полисемантичностью

(показатель индекса равен 7%) и *гипервысокой* коннотативной лексической полисемантичностью (показатель индекса равен 93%).

Аспект развития лексико-грамматической полисемии. По данным исследования, лексема *время* лексико-грамматической полисемии ни в одном из ее видов не развивается, то есть характеризуется индексами лексико-грамматической полисемии и лексико-грамматической вариантности, равными 0.

Семантема лексемы *time* имеет *яркую* степень развития лексико-грамматической полисемии: показатель соответствующего индекса равен 35%. В ее состав входят шесть семем K1v: «назначать или устанавливать время, приурочивать» (*He timed his arrival for six o'clock*), «ставить (часы), задавать темп; регулировать механизм» (*to time one's watch*), «отмечать по часам; засекать; определять время; хронометрировать» (*to time the speed of work*), «рассчитывать, устанавливать продолжительность» (*it is timed to run for 48 hours*), «выделять время для определённого процесса» (*to time one's exposure correctly*), «совпадать, биться в унисон» и три семемы K1a: «снабженный часовым механизмом» (*time lock*), «связанный с покупками в кредит или платежами в рассрочку», «подлежащий оплате в определённый срок».

Семантема лексемы *time* характеризуется также *заметной* степенью развития лексико-грамматической вариантности – показатель соответствующего индекса составляет 12%. В состав семантемы входят семема D1n/a «время, длительность существования всего происходящего, всех явлений и предметов, измеряемая веками, годами, часами, минутами и т.д. / связанный со временем» (*I used to spend a lot of time in demanding places like the Andes and in remote parts of Africa / ... time limits*), семема D2n/v «темп, такт / делать в такт» (*to quicken the time / to time one's steps to the music*) и семема K1n/v «время выполнения чего-либо / рассчитывать по времени» (*The poem would arrive in two days' time / to time oneself well*).

Отметим, что лексема *time* характеризуется *заметной* денотативной лексико-грамматической полисемантичностью – показатель индекса составляет 17% и *высокой* коннотативной лексико-грамматической полисемантичностью – показатель индекса равен 83%.

Что касается частеречной представленности, то семантема лексемы *время* характеризуется *абсолютной* субстантивной представленностью – показатель индекса равен 100%. Семантема лексемы *time* имеет *значительную* субстантивную представленность, что подтверждает показатель соответствующего индекса 65,4%, *яркую* глагольную представленность – показатель индекса составляет 30,8% и *заметную* адverbиальную представленность, на что указывает показатель индекса 15,4%.

Аспект семемной представленности семантемы. Очевидно, что семантемы сопоставимых лексем, помимо одинаковых, включают и

эндемичные семемы, то есть семемы, присутствующие в семантеме только одной из сопоставимых лексем изучаемых языков. Установлено, что в семантемах обеих лексем присутствуют следующие сопоставимые семемы: семема D1n «длительность существования всего происходящего, всех явлений и предметов, измеряемая веками, годами, часами, минутами и т.д.» (*Классика, она вне времени и веяний моды / How much time was that going to take?*) и три семемы K1n: «времена, пора, эпоха, эра» (*Предлагаемые обязательные работы немного отличаются от действовавших в советское время работ исправительных / new times*), «благоприятный, подходящий момент для чего-либо» (*Самое время навестить родных и старых приятелей / Time to go home to a warm fire*) и «период времени, сезон, пора, время, долгое время» (... в связи с отсутствием компенсации расходов подача горячей воды в летнее время экономически не целесообразна / *If you visit during the summer time it closes an hour later — at bpm*).

Отметим, что семантема лексемы *время* характеризуется значительной эндемичностью, о чем свидетельствует показатель индекса 50%, а семантема лексемы *time* имеет высокую эндемичность, что подтверждает показатель индекса 85%. Приведем в качестве примера несколько эндемичных семем каждой из лексем. Так, например, семантема лексемы *время* включает семему D2n «категория глагола, относящая действие посредством специальных форм в план настоящего, прошлого или будущего» (*Изменим только временную перспективу совершения действия, т. е. заменим прошедшее время глагола будущим временем*), семему K1n «отрезок, промежуток в последовательной смене часов, дней, лет и т.п.» (*Но, наверное, придётся здесь какое-то время поработать...*), семему K1n «часы, момент, отведенные для чего-либо, в которое происходит что-либо» (*Очереди за кофе и бутербродами в рабочее время и в перерывах были практически одинаковыми*) и семему K1n «свободные от обычных занятий часы, дни, досуг» (*Дескать, у супругов, вымотанных круглосуточной вахтой, друг на друга не остаётся ни времени, ни сил*). В состав семантемы лексемы *time* входят эндемичная семема K1n «обозначение однократного действия при подсчете, указании на количество» (*It is better to feed your fish several times a day with small amounts than one huge feed per day*), семема K1n «раз, случай» (*The result has been the same each time*), семема K1n «час, точное время; момент, мгновение; определённый момент, определённое время; время прибытия или отправления (поезда)» (*He came in time*) и еще 19 эндемичных семем.

По данным исследования семантема лексемы *время* включает восемь семем, а семантема лексемы *time* – 26. Отметим, что при сравнении объема семантем за 100% мы принимаем семемную плотность семантемы, содержащей большее количество семем, в данном случае – это лексема

time. Таким образом, индекс семемной плотности семантемы лексемы *time* составляет 100%, а лексемы *время* – 31%.

Аспект коммуникативной релевантности. Исследование показало, что в семантеме лексемы *время* все семемы оказались коммуникативно релевантными, причем наибольшей коммуникативной релевантностью характеризуется семема Д1п «длительность существования всего происходящего, всех явлений и предметов, измеряемая веками, годами, часами, минутами и т.д.» (*Классика, она вне времени и веяний моды*) с *высоким* показателем индекса – 81,2%. Остальные семь зафиксированных семем данной лексемы проявляют *низкую* степень коммуникативной релевантности: их индексы коммуникативной релевантности находятся в диапазоне от 0,1% до 8,5%. В целом семантема данной лексемы демонстрирует *высокую* денотативную коммуникативную релевантность (показатель индекса составляет 81,3%) и *низкую* коннотативную коммуникативную релевантность (показатель индекса равен 18,7%).

В семантеме лексемы *time*, по нашим данным, из 26 семем коммуникативно релевантными оказались восемь, из них пять семем имеют *заметную* коммуникативную релевантность: их соответствующие индексы находятся в промежутке от 11,1% до 22,5%, а три семемы характеризуются *низкой* коммуникативной релевантностью с показателями индекса от 5,7% до 7,1%. Остальные 18 семем оказались коммуникативно нерелевантными, в нашей выборке примеров они не встретились.

В целом семантема данной лексемы демонстрирует *заметную* денотативную коммуникативную релевантность (показатель индекса равен 22,5%) и *высокую* коннотативную коммуникативную релевантность (показатель индекса составляет 77,5%).

Анализ показал, что по аспекту развития лексической полисемии пара сопоставимых лексем *время* – *time* характеризуется *яркими* национально-специфическими различиями, на что указывает показатель интегрального индекса по данному аспекту – 24,3%. По аспекту развития лексико-грамматической полисемии и аспекту семемной представленности семантемы национально-специфические различия можно квалифицировать как *существенные*, что подтверждают показатели интегрального индекса по данным аспектам – 64,2% и 51,8% соответственно. По аспекту коммуникативной релевантности национально-специфические различия оказались *заметными*, о чем свидетельствует показатель интегрального индекса – 2,5%.

В целом национальная специфика пары сопоставимых лексем *время* – *time*, исходя из среднего интегрального индекса по рассмотренным аспектам (37,5%), может квалифицироваться как *гипервыраженная*.

В заключении отметим, что предлагаемая методика позволяет достаточно подробно изучить национальную специфику семантем

сопоставимых лексем нескольких языков и может использоваться для описания семантем различной частеречной отнесенности.

Литература

1. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. – Воронеж, 1989.
2. Кривенко Л.А. Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики: дис. ...канд. филологических наук. – Воронеж, 2013.
3. Малыхина Н.И. Полисемия английского глагола (на материале наиболее частотных глагольных лексем английского языка): дис. ...канд. филологических наук. – Воронеж, 2013.
4. Портнихина Н.А. Национальная специфика семантического развития слова: автореферат дис. ...канд. филологических наук. – Воронеж, 2011.
5. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж, 1999.
6. Британский национальный корпус – <http://bncweb.lancs.ac.uk>
7. Национальный корпус русского языка – <http://www.ruscorpora.ru>
8. Список частотных существительных Британского Национального Корпуса – <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
9. Частотный словарь С.А. Шарова – www.artint.ru/projects/frqlist.asp

А.В. Кукина, Н.В. Костенко

Времена года в русской и английской лингвокультурах

Представления о временах года образуют древний элемент мировоззрения и являются одним из важных элементов понимания мира. Концепт ВРЕМЕНА ГОДА – один из наиболее значимых в концептосфере любой национальной языковой картины мира и, на наш взгляд, может быть отнесён к категории универсальных. Однако он своеобразно преломляется в национальном языке и культуре.

В качестве основной цели данного исследования мы рассматривали описание лексем и фразеосочетаний с компонентом «времена года» на материале русского и английского языков и выявляли на этой основе культурно-языковые особенности обозначенного концепта. Объект исследования составила лексико-фразеологическая группа (ЛФГ), репрезентирующая концепт ВРЕМЕНА ГОДА в русском и английском языках. При рассмотрении данной ЛФГ учитывались два аспекта: этимологический и индивидуально-авторский. Этимологический анализ проводился на основе данных толковых, этимологических словарей, словарей пословиц и поговорок английского и русского языков, а также словарей идиом. Для исследования индивидуально-авторской

репрезентации концепта ВРЕМЕНА ГОДА нами был набран корпус стихотворений русской и английской поэзии 19 – 20 веков. Два упомянутых выше подхода были избраны нами с целью осуществления комплексного анализа способов репрезентации исследуемого концепта и, как результат этого анализа, выявления общих и различных компонентов в трактовке и восприятии такого общекультурного явления, как времена года.

В результате анализа, проведенного на этимологическом уровне, нами были сделаны следующие выводы:

- Концепт ВРЕМЕНА ГОДА в русской национальной картине мира распадается на четыре микроконцепта: ЗИМА, ЛЕТО, ВЕСНА и ОСЕНЬ, каждый из которых, прежде всего, реализуется в идентичных ключевых лексемах. То же происходит и с концептом SEASONS в английской национальной картине мира.
- Основные компоненты содержания концептов, так называемые архаические образы, составляют ядро концепта, вокруг которого формируются периферийные компоненты в национальной картине мира. В русском языке: ЗИМА – снег: *Весна цветы рассыпает, зима снег простилает*; ЛЕТО – тепло, солнце: *Солнце на лето, зима на мороз*; ВЕСНА – тепло, огонь: *Матушка-весна всем красна*; ОСЕНЬ – урожай, жатва: *Весна красна цветами, а осень снопами*. И в английском языке: WINTER – snow: *The stag bells, winter snows...*; SUMMER – warm, sun: *A summer's sun is worth the having*; SPRING – warm, flowers: *Sweet spring, full of sweet days and roses...*; AUTUMN – harvest: *Come to us, Lord of Harvest...* Наблюдается межязыковое расхождение в ядерном компоненте концепта ВЕСНА\SPRING: тепло/flowers.
- Сходство ассоциаций у представителей русской и английской лингвокультур прослеживается в следующих архаических представлениях об исследуемом концепте: весна \ spring ассоциируется со временем любви, с началом жизни, с возрождением: *Весенний день – что ласковое слово.- I sowed the seeds of love, it was all in the spring*; лето \ summer представляется как расцвет жизни: *Красное лето никому не надокучило.- In summer, the song sings itself*; осень \ autumn – как преддверие смерти, смерть: *Осень жизни, как и осень года, надо благодарно принимать. – You can't hide your true colours as you approach the autumn of your life*. Более того, осень имеет двойственную характеристику как у представителей русской лингвокультуры («пышное природы увяданье»): «пора затяжных дождей и хандры» с одной стороны, «красота и зрелость природы» – с другой, так и у представителей английской лингвокультуры: “time of harvest” с одной стороны, “the time of maturity or decline” – с другой: *autumn years*; зима \

winter – как покой, вечный сон, мрак: *После большого урожая строгая зима – Dead of winter* (the coldest, darkest part of winter). Однако были отмечены и некоторые различия в восприятии времен года: зима в русском сознании хоть и «суровая», но очень любима представителями русской лингвокультуры: *Татьяна, русская душою, сама не зная почему, любила русскую зиму*, в то время как отношение к winter у представителей английской лингвокультуры строго негативное, что отражается, например, в устойчивых ФС: *snowball's chance in hell* («to be very unlikely to succeed at something»); *dead of winter* (“in the middle of winter, when it is very cold and dark”), несущих отрицательную коннотацию. Весна в сознании русского человека имеет двоякую оценку: с одной стороны данный сезон ассоциируется с периодом обновления природы: *Наряди пень в весенний день, и пень хорош будет*, а с другой – со временем голода: *Красна́ весна́, да голодна́*, в то время как у представителей английской лингвокультуры spring имеет положительную оценку: *In triumph to the world the youthful spring*; лето имеет преимущественно положительную оценку и воспринимается как «любимое время года», «время теплых, солнечных дней»: *Люди рады лету, а пчелы цветут*; summer имеет амбивалентную оценку и воспринимается, с одной стороны, как «пора тепла и солнца», связанная с компонентами “sun”, “warm”: *A life without love is like a year without summer*, с другой стороны, лето у представителей английской лингвокультуры ассоциируется с *heat* – жарой и зноем: *As hot as hell, Dog days of summer* (the central part of a hot season when the weather is too much hot).

Результаты анализа индивидуально-авторской репрезентации концепта ВРЕМЕНА ГОДА показали, что:

- В авторских описаниях времен года проявляется наличие ядерных компонентов исследуемого концепта, имеющих архаическую природу: *Прелесть утренней зимы! Дни стоят невыразимы, снегу – хоть давай взаймы всем другим бесснежным зимам. – The soft wind blows across the snows; В сто сорок солнц закат пылал, в июль катилось лето, была жара, жара плыла – на даче было это. – Outward sunshine, inward joy. Blessings on thee, barefoot boy!; Как ты пленителен, подарок воспламеняющей весны! – When all at once I saw a crowd, a host, of golden daffodils; Вот она, плодоносная осень! Поздновато ее привели. – Autumn's resting on the hills. Harvested are fruit and grain.*
- Авторские представления о концепте ВРЕМЕНА ГОДА и в русской, и в английской поэзии базируются на архаических представлениях о нём, поскольку поэты являются представителями той или иной национальной культуры. В поэтических текстах весна/spring ассоциируется со временем любви с началом жизни, с возрождением:

Только грусть и нежность, нежность вся до дна. Вечная любовь, вечная весна. – *The young May moon is beaming, love*; лето/summer представляется как расцвет жизни: *Мгновенье полного расцвета. И сразу наступило лето!* – *When on a summer's morn I wake and open my two eyes, out to the clear, born-singing rills my bird-like spirit flies*; осень/autumn – как преддверие смерти, смерть: *И осень – пора увяданья и самосгорания пора.* – *I love the year's decline...*; зима/ winter – как покой, вечный сон, мрак: *И очнулась вокруг зима, стало ясно, что у причала Государыня-смерть сама.* – *And when Youth's summer day is vanished, And Age brings Winter's stress.*

- Наблюдаются некоторые несовпадения в архаических и индивидуально-авторских представлениях о концепте ВРЕМЕНА ГОДА как в русских, так и в английских поэтических текстах. В русской лингвокультуре это особенно связано с интерпретацией концептов ВЕСНА и ОСЕНЬ. В славянской картине мира концепт ОСЕНЬ связывался с образом *урожая, жатвы*, а в представлении поэтов 19-20 веков концепт стал кодироваться преимущественно образом *листьев*. Сравните: *Ты корми меня в весну, а осенью я сам сыт буду.* – *И снова осень с чарой листьев ржавых, румяных, алых, желтых, золотых...* ВЕСНА в представлении древних славян связывалась с образом *огня*, так как одним из основных весенних обрядов было разжигание общесельских костров, обрядовый огонь связывался с весенним солнцем: *Солнце светит, солнце сияет – вся природа оживает.* В представлении авторов 19-20 веков весна стала связываться с образом *воды*: *До Пасхи целых семь недель, а с крыши холодная капель...* В английской лингвокультуре несовпадения связаны с интерпретацией концепта AUTUMN. Концепт AUTUMN репрезентировался образом *harvest*, а в представлении поэтов 19-20 веков концепт стал ассоциироваться преимущественно с образом *leaves*: *For man, autumn is a time of harvest, of gathering together.* – *The falling leaves drift by the window...* Совпадение древних и авторских образов у носителей русского языка наблюдается в репрезентации концептов ЗИМА и ЛЕТО, в то время как у носителей английского языка такое совпадение четко прослеживается у концептов WINTER, SUMMER и SPRING. Такие изменения центральных образов ВЕСНЫ и ОСЕНИ в русской лингвокультуре и образа AUTUMN в английской могут быть связаны с переходом на созерцательное отношение к тому или иному времени года.
- В индивидуально-авторской оценке сезонов, как в русской художественной картине мира, так и в английской нельзя говорить об однозначном авторском восприятии того или иного сезона. В данном случае концепт ВРЕМЕНА ГОДА мыслится как поэтический концепт, а значит, его интерпретация полностью зависит от внутреннего мира автора, от его личностных особенностей, от его поэтического

восприятия данного явления. Авторский стиль часто выходит за рамки архаических представлений о концепте, расширяет границы этих представлений и обогащает языковую сферу его репрезентации: *Осень – рыжая кобыла...; Зеленой феею пришла весна.; I welcome you, Red Harvester of yet another year!; And tree and house, and hill and lake, are frosted like a wedding-cake.*

- Важной чертой в авторской интерпретации концепта как в русских, так и в английских поэтических текстах можно назвать использование стилистического приема олицетворения, когда временам года, приписываются человеческие качества и свойства: *Осень богатая, пьяная, прибыли рада; The summer night has a smile of light and she sits on a sapphire throne.* Это подчеркивает значимость каждого времени года для писателя как для представителя той или иной лингвокультуры, а также выявляет особую специфику восприятия концепта ВРЕМЕНА ГОДА в национальной картине мира.

В заключении приходим к выводу, что концепт ВРЕМЕНА ГОДА относится к общечеловеческим концептам, базируется на архаических признаках, единых в сопоставляемых культурах. Отсюда наличие общих черт и тенденций восприятия данного явления. Однако не следует упускать из вида тот факт, что в результате исследования были выявлены и некоторые различия в содержании и трактовке вышеупомянутого концепта. Несовпадающие ассоциативные образы отражают особенности процесса познания окружающего мира, а также выявляют национальную специфику данного фрагмента концептосферы русского и английского народов.

Литература

1. British National Corpus. – <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
2. Collins English Dictionary. – HarperCollins Publishers Limited, 2009.
3. Encyclopedia Britannica. – Pvt. Limited, 2008.
4. Антология английской и американской поэзии / Сост.: В.В.Захаров, Б.Б.Томашевский. – М., 1972.
5. Национальный корпус русского языка. – <http://www.ruscorpora.ru>
6. Этимологический словарь в 4-х томах /Сост.: М. Фасмер. – 2-е изд. – М., 1987.

И.А. Кулиш

Контрастивный анализ лексики близкородственных языков

Предметом нашего исследования являются наименования лиц по принадлежности к социальным группам в английском и немецком языках.

Исследование направлено на выявление национальной специфики семантики единиц исследуемой группировки в английском языке на фоне немецкого языка.

Первый этап исследования – определение исходного материала в английском языке.

Предметом анализа будут являться лексемы, называющие лиц по принадлежности к определенной социальной группе. При всей размытости понятия социальная группа, представляется возможность определить материал исследования по следующим признакам: лексемы, относящиеся к исследуемой группе, называют лиц, характеризуя данных лиц как принадлежащих к определенной выделяющейся в обществе группировке, отличающейся общностью определенных социальных признаков и рассматриваемой в данном обществе как определенный консолидированный по общим социальным характеристикам разряд лиц.

Это, прежде всего, наименования лиц по принадлежности к социальным классам, слоям, имущественным отношениям, уровню благосостояния, определенным социальным организациям или течениям, выполняемым социальным функциям, политической и религиозной принадлежности.

К группировке лиц по принадлежности к социальным классам и слоям будут относиться единицы типа aristocrat, aristocracy, count, countess, crown prince, crown princess, duchess, duke, elite, dame, First Lady, intelligencia, king, knight, blue blood, upper class, upper man, upper woman, petite bourgeoisie, queen, tsarina, tsar, nobleman, proletarian, patrician, peasant, peer, peeress, nobility, noble, marquis, migrant, underclass, upper class crust, gentlefolk, gentle farmer, gentle woman, working class, working girl, working group, Lady, life peer, WASP и др.

По принадлежности к разряду лиц, характеризующихся по имущественным отношениям: landholder, landlady, landlord, landowner, countryman, countrywoman, vassal, homebuyer, housekeeper, lady of the house и др.

По уровню благосостояния: badly off, beggar, millionaire, millionaires, nouveau riche, benefactor и др.

По принадлежности к социальным организациям, учреждениям или течениям: Akela (Scout leader), Boy Scout, hippie, figurehead, first person, foreman, forewoman, founder, founder member, founding father, blue ribbon, grandmaster, groupie, inductee, life member, latecomer, congressperson, congressman, congresswoman, Home Secretary, ombudsman, sovereign, spokesperson, spokesman, spokeswoman, statesman, stateswoman, Tory, elder statesman, marshal и др.

По выполняемым социальным функциям: backy = sponsor, helper, infiltrator, doyenne, elder statesman, escort, front man, underdog, VP, VIP, watchdog, big boys, blackleg, lobbyist, Mata Hari, moderator, untouchable, assembly man, assembly woman, backbencher, apparatchik, colonist, double agent, marcher и др.

По политической принадлежности, взглядам, деятельности: abolitionist, absolutist, agitator, alderman, alderwoman, anti-Semite, apostate, Big Brother, black shirt, Bolshevik, capitalist, champagne socialist, chauvinist, communist, conservationist, democrat, dictator, founding father, freedom fighter, easterner, elector, electorate, environmentalist, expansionist, extremist, fascist, federalist, feminist, imperialist, leftist, left wing, liberal, libertarian, loyalist, maoist, Marxist, mason, freemason, monarchist, nationalist, nazzi, neo-Nazi, politician, politico, Rep, reformer, reformist, representative, republican, racist, radical, rationalist, royalist, separatist, democrat, totalitarian, terrorist, tyrant, unionist, Victorian, voter, westerner, Zionist, colonialist, dissident, émigré, hawk, incumbent, independent, Unionist, warmonger, Loyalist и т.д.

По религиозной принадлежности, взглядам, деятельности: agnostic, apostate, atheist, ayatollah, Benedictine, Buddhist, churchgoer, churchman, Freemason, heretic, Methodist, Mormon, mufti, mullah, pilgrim, Satanist, pastor, theologian, acolyte, confessor, dean, dervish, exorcist, Unitarian, Jacobite, Jesuit, man of God и др.

Список единиц будет пополняться и уточняться.

Исследование будет носить контрастивный характер – будет предпринята попытка описать английские лексемы при помощи контрастивной методики (Стернин 2007, 2008, Контрастивная лексикология и лексикография 2006, Харитонова 1987 и др.) на фоне их возможных немецких соответствий

В контрастивной лингвистике традиционным является сопоставление родного языка исследователя с иностранным для него языком. Обычно используются термины *исходный язык* – язык, который выступает отправной точкой контрастивного исследования, и *язык сопоставления* – язык, с которым сравнивается исходный язык.

Вместе с тем, контрастивная методика допускает анализ в любом направлении – можно контрастивным методом изучать иностранный язык, сделав его исходным, в сопоставлении с родным языком исследователя; можно изучать два иностранных языка, взяв один за исходный, а другой рассматривать как язык сопоставления – один на фоне другого. (Стернин 2008, с.193-200). Это аспект контрастивной лингвистики еще мало разработан, особенно на материале близкородственных языков (нам известна лишь одна работа контрастивного плана на материале близкородственных языков – Проценкова 2008).

Наше исследование направлено на контрастивное изучение двух иностранных для исследователя и близкородственных между собой языков.

Для контрастивного описания лексики существенным оказывается количество лексических единиц языка сопоставления, которые могут быть поставлены в соответствие исследуемой единице исходного языка.

С этой, формальной, точки зрения выделяются:

1. линейные соответствия (1:1): единице исходного языка соответствует только одна единица языка сопоставления;

Например, при сопоставлении русского языка с немецким:

город – Stadt, задвижка – Riegel, гриб – Pilz, красный – rot, дерево – Baum.

2. векторные соответствия (1:N): единице исходного языка соответствует несколько единиц языка сопоставления;

Например: токарь – Dreher, Drechsler; полка – Regal, Fach; вход – Eingang, Einstieg; ученик – Schüler, Lehrling.

3. лакуны (1:0): единице исходного языка не соответствует ни одной единицы языка сопоставления.

Например: «вечер пятницы, суббота и воскресенье» (ср. нем. Wochenende), «вечер после работы» (ср. нем. Feierabend) и др.

Данные виды межъязыковых соответствий устанавливаются для исследуемого слова исходного языка с помощью двуязычных переводных словарей, использования синонимических словарей, путем опроса информантов, а также с привлечением анализа текстов.

Наиболее наглядно основные понятия контрастивной лексикологии и контрастивный метод могут быть проиллюстрированы на примере межъязыковых лексических соответствий типа *слово – слово*. Рассмотрим этот тип соответствий, а затем покажем возможность применения разработанных критериев для анализа других типов межъязыковых соответствий.

В процессе контрастивного описания лексики исследователь встает перед проблемой разграничения эквивалентов и близких соответствий.

И те, и другие представляют собой межъязыковые соответствия. *Межъязыковые соответствия* – это сходные по семному составу единицы двух языков, которые могут быть поставлены друг другу в соответствие независимо от степени их семантической близости, а также от того, часто ли они используются для взаимного перевода или могут быть использованы для перевода лишь в некоторых специальных или единичных контекстах.

Межъязыковые соответствия следует отличать от *переводных соответствий*, под которыми понимаются две единицы разных языков, отраженные в двуязычных словарях и регулярно использующиеся при переводе. Переводные соответствия, таким образом, это частный случай межъязыковых соответствий.

В результате дифференциации межъязыковых лексических соответствий в процессе контрастивного исследования, как правило, выявляются отдельные *переводные эквиваленты* – межъязыковые соответствия, максимально сходные по составу сем и обеспечивающие адекватный взаимный перевод в любых контекстах, а также *близкие соответствия*,

приблизительные соответствия и допустимые соответствия (Стернин 2008, с.196) При этом четкой границы между выделенными типами лексических соответствий – эквивалентами и близкими соответствиями, близкими и приблизительными соответствиями часто нет. Это объясняется тем, что, во-первых, данная классификация построена на качественных принципах; во-вторых, нет четкой грани между ядром и периферией лексических значений, и, в-третьих, критерий переводимости довольно относителен, так как при переводе сильно проявляется контекстуальный фактор, который сдвигает грань между типами соответствий (Стернин 2008, с.200).

Следующий этап контрастивного описания изучаемой нами лексики предполагает выявление переводных соответствий английских единиц в немецком языке.

Предварительный анализ выявляет в близкородственных языках значительное число переводных эквивалентов (ср. aristocrat – Aristokrat, terrorist – Terrorist и под.), однако выявляются и случаи векторных соответствий, которые актуализируют проблему выявления национальной специфики в близкородственных языках. Например, лексема landowner имеет следующие немецкие соответствия: Grundbesitzer, Grundeigentmer, Grundherr, Grossgrunbesitzer, Grossagrariet, и в задачу исследования входит выявление семных отличий исходного английского слова от всех его переводных соответствий в немецком языке. Выявленные отличия и составят национальную специфику значения английского слова на фоне немецкого языка.

Литература

1. Контрастивная лексикология и лексикография. / Под ред. И.А.Стернина и Т.А.Чубур. – Воронеж, 2006.
2. Проценкова Н.В. Национальная специфика семантики слова в близкородственных языках (на материале существительных русского и украинского языков): Автореф. дисс...канд. фил. наук. – Воронеж, 2008.
3. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. – М., 2007.
4. Стернин И.А. Типы межъязыковых соответствий /Теоретические и прикладные проблемы языкознания. – Воронеж, 2008. – С.193-200.
5. Харитонова Берит. Национальная специфика семантики русского слова (на материале существительных лексических полей человек, быт и народное хозяйство учебника «Русский язык 1» для подготовки дипломированных учителей русского языка в ГДР): Автореф. дисс.... канд. филол. наук. – Воронеж, 1987.

Коммуникативное значение слов *город* и *city*

Коммуникативное значение слова – значение, которое описывается и формулируется исследователем на основе исчисления семантических компонентов, выявленных в употреблении слова в речи.

В такое значение входят те семантические компоненты, которые актуализируются или наполняются в контексте, а именно:

- актуализируются в значении автономно, без специальной вербальной экспликации;
- актуализируются в значении в сопровождении контекстуальной вербальной экспликации, усиливающей актуализацию;
- вербально эксплицируются в контексте применительно к конкретному референту – городу, являющемуся предметом номинации и обсуждения в конкретном контексте (контекстуальные семы)

Коммуникативное значение слова как предмет описания предполагает включение в описание всех актуализированных и наведенных в контексте семантических компонентов с учетом частотности их актуализации в обследованных контекстах, что позволяет описать значение как коммуникативную реальность полевого характера, то есть отразить семантику слова в том виде, в котором данное слово функционирует в тексте и используется для обсуждения денотата в коммуникативной практике.

Выявленные в описании коммуникативного значения семы далее могут быть сопоставлены с описаниями значений в словарях и языковом сознании носителей языка и может быть сформировано интегральное описание семантики слова с учетом разных типов значений. В интегральном описании найдут отражение семантические компоненты всех типов значений, которые будут описаны как полевая структура – с учетом лексикографических сем, сем, выявленных в условиях экспериментального психолингвистического исследования и сем, выявленных в коммуникативном значении в контексте.

Контекстуальные семы тоже должны войти в интегральное описание значения на правах семантической периферии слова – они будут периферией, но они реально актуализируются в контексте как признаки денотата и могут впоследствии войти в значение на правах системных компонентов, если заполнение их станет неединичным или регулярным – они составят вероятностный аспект семантики слова.

Коммуникативное описание значения слова «город»

Было проанализировано 12 произведений таких авторов как Т. Устинова – «Отель последней надежды», «Запасной инстинкт»; П. Дашкова – «Место под солнцем», «Питомник»; Д. Донцова – «Тушканчик в бигудях»,

«Фигура легкого эпатажа», «Полет над гнездом индюшки», «Главбух и полцарства в придачу», «Золушка в шоколаде», «Контрольный поцелуй», «Стилист для снежного человека», «Сафари на черепахку» общим объемом 1 000.000 словоупотреблений (примерно 400 страниц текста). Лексема «город» в данных произведениях встретила 112 раз.

Значение в контексте описывается методом *коммуникативно-семантического анализа*. Коммуникативно-семантический анализ – это семное описание актуализации значений исследуемых лексем в контекстах и формирование обобщающей дефиниции коммуникативного значения, включающей все зафиксированные в текстах семы.

Была зафиксирована актуализация семантических компонентов лексемы «город» при общем количестве примеров употребления данной лексемы 112.

Актуализация семантических признаков без специальной вербальной экспликации

1. населенный пункт 64; *Он живет у страшной тетки в городе Никологорске.* (Д. Донцова. Главбух и полцарства в придачу); *В нашем отеле жил американский президент. Это почет – лучшие всех в городе, а может и в России.* (Т. Устинова. Отель последней надежды).
2. большой 4; *Город такой огромный, а Новоклимовск за час из конца в конец пройти можно.* (Д. Донцова. (П. Дашкова. Место под солнцем).
3. можно заработать деньги 2; *Но деньги можно заработать, особенно если живешь в крупном городе.* (Д. Донцова. Главбух и полцарства в придачу).
4. имеет историю 2; *Вошли в город фашисты – убили всех неугодных, вернулись Советы – снова резня.* (Д. Донцова. Стилист для снежного человека).
5. мало птиц 2; *В городе не услышать соловьиных трелей.* (Д. Донцова. Сафари на черепахку).
6. опасная жизнь 2; *Рано утром, просматривая сводку происшествий по городу, И. Н. почти сразу наткнулся на убийство в Калужском переулке.* (П. Дашкова. Питомник).
7. есть аптеки 2; *М.П. уехал в город, добрался до аптеки и мрачно спросил...* (Д. Донцова. Фигура легкого эпатажа);
8. пробки на дорогах 1; *Автовладельцы хорошо знают - иногда в городе случается полнейший паралич дорожного движения.* (Д. Донцова. Золушка в шоколаде).
9. делится на районы 1; *И зачем мне было тащить улику за город? Намного проще увезти узел подальше от дома, да хоть в другой район Москвы.* (Д. Донцова. Фигура легкого эпатажа);

- 10.поганный 1; *В деревню уеду, в натуре, - нервно сглотнул Бориска, надоел мне этот поганный город.* (П. Дашкова. Место под солнцем);
- 11.есть Дом литераторов 1; *Давай встретимся в городе, в Доме литераторов, часа в 2 можешь?* (Д. Донцова. Контрольный поцелуй).
- 12.есть мэр 1; *Мы с родителями к мэру города, а толку? Покачал головой, наобещал с 3 короба, и все на том же месте и осталось.* (Д. Донцова. Полет над гнездом индюшки).
- 13.обозначен на карте 1; *Испытав радостное изумление, я оказалась на шоссе и спустя полчаса уже выезжала в Никологорск, крохотный поселок, обозначенный на карте как город из чистого недоразумения.* (Д. Донцова. Главбух и полцарства в придачу).
- 14.наличие высших учебных заведений 1; *У нас в городе институт есть экономики, вот она там, на кафедре заведует.* (Д. Донцова. Главбух и полцарства в придачу).
- 15.развивающийся 1; *Кроме того, требовалось развивать науку, строить города, выращивать хлеб и рожать новых граждан.* (Д. Донцова. Фигура легкого эпатажа).
- 16.наличие постов ГАИ 1; *На выезде из города молоденький инспектор у поста ГАИ выскочил на шоссе, но вовремя был остановлен старшим товарищем.* (П. Дашкова. Питомник).
- 17.может быть пригородом крупного города 1; *Хотя Красногорск и называется городом, на самом деле он давно пригород Москвы.* (Д. Донцова. Контрольный поцелуй).
- 18.есть кладбища 1; *За травой, как это ни ужасно, придется ехать на кладбище, оно, кстати, не так уж и далеко, находится в черте города.* (Д. Донцова. Главбух и полцарства в придачу);
- 19.есть карта 1; *А вы вправду изучали карту города?* (Т. Устинова. Отель последней надежды);
- 20.наличие центральной площади 1; *Я опять поймала такси и полетела в центр города.* (Д. Донцова. Контрольный поцелуй).

Актуализация семантических компонентов с дополнительной вербальной экспликацией

(вербальная редупликация, осуществляющая усиление периферийных сем, выделена жирным шрифтом)

1. плохой воздух 3; *Здесь, за городом, **легкие наполнились упоительным воздухом.*** (Д. Донцова. Сафари на черепашку).
2. шумный 3; *Он как раз к тому времени сумел заработать хорошую сумму денег, **купил себе домик за городом и наслаждался тихой жизнью человека,** у которого нет нужды каждый день мотаться на службу.* (Д. Донцова. Стилист для снежного человека);

3. много людей 2; *К тому же в толпе, в тесной городской жизни, где все друг на друга дышат, подстерегают бродягу туберкулез, чесотка, прочая нищенская инфекция.* (П. Дашкова. Место под солнцем).
4. летом жарко 1; *Днем солнце палит, словно взбесившееся и в городе стоит просто эфиопская жара, а ночью жутко холодно.* (Д. Донцова. Главбух и полцарства в придачу)
5. холодный 1; *Было так хорошо ехать в «Ауди» с затемненными стеклами сквозь промозглый метельный город, и не куда-нибудь, а на дачу, теплую, 3-х этажную, с сауной и бассейном.* (П. Дашкова. Место под солнцем).
6. ночью освещен 1; *Быстрее он не поехал, зато открылось черное небо, подсвеченное городом, как будто северным сиянием.* (Т. Устинова. Запасной инстинкт)

Актуализация наполняемых семантических признаков (референтные признаки):

1. грязный 1; *А Москвой он сыт по горло. Город грязный, суетный, злобный, с каждым годом бездомному человеку все трудней, особенно зимой.* (П. Дашкова. Место под солнцем).
2. надменный 1; *Жители Парижа вообще помнят и узнают только самих себя. Нет более надменного города в мире.* (П. Дашкова. Место под солнцем).
3. родной 1; *Вяльцы – мой родной город.* (Д. Донцова. Полет над гнездом индюшки).
4. у моря 1; *Марсель – город на море.* (Д. Донцова. Контрольный поцелуй).

Кроме того, выявлено несколько устойчивых выражений со словом город:

1. чужой город 2; *Ну одной воспитывать ребенка тяжело, а если она перебралась с ним в чужой город?* (Д. Донцова. Главбух и полцарства в придачу);
2. небольшой город 1 (*Но сделать это в небольшом городе, где каждый посторонний человек на виду, опасно.* (Д. Донцова. Главбух и полцарства в придачу));
3. спящий город 1; *Если бы он не потерял ключ, Н. Звонаревой, о которой он романтически мечтал в машине, пробираясь по спящему городу, не было бы в живых.* (Т. Устинова. Отель последней надежды);
4. далекий город 1; *Из далекого города прибывает родственница, которая в силу некоторых причин ненавидит М.П..* (Д. Донцова. Фигура легкого эпатажа);

5. портовый город 1; *На меня словно пахнуло чесноком, специями и необыкновенно вкусным рыбным супом буайбес, который варят в этом портовом городе.* (Д. Донцова. Контрольный поцелуй)

Все семантические признаки, полученные в результате исследования художественных текстов, были подвергнуты семной интерпретации. Важно отметить, что в процессе семантической интерпретации участвуют все полученные признаки, включая единичные.

Семная интерпретация объективаций в художественном тексте (112)

1. населенный пункт 64 (населенный пункт 64);
2. большой 4 (крупный населенный пункт 4);
3. плохой воздух 3 (плохой воздух 3);
4. шумный 3 (шумный 3);
5. вызывает негативные эмоции 2 (поганный 1; холодный 1);
6. можно заработать деньги 2 (здесь можно заработать деньги 1; есть работа 1);
7. есть история 2 (есть история 2);
8. наличие аптек 2 (аптеки 1; продаются лекарства 1);
9. много людей 2 (много людей 2);
10. мало птиц 2 (не услышишь соловьиных трелей 2);
11. опасная жизнь 2 (здесь опасно носить украшения 1; здесь часто происходят происшествия, воровство 1);
12. жаркий летом 1 (жарко 1);
13. заторы дорожного движения 1 (пробки на дорогах 1);
14. делится на районы 1 (делится на районы 1);
15. есть центральная площадь 1 (центральная площадь 1);
16. наличие высших учебных заведений 1 (высшие учебные заведения 1);
17. развита культура 1 (дом литераторов 1);
18. есть мэр 1 (мэр 1);
19. ночью освещен 1 (хорошо освещен 1);
20. развивающийся 1 (развивающийся 1);
21. наличие постов ГАИ 1 (посты ГАИ 1);
22. может быть пригородом крупного города 1 (пригород 1);
23. есть кладбища 1 (кладбище);
24. есть карта 1 (есть карта 1)
25. грязный 1 (грязный 1)
26. надменный 1 (надменный 1)
27. родной 1 (родной 1)
28. у моря 1 (у моря 1)

Языковая объективация лексемы “city” в текстах американской современной художественной литературы

Были проанализированы примеры языковой объективации лексемы “city” в текстах современной американской художественной литературы. Было проанализировано 11 романов: R. Gibson “I’m In No Mood For Love”, A. Drake “The Love Child”, T. Capote “The Grass Harp”, “Breakfast at Tiffany’s”, Ch. Dodd “Priceless”, S. Sheldon “Nothing Lasts For Ever”, “Bloodline”, Laurie R King “Folly”, Barbara Taylor Bradford “Everything to Gain”, M. Puzo “The Dark Arena”, “The Sicilian” общей длиной словоупотребления равной 1млн.

Выявлено 126 случая употребления слова “city” в этих произведениях.

Была зафиксирована актуализация следующих семантических признаков:

Актуализация семантических компонентов без специальной вербальной экспликации 76:

1. населенный пункт 51; *On Samuel’s birthday his father took him to the city of Krakov for the first time.* (S. Sheldon. Bloodline); *The next time Sebastian drove into Boise, he was on his way home from a ski trip in Park City, Utah, where he’d met up with some of his journalism friends.* (R. Gibson. I’m In No Mood For Love)
2. есть центр 3; *The caravan rode against the tide of the world coming to the center of the city.* (M. Puzo. The Dark Arena.); *He watched the German workers walking briskly to the corner where they could catch a strassenbahnen to the heart of the city.* (M. Puzo. The Dark Arena.)
3. есть окраины 2; *She was driven to a small apartment on the outskirts of the city.* (S. Sheldon. Nothing Lasts Forever)
4. есть реки, озера 2; *She went sailing on the city lakes and took boat rides on the Mississippi.* (S. Sheldon. Nothing Lasts Forever)
5. наличие больниц 2; *He roared the jeep into action and made the turn that would take him to the city hospital.* (M. Puzo. The Dark Arena)
6. шумный 2; *How do you like San Francisco? - It’s an interesting city but I feel as though I am a stranger here. It’s too big, too noisy.* (S. Sheldon. Nothing Lasts Forever);
7. много людей 1; *You know, like what if under here was a huge cave filled with diamonds and things, sparkling in the torchlight, and the whole city of people.* (L.R.King. Folly);
8. наличие цивилизации 1; *But in that hour Michael and Andolini went from the civilization of a city to the primitive culture of the Sicilian countryside.* (M. Puzo. The Sicilian)
9. есть красивые дома 1; *He had prospered enough to buy a beautiful house in the city.* (S. Sheldon. Bloodline)

- 10.наличие банков 1; *You might check with San Francisco Fidelity Bank.* (S. Sheldon. Nothing Lasts Forever);
- 11.наличие опустившихся жителей 1; *This year ladies and their maids jostled with tradesmen and the scum of the city to cling close to Change Alley.* (Christina Dodd. Priceless);
- 12.есть рынок 1; *San Francisco has a much bigger market.* (S. Sheldon. Nothing Lasts Forever);
- 13.проходят парады 1; *To Paige, the parade seemed to be moving around the city at random.* (S. Sheldon. Nothing Lasts Forever);
- 14.известный 1; *He soon had the shy Lucy eating out of his hand, not only agreeing to all his suggestions on the concertos she would most love to learn and the prominent cities and concert halls it was essential she should perform at, but venturing to make suggestions of her own.* (A. Drake. The Love Child)
- 15.наличие городского транспорта 1; *The fare by city bus Number 351, to the same area, is 7.5 francs no trip required.* (S. Sheldon. Bloodline)
- 16.есть почтовое отделение 1; *The new City post Office will be closed.* (S. Sheldon. Bloodline)
- 17.имеет границы 1; *He knew he would never see the girl again and would not recognize her if he did, but suddenly the exhilaration returned and he started the long walk down the whole length of the Kurfursten Alee until it ended where the city ended and he could see the country unmarked.* (M. Puzo. The Dark Arena)
- 18.есть детективы 1; *These are detectives from the city.* (M. Puzo. The Dark Arena)
- 19.наличие отелей 1; *Two hours later, Helene and her husband, Charles, were in their suite in the Ritz Hotel in the city, lying on the rug in the front of fireplace.* (S. Sheldon. Bloodline)
- 20.есть морг 1; *Later that night, accompanied by my mother, David, and Sarah, I was escorted by the detectives to Bellevue Hospital, where the New York City Morgue was located.* (B.T. Bradford. Everything To Gain);

Актуализация семантических компонентов с дополнительной вербальной контекстуальной экспликацией (вербальная редупликация, осуществляющая усиление периферийных сем, выделена жирным шрифтом) 14:

1. суетной 2; *He had an early flight out in the morning and **was more than ready to relax** in the hotel lounge, away from the teeming city.* (R. Gibson. I'm In No Mood For Love)
2. есть магазины 2; *There were **36 stores** on the list, spread all over the city.* (S. Sheldon. Nothing Lasts Forever)

3. проходят похоронные марши 1; *The march began with the band **loudly playing, winding through the streets of San Francisco, with a hearse at the end of the procession.*** (S. Sheldon. Nothing Lasts Forever);
4. туманный 1; *The **mist** from the city they had left behind **had stolen through the graves and stones.*** (M. Puzo. The Dark Arena.)
5. жаркий 1; *All this, combined with the city heat of the summer, had reduced me to **a state of nervous inertia.*** (T. Capote. Breakfast at Tiffany`s)
6. наличие свалок 1; *The outskirts were an ugly sprawl of mills and factories, a city **dump** and a **giant grave yard of once beautiful automobiles,** now **useless old hulks** good only for scrap. (S. Sheldon. Bloodline);*
7. здесь умирает много людей 1; *People are dying **all over** the city, why does my body have to be so d—d healthy?* (L.R.King. Folly)
8. большой выбор товаров 1; *They had gone into the city to buy finery for the Festa **not available in the small town.*** (M. Puzo. The Sicilian)
9. наличие бедных районов 1; *Here in the ghetto, at the edge of the city, they were forced **to fight the holocaust by hand, with water drawn from their wells,** and scores of people formed **bucket brigades to drown the flames.*** (S. Sheldon. Bloodline)
10. много огней 1; *The pale ink –washed sky above them **glowed with a citrus beam** gathered up from **billion city lights.*** (A. Drake. The Love Child)
11. многоэтажные здания 1; *My first toys were Erector sets. It`s exciting to dream about smth and then watch that dream become concrete and bricks and stone, and **soar up into the sky** and become a part of the city you live in. (S. Sheldon. Nothing Lasts Forever)*
12. пыльный 1; *A **hot dust rose in the air** and a curious **smell,** like charred flesh, **came from that dust,** as if under the shifting floor, **underground fires were raging all through** the city, hidden by similar ruins. (M. Puzo. The Dark Arena) -90*

Актуализация наполняемых семантических признаков (референтные признаки) 33:

1. очень большой 10; *I feel in San Francisco as though I am a stranger here. It`s too big. (S. Sheldon. Nothing Lasts Forever); She met factory managers and their families in large cities like Bombay. (S. Sheldon. Bloodline); He spent the 1-st 3 days simply walking around the huge city. (S. Sheldon. Bloodline)*
2. старый 4; *The moon disappeared and the ancient city vanished into the darkness. (M. Puzo. The Sicilian.);*
3. темный 3; *He could see a lone streetcar with its yellow light moving slowly through the blackness of the city. (M. Puzo. The Dark Arena.)*

4. любимый 3; *He was a man who was at home in a dozen capitals of the world, but Isanbul was one of the most favourite cities.* (S. Sheldon. Bloodline);
5. на побережье 2; *M. and S. Andolini got into the Fiat and drove through the central square and onto the road that led to Castelvetro and the coastal city.* (M. Puzo. The Scicilian);
6. вызывает негативные эмоции 1; *The banquet was in Glasgow, a city Alec hated.* (S. Sheldon. Bloodline);
7. промышленный 1; *Unlike the rest of Sardinia, Olbia was an industrial city.* (S. Sheldon. Bloodline);
8. вызывает страх 1; *I wanted to escape New York, which I now loathed. The city filled me with fear.* (B.T. Bradford. Everything To Gain);
9. есть театры 1; *On this time Ken was watching "Rigolletto" at the San Francisco Opera House and enjoying every minute.* (S. Sheldon. Nothing Lasts Forever);
10. большая роль денег 1; *For that city, money commands.* (M. Puzo. The Sicilian);
11. много аптек 1; *There are probably two or three hundred pharmacies in San Francisco.* (S. Sheldon. Nothing Lasts Forever);
12. здесь есть все, что нужно человеку 1; *There is nothing else I would want to do, or any other place I would want to live. This is a fabulous city. It has every thing anyone could want.* (S. Sheldon. Nothing Lasts Forever);
13. есть святой покровитель 1; *There was another separate chapel, the silver shrine, holding a thousand-pound statue of St. Rosalie, the patron saint of Palermo, which the citizens of the city carried through the streets on her holy day.* (M. Puzo. The Sicilian);
14. грешный 1; *In the Ruperbahn section of Hamburg the streets were crowded with visitors eager to experience the forbidden pleasures of the city of sin.* (S. Sheldon. Bloodline);
15. родной 1; *The landmarks leading into Germany were more familiar to him than the approaches to his own land, his own city.* (M. Puzo. The Dark Arena).
16. широкие улицы 1; *The oldest street in San Francisco is a Grant Avenue, the longest is Mission Street-7.5 miles long – the widest is Van Ness Avenue at 125 feet, and you 'll be surprised to know that the narrowest, DeForest Street, is only four and a half feet.* (S. Sheldon. Nothing Lasts Forever);

Кроме того, выявлены несколько устойчивых выражений со словом city –

city shoes 2; *(She ducked into the rent and threw off her dirty work clothes, grabbing up a wrinkled shirt and trousers, exchanging mud-caked boots for city shoes. (L.R.King. Folly);*

1. city suit 1 *Then I shall have to break off the work on the tower windows to build another chair on which my guest may rest his city suit. (L.R.King. Folly)*

Состав коммуникативного значения слова city

Сходные по содержанию семы были обобщены методом семной интерпретации и сформулировано коммуникативное значение слова.

1. населенный пункт 51 (населенный пункт 51)
2. большой 10 (очень большой 10)
3. развита торговля 5 (есть магазины 2; большой выбор товаров 1, есть рынок 1, все есть 1)
4. старый 4 (старый 4)
5. любимый 3 (любимый 3)
6. есть центр 3 (центр 3)
7. темный 3 (темный 3)
8. на побережье 2 (на побережье 2)
9. есть окраины 2 (окраины 2)
10. есть реки, озера 2 (реки 1; озера 1)
11. быстрый ритм жизни 2 (суетной 2)
12. шумный 2 (шумный 2)
13. проходят парады, похоронные марши 2 (парады 1, похоронные марши 1)
14. наличие оздоровительных учреждений 2 (больницы 2)
15. промышленный 1 (промышленный 1)
16. вызывает страх 1 (вызывает страх 1)
17. есть театры 1 (театры 1)
18. большая роль денег 1 (большая роль денег 1)
19. много аптек 1 (аптеки 1)
20. есть святой покровитель 1 (святой покровитель 1)
21. грешный 1 (грешный 1)
22. родной 1 (родной 1)
23. есть широкие улицы 1 (широкие улицы 1)
24. есть красивые дома 1 (можно купить красивый дом 1)
25. наличие удобств для жизни 1 (цивилизация 1)
26. есть морг 1 (морг 1)
27. есть опустившиеся жители 1 (опустившиеся жители 1)
28. наличие почтового отделения 1 (почтовое отделение 1)
29. много людей 1 (много людей 1)
30. наличие свалок 1 (свалки 1)
31. много огней 1 (много огней 1)

32. здесь умирает много людей 1 (здесь умирает много людей 1)
33. бедные районы 1 (бедные районы)
34. наличие многоэтажных зданий 1 (многоэтажные здания 1)
35. пыльный 1 (пыльный 1)
36. наличие детективов 1 (детективы 1)
37. наличие городского транспорта 1 (автобусы 1)
38. известный 1 (известный 1)
39. наличие отелей 1 (отели 1)
40. вызывает негативные эмоции 1 (вызывает негативные эмоции 1)
41. имеет границы 1 (имеет границы 1)
42. туманный 1 (туманный 1)
43. жаркий 1 (жаркий 1)

Устойчивые выражения 3: city shoes 2; city suit 1.

Таким образом, коммуникативные значение слов город и city не совпадают по своей структуре и содержанию и обладают заметной национальной спецификой.

Н.И. Малыхина, И.Н. Никитина

Особенности коммуникативной релевантности наиболее частотных сопоставимых русских и английских глагольных лексем

Данная статья посвящена анализу коммуникативной релевантности семем, под которой понимается их коммуникативная востребованность, проявляющаяся через частотность употребления.

Отметим, что существующие словари частотности фиксируют только частотность лексем, данных о частотности отдельных семем практически не существует. Получение подобных данных для отдельных семем стало возможным с использованием корпусного метода.

Для анализа были выбраны 23 пары наиболее частотных глагольных лексем русского и английского языков, отобранных из Частотного словаря С.А. Шарова (www.artint.ru/projects/frqlist.asp) и списка частотных глаголов Британского Национального Корпуса (<http://ucrel.lancs.ac.uk/bncfreq/flists.html>). Рассматриваемые лексемы имеют эквивалентные семемы Д1⁸: *сказать* – *say*, *знать* – *know*, *дать* – *give*, *спросить* – *ask*, *работать* – *work*, *жить* – *live*, *писать* – *write*, *стоять* – *stand*, *сидеть* – *sit*,

⁸ Используется терминология М.М. Копыленко и З.Д. Поповой (Копыленко, Попова 1989).

понимать – understand, ждать – wait, держать – hold, показать – show, решить – decide, вернуться – return, читать – read, продолжать – continue, играть – play, следовать – follow, остановиться – stop, открыть – open, бежать – run, купить – buy.

Отметим, что при анализе нашего материала нам встретился целый ряд так называемых векторных соответствий, при которых единица одного языка имеет более одного переводного эквивалента в другом. Так, например, глаголу *начинать* в русском языке соответствуют две английские лексемы: *begin* и *start*, английскому глаголу *look* в русском языке соответствуют лексемы *смотреть, посмотреть* и *глядеть*. Данные и им подобные векторные соответствия нами не рассматривались.

Для определения частотности семем исследованных лексем нами было проанализировано по тысяче примеров употребления каждой лексемы из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru) и Британского Национального Корпуса (<http://bncweb.lancs.ac.uk>). Каждый из примеров был соотнесен с конкретной семемой, входящей в соответствующую семантему.

В ходе исследования, благодаря введенному в рамках *сопоставительно-параметрического метода* (Стернина, Стернин 2010) *индексу коммуникативной релевантности семемы*, оказалось возможным определить коммуникативную значимость каждой семемы в семантеме. Под *индексом коммуникативной релевантности семемы* понимается отношение количества зафиксированных употреблений семемы к общему количеству исследованных употреблений лексемы (Баранова 2009).

Для ранжирования степени выраженности исследуемого параметра представляется целесообразным использовать **шкалу**, предложенную Л.А. Кривенко, согласно которой, если значение индекса равно 0, то можно признать *отсутствие* рассматриваемого явления. Если показатель индекса больше 0 и меньше 10%, то степень развития рассматриваемого явления признается *низкой*. При значениях индекса равных или больше 10% и меньше 30% степень развития изучаемого явления считается *заметной*. При показателях индекса равных или больше 30% и меньше 50% степень развития изучаемого явления может быть охарактеризована как *яркая*. Если значение равно или больше 50% и меньше 70% степень развития явления считается *значительной*. Если значение индекса равно или больше 70% и меньше 90%, то степень выраженности рассматриваемого явления признается *высокой*. При показателях индекса равных или больше 90% и меньше 100% степень выраженности признака квалифицируется как *гипервысокая*, а при значении индекса 100% степень выраженности явления считается *абсолютной* (Кривенко 2013).

Перейдем к рассмотрению отобранных для анализа пар лексем.

Как и можно было предположить, в большинстве семантем рассмотренных пар глагольных лексем русского и английского языков

наибольший индекс коммуникативной релевантности имеет семема Д1, т.е. основное значение лексемы.

В качестве примера приведем сопоставимые лексемы *сказать* – *say*.

В семантеме лексемы *сказать* наибольшую коммуникативную релевантность имеет семема Д1v «произнести, выразиться» (*Это были очень правильные слова, сказал В. В. Путин*) с высоким показателем индекса – 75,9%.

Семема Д1v «произнести, выразиться» (*He grunted and said nothing else, going back to his plate of food, apparently satisfied if not pleased*) лексемы *say* также обладает самой высокой коммуникативной релевантностью, поскольку соответствующий индекс достигает 84,1%.

Особый интерес представляют четыре пары лексем (*играть* – *play*, *дать* – *give*, *жить* – *live*, *следовать* – *follow*), в семантемах которых наиболее коммуникативно релевантными оказались семемы Д2 или К1, а не Д1.

Так, в семантемах сопоставимых лексем *играть* – *play* наиболее коммуникативно востребованными оказались семемы Д2v.

Так, в семантеме лексемы *играть* семема Д2v «проводить время в игре» (*Сын постоянно что-то требует: то катает его на спине, то учи уроки, то играй в прятки*) характеризуется заметной степенью коммуникативной релевантности, о чем свидетельствует соответствующий индекс равный 29,3%. Отметим, что в семантеме рассматриваемой лексемы семема Д1v «забавляться, резвиться, развлекаться» (*Здесь можно всё: играть, загорать или просто ходить по мягкой пружинящей траве босиком*) также демонстрирует заметную степень коммуникативной релевантности. Тем не менее, индекс коммуникативной релевантности семемы Д1 существенно меньше и составляет только 22,5%.

В семантеме английской лексемы *play* наибольшим индексом коммуникативной релевантности (37,4%) также обладает семема Д2v/n⁹, развивающая лексико-грамматическую вариантность¹⁰ на уровне глагола и существительного, «проводить время в игре, участвовать в игре / игра, участие в игре» (*I do not remember that as a child I played cowboys and Indians very much / A promising early phase of play brought a sloppy opening goal in the 13th minute...*), что говорит о яркой степени коммуникативной востребованности данной семемы. Для сравнения семема Д1v/n/a «забавляться, резвиться, развлекаться / игра, забава / игровой» (*It was a warm, sunny day and she was playing in the garden while her mother was hanging out the washing / Through play children act out in miniature the adult dramas of life and learn how to master new situations / All staff are professionally qualified and the play areas ... are supplied with a wide range of play materials and approved equipment*) рассматриваемой лексемы

⁹ Обозначается лексико-грамматическая вариантность на уровне соответствующих частей речи.

¹⁰ Используется термин М.А. Стерниной (Стернина 1999, с. 25-26).

демонстрирует *заметную* степень коммуникативной релевантности, поскольку соответствующий индекс оказался равным 18%.

Наиболее коммуникативно значимыми семемами в семантемах трех пар лексем (*дать* – *give*, *жить* – *live*, *следовать* – *follow*) оказались семемы К1.

Для иллюстрации приведем сопоставимую пару лексем *следовать* – *follow*.

Так, семема К1v «полагается» (*Следует отметить, что в некоторых вариантах теории гравитации отвергается существование чёрных дыр*) лексемы *следовать* имеет наибольший индекс коммуникативной релевантности (67,9%), что позволяет признать *значительную* степень ее выраженности. Семема же Д1v «двигаться, перемещаться за кем-, чем-л.» (*Аня всюду следовала за мной, словно боялась потерять*) рассматриваемой лексемы имеет соответствующий индекс равный 3,2% и характеризуется *низкой* степенью выраженности коммуникативной релевантности.

Что касается английской лексемы *follow*, индекс коммуникативной релевантности её семемы К1v «руководствоваться, поступать согласно чему-л., кому-л.; придерживаться чего-л.» (*Sometimes a tactical retreat is the only course to follow*) равен 36,3%, что свидетельствует о *яркой* степени выраженности. Степень коммуникативной релевантности денотативной же семемы Д1v «двигаться, перемещаться, идти за кем-, чем-л.» (*I follow him to the kitchen and take a chair at a cream-coloured, linoleum-topped table*) рассматриваемой лексемы на основании значения соответствующего индекса (18,2%) можно считать *заметной*.

В семантемах трех пар сопоставимых лексем (*понимать* – *understand*, *писать* – *write*, *открыть* – *open*) наиболее коммуникативно значимыми семемы К1 оказались только у русских лексем. Их индексы коммуникативной релевантности составляют 50,2%, 37,7%, 33,1% соответственно.

Обратная картина наблюдается в семантемах двух пар лексем (*остановиться* – *stop*, *бежать* – *run*), где семемы К1v являются наиболее коммуникативно релевантными только у английских лексем *stop* и *run* (значения соответствующего индекса оказались равными 61,4% и 24,5% соответственно).

В целом, как показало исследование, наиболее коммуникативно востребованным значением является, как и ожидалось, основное значение лексемы (т.е. семема Д1). Однако в семантемах некоторых лексем наиболее коммуникативно востребованными оказались семемы К1, а в одной паре сопоставимых лексем – семемы Д2, что можно рассматривать как сигнал к возможному изменению их семемного статуса.

Литература

1. Баранова Л.А. Опыт выявления частотности семем // Культура общения и ее формирование. – Воронеж, 2009. – Вып. 21. – С. 50-52.
2. Копыленко М.М. Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. – Воронеж, 1989.
3. Кривенко Л.А. Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2013.
4. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж, 1999.
5. Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставительно-параметрический метод: новый этап развития // Сопоставительные исследования 2010. – Воронеж, 2010. – С. 3-9.

А.А. Махонина

Особенности тематической классификации межъязыковых лакун различной частеречной отнесенности

Интерес к лакунам как к явлению языка проявился в возникновении различных подходов к пониманию этого явления, создании многочисленных терминов, классификаций и типологий. Исследования межъязыковых лакун, проведенные на материале субстантивных (Махонина 2006), адъективных (Петросян 2011) и глагольных (Суханова 2012) лакунарных лексем, показали, что лакуны могут быть классифицированы не только по типологическому, но и по тематическому принципу, с целью выявления распространения явления лакунарности в различных тематических сферах, определения универсальности данного явления и выявления национально-культурных различий русского и английского языков.

Как показали результаты исследований, проведение тематической классификации субстантивных лакун возможно только для конкретизирующих лакун, поскольку обобщающие субстантивные лакуны, в силу своей обобщенной семантики, не поддаются тематической классификации. С точки зрения своей семантики, обобщающие субстантивные лакуны не однородны и могут быть поделены на две группы – обобщенно-предметные (*нечто, взятое в аренду* – ср. *tenancy, что-либо, угрожающее жизни (неисправный станок, нависшее дерево, море и т.п.)* – ср. разг. *widow-maker, нечто показное, рассчитанное на дешёвый успех и привлечение покупателя (гл. обр. об изданиях)* – ср. *catchpenny* и др.) и обобщенно-понятийные (*нечто невесомое; что-л. неуловимое, что-л., не имеющее реальных оснований* – ср. *imponderable, нечто быстрое, мимолетное* – ср. *transiency, что-л. омрачающее,*

бросающее тень – ср. cloud и др.), однако данная классификация не вписывается в рамки тематической. В случае же с адъективными и глагольными лакунами проведение тематической классификации оказалось возможным для всех типов лакун (обобщающих, конкретизирующих и обобщающе-конкретизирующих).

Следует отметить, что при проведении тематической классификации возникают известные трудности, связанные с отнесением лексемы к конкретной тематической группе. Так, например, *политическое собрание с участием исключительно негритянских политических деятелей* – ср. амер. black saucis может быть отнесено и к тематической группе «Политика», и к тематической группе «Собрания и совещания». Как справедливо отмечали Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, «нет и не может быть строго очерченного «темника», ибо много переименовывающихся тем, ибо многие выражения многотемны и обладают не только прямым, но и переносным значением» (Верещагин, Костомаров 1971, с. 23).

Для описания выделенных тематических групп мы предлагаем использовать понятие *номинативная непредставленность*, под которой мы понимаем количество лакунарных смыслов, отмеченных в тематической группе, описывающей определенную сферу действительности – в отличие от *номинативной плотности* (термин В.И. Карасика – Карасик 2004, с. 111), под которой понимается количество лексических единиц, номинирующих определенную сферу действительности.

В результате проведенной тематической классификации было выделено 50 тематических групп субстантивных лакун, 29 тематических групп адъективных лакун и 24 тематические группы глагольных лакун. Отметим, что выделенные тематические группы во всех описанных частях речи имеют сложную структуру и состоят из нескольких подгрупп, минигрупп, а в некоторых случаях и микрогрупп.

Определение тематической непредставленности выделенных тематических групп лакун различных частей речи позволило выявить тематические сферы у существительного, прилагательного и глагола, для которых лакунарность наиболее характерна.

Так, например, наиболее крупными по степени номинативной непредставленности у субстантивных лакун являются следующие тематические группы лексики: «Характеристика человека» (744), «Профессии и занятия» (434), «Предметы быта» (334).

Наиболее низкая степень номинативной непредставленности выявлена в следующих тематических группах субстантивных лакун: «Цвета» (29), «Движение и перемещение» (25), «Привычки и пристрастия» (24), «События» (16).

Говоря про адъективные лакуны, отметим, что самыми многочисленными по номинативной непредставленности являются группы

«Характеристика человека» (845 лакун), «Характеристика объектов приложения человеческой деятельности» (802 лакуны) и «Характеристика родовой отнесенности» (330 лакун).

Остальные выделенные тематические группы адъективных лакун характеризуются гораздо меньшим количеством входящих в их состав лакун. Так, от 50 до 100 адъективных лакун зафиксировано в следующих группах: «Характеристика действий человека» (93 лакуны), «Временные характеристики» (70 лакун), «Характеристика строений и помещений» (57 лакун), «Характеристика продуктов питания и блюд» (52 лакуны).

Наиболее низкая степень номинативной непредставленности (менее 10 лакун) выявлена для следующих тематических групп: «Звуковые характеристики» (9 лакун), «Характеристика мебели» (9 лакун), «Температурные характеристики» (7 лакун), «Характеристика обуви» (6 лакун), «Характеристика оружия» (6 лакун), «Характеристика городов, населенных пунктов» (6 лакун).

Среди глагольных лакун наивысшая степень номинативной непредставленности свойственна тематической группе «Глаголы, характеризующие действия человека», в составе которой выделено 2398 лакун. На втором месте по степени номинативной непредставленности находится тематическая группа «Глаголы, характеризующие трудовую деятельность человека», включающая 1852 лакуны. В тематической группе «Глаголы, характеризующие отдельные предметы и объекты», занимающей третье место по номинативной непредставленности, отмечена 761 лакуна.

Тематическими группами, в которых выявлено более 200 глагольных лакун являются следующие: «Глаголы, характеризующие действия представителей фауны» (298), «Глаголы, характеризующие придание определённых свойств, качеств» (237), «Глаголы, характеризующие участие в различных видах деятельности» (215).

Наиболее низкая степень номинативной непредставленности (менее 50) выявлена в группах «Глаголы, характеризующие деятельность государства» (45), «Глаголы, характеризующие общественно-политическую деятельность» (40), «Глаголы, характеризующие окрашивание в определённый цвет» (36).

Проведённая тематическая классификация русско-английских лакун в различных частях речи выявила достаточно большую номинативную непредставленность у глагольных лакун фактически во всех тематических группах – в группе, характеризующейся наименьшей номинативной непредставленностью отмечено 36 глагольных лакун. Для сравнения, группа с наименьшей номинативной непредставленностью среди субстантивных русско-английских лакун насчитывает 16 единиц, а группа адъективных русско-английских лакун – шесть единиц. Представляется, что данный факт, наряду с общим большим количеством русско-

английских глагольных лакун (10803) против 7137 субстантивных и 3349 адъективных, свидетельствует о большем распространении явления лакуарности в сфере глагола по сравнению с другими частями речи.

Рассмотрим подробнее самые крупные по номинативной непредставленности тематические группы лакун различных частей речи.

У субстантивных лакун таковой является тематическая группа **«Характеристика человека»**, имеющая сложную разветвленную структуру и включающая в себя 37 подгрупп, в большинстве из которых выделяются минигруппы (в общей сложности 89), а в некоторых случаях и микрогруппы (всего 37). Как видно из описанного материала, в русском языке отсутствуют наименования в виде отдельной лексемы или устойчивого словосочетания для характеристики человека по целому ряду важных для носителей английского языка признаков.

Отметим самые крупные по степени номинативной непредставленности подгруппы: характеристика человека по оценке окружающих (74), по совершаемым действиям (72), по убеждениям и приверженности чему-либо (60), по манере поведения (57), по месту жительства (46).

Самыми немногочисленными являются следующие подгруппы: характеристика человека по испытываемому действию (6), по правам (5), по членству (5), по местонахождению (4), по необходимости человека (2).

Самой многочисленной по номинативной непредставленности у адъективных лакун также является тематическая группа **«Характеристика человека»**, также имеющая сложную разветвленную структуру и включающая в себя 42 подгруппы, в 21 из которых выделяются минигруппы (в общей сложности 62), а в 7 – и микрогруппы (всего 28).

Анализ показал, что самыми крупными по степени номинативной непредставленности подгруппами являются: характеристика человека по внешним признакам (101 лакуна), производимому действию (95), манере одеваться (87 лакуна) и состоянию (60 лакуна).

Самыми немногочисленными являются следующие подгруппы: характеристика человека по воинственным намерениям, титулу, званию или научной степени, объекту поклонения, владению собственностью и воспитанию, каждая из которых включает по две лакуны.

У глагольных лакун самой крупной с точки зрения номинативной непредставленности является тематическая группа **«Глаголы, характеризующие действия и состояния человека»**, включающая 2398 лакун. Она имеет сложную разветвлённую структуру, имеет 49 подгрупп, в большинстве из которых оказалось возможным выделить минигруппы (134), а в некоторых случаях микрогруппы (54) и одну микромикрогруппу.

Отметим самые крупные по степени номинативной непредставленности подгруппы: действия человека в быту (349), действия человека, связанные с его перемещением (163), действия человека, связанные с развлечением и отдыхом (147), вербальные действия человека (103).

Меньше всего лакун зафиксировано в следующих подгруппах: действия человека, характеризующие этапы жизни, действия человека, характеризующие его увлечения и интересы, действия человека, характеризующие его социальный статус и классовую принадлежность, где отмечено по 8 лакун, а также в подгруппах: действия человека, характеризующие ритуальную деятельность, действия человека, связанные с обращением с оружием, насчитывающие в своём составе по 7 лакун и действия человека, характеризующие деятельность гражданина, состоящую из 5 лакун.

Такое большое количество лакун в выделенных тематических группах у существительных, прилагательных и глаголов представляется неслучайным. Человек занимает центральное место в жизни общества и его характеристика с разных точек зрения представляется носителям языка чрезвычайно важной. Особенно важной характеристика человека с разных точек зрения представляется для носителей английского языка. С.Г. Тер-Минасова справедливо называет английскую и американскую культуры индивидуалистическими, поскольку они основываются на принципе подчеркнутого уважения к «правам человека», к его индивидуальным способностям и потребностям. Исследовательница отмечает, что «английская культура всегда отличалась повышенным вниманием к индивидууму, провозглашая принцип максимальной неприкосновенности его частной жизни и всячески сопротивляясь неизбежному влиянию со стороны общества, его насильственному вторжению в духовный мир человека» (Тер-Минасова 2004, с. 34). Русская культура, по оценке С.Г. Тер-Минасовой, в базовых своих чертах тяготеет к коллективистским, восточным культурам, что означает «не выделяться из коллектива ни внешне, ни внутренне, подчинить свои личные нужды, интересы, способности, таланты нуждам и интересам коллектива» (Тер-Минасова, 2004, с. 33). Таким образом, многочисленность тематических групп субстантивных и адъективных лакун «Характеристика человека» и глагольных лакун «Глаголы, характеризующие действия и состояния человека» может быть объяснена различием русскоязычной и англоязычной культур.

Как показывает анализ, человек в самых объемных тематических группах лакун различных частей речи характеризуется по различным признакам. Рассмотрим некоторые структурные единицы данных групп, представленные по мере убывания их номинативной непредставленности.

Так, у субстантивных лакун наибольшую номинативную непредставленность имеет подгруппа **«Характеристика человека по оценке окружающих»** (74 лакуны). Оценивая человека, окружающие неизбежно прибегают к субъективным суждениям, рассматривая человека с положительной и отрицательной точки зрения, поэтому данную, весьма многочисленную подгруппу представляется возможным разделить на две

мини группы – характеристика человека по положительной и отрицательной оценке окружающих. Проиллюстрируем данное положение примерами:

1) **положительная оценка окружающих:** человек, подающий надежды – ср. амер. разг. *comer*, безупречно воспитанный человек; человек с безукоризненными манерами – ср. *thoroughbred*;

2) **отрицательная оценка окружающих**

В данной мини группе представляется возможным выделить несколько микрогрупп:

а) **отрицательная характеристика человека по отсутствию интересов:** человек без духовных интересов – ср. разг. *vegetable*, приземлённый человек, человек, поглощённый житейскими заботами, прозой жизни – ср. *earthling*;

б) **отрицательная характеристика человека по отсутствию силы характера:** безвольный, слабохарактерный человек – ср. *invertebrate*, податливый, мягкотелый, слабохарактерный человек – ср. амер. *dough-face*;

в) **отрицательная характеристика человека по отсутствию доверия к нему:** сомнительный, вызывающий подозрения человек – ср. *doubtful*, человек с сомнительной репутацией – ср. *disreputable*;

г) **отрицательная характеристика человека по отсутствию правдивости:** тот, кто вводит в заблуждение, затемняет существо дела – ср. *obscurant*, лукавый человек; человек, уклоняющийся от истины – ср. *prevaricator*.

Отметим, что в количественном отношении характеристика человека по отрицательной оценке окружающих (53) существенно преобладает над характеристикой человека по положительной оценке окружающих (21).

Самой крупной подгруппой в тематической группе «Характеристика человека» у адъективных лакун является «Характеристика человека по внешним признакам», которая имеет в своем составе 101 лакуну и делится на 10 мини групп:

1) **характеристика человека по общему впечатлению от внешних данных:** ухоженная и активная (о пожилой женщине) – ср. *blue-rinse(d)*; обладающий неприятной, отталкивающей внешностью – ср. *hard-favoured*;

2) **характеристика человека по телосложению и росту:** маленький и толстый – ср. *squab*; низенький и толстый – ср. *pudgy*;

3) **характеристика человека по причёске:** разг. с коротко стриженными волосами – ср. *prick-eared*; стриженный под ежик – ср. *crewcut*;

4) **характеристика человека по цвету волос:** обесцвеченный под седину – ср. *frosted*; выкрашенный хной – ср. *hennaed*;

5) характеристика человека по наличию или отсутствию физических изъянов: не имеющий шрамов, рубцов – ср. *scarless*; покрытый рубцами – ср. *scarry*;

6) характеристика человека по осанке: с царственной осанкой (о женщине) – ср. *regal*; с прямыми плечами, с хорошей выправкой, осанкой – ср. *square-shouldered*;

7) характеристика человека по внешнему сходству

В данной минигруппе следует выделить две микрогруппы:

а) характеристика человека по сходству с женщиной: похожий на бабушку – ср. *grandmotherly*;

б) характеристика человека по сходству с мужчиной: похожий на священника, как у священника – ср. *parsonic*;

8) характеристика человека по особенностям кожного покрова: загорелый и обветренный – ср. *weather-burned*;

9) характеристика человека по особенностям строения конечностей

В данной минигруппе выделяются две микрогруппы:

а) характеристика человека по особенностям рук: с мозолистыми, натруженными руками – ср. *horny-handed*;

б) характеристика человека по особенностям ног: с маленькой ступней – ср. *breviped*;

10) характеристика человека по особенностям лица:

В описываемой минигруппе наблюдается наличие нескольких микрогрупп:

а) характеристика человека по наличию растительности на лице: с густой бородой – ср. *heavy-beared*; носящий бакенбарды, баки – ср. *whiskered*;

б) характеристика человека по особенностям носа: с приплюснутым носом – ср. *pug-nosed*; с синим носом – ср. *bluenosed*.

в) характеристика человека по форме лица: – с худым длинным лицом, с впалыми щеками – ср. *lantern-jawed*; с продолговатым лицом – ср. *hatchet-faced*;

г) характеристика человека по чертам лица: с грубыми, резкими чертами лица – ср. *hard-featured*; с острыми и неприятными чертами лица – ср. *weasel-faced*;

д) характеристика человека по выражению лица: с мягким ласковым взглядом – ср. *tender-eyed*; с широко разинутым ртом, обыкн. от удивления – ср. *wide-mouthed*;

е) характеристика человека по глазам: с бельмом на глазу – ср. *horn-eyed*; с покрасневшими веками – ср. *red-rimmed*;

ж) характеристика человека по строению лица: имеющий двойной подбородок – ср. *jowly*; с выдающейся верхней челюстью – ср. *overhung*.

У глагольных лакун в тематической группе «Глаголы, характеризующие действия и состояния человека» самую высокую номинативную

непредставленность (349 лакун) имеет подгруппа «**Действия человека в быту**». Отметим, что совершаемые человеком действия в быту весьма разнообразны и в большинстве случаев представлены единичными примерами: *защитить, заложить, закрыть мешками с песком* – ср. sandbag; *размазывать тонким слоем* – ср. thin; *тереть со скрипом или скрежетом* – ср. grind; *делать моцион или физическую зарядку* – ср. exercise; *смотреться в зеркало* – ср. glass и др.

Тем не менее, в данной подгруппе оказалось возможным выявить 22 минигруппы, некоторые из которых также содержат микрогруппы:

1) действия человека, осуществляемые при помощи различного инвентаря: *загораживать нитяной сеткой* – ср. thread; *пройтись граблями по дорожке и т.п.* – ср. rake over и др.;

2) действия человека, осуществляемые с использованием различных веществ и материалов: *посыпать, обрабатывать тальком* – ср. talc; *посыпать песком, гравием* – ср. grit и др.;

3) действия человека, связанные с гигиеной тела и уходом за собой

Отметим, что данная минигруппа состоит из 3 микрогрупп:

а) действия человека, связанные с причёсыванием: *делать высокую причёску на валике* – ср. rat; *заплетать косу* – ср. queue и др.;

б) действия человека, связанные с гигиеническими процедурами: *чистить зубы ниткой* – ср. floss и др.;

в) действия человека, связанные с нанесением макияжа и ароматических веществ: *подводить брови жжёной пробкой* – ср. cork; *душить духами* – ср. perfume и др.;

4) действия человека, связанные со сном: *беспокойно метаться во сне и т. п.* – ср. toss; *ночевать в ночлежном доме* – ср. doss; *спать на соломенном тюфяке, убогом ложе* – ср. pallet и др.;

5) действия человека, связанные с закрыванием: *запереть все двери в доме и т. п.* – ср. lock up и др.

В данной минигруппе оказалось возможным выделить две микрогруппы:

а) действия человека, связанные с закрыванием на различные виды замков: *запирать на замок* – ср. lock; *запирать на висячий замок* – ср. padlock и др.;

б) действия человека, связанные со способом закрывания: *наглухо закрывать* – ср. screw up; *плотно закрывать* – ср. разг. button и др.

6) действия человека, связанные с уборкой и наведением порядка: *приводить в порядок* – ср. snug; *выбивать с треском* – ср. pop и др.;

7) действия человека, связанные с деструктивным воздействием: *обрызгать грязью* – ср. muddy; *пачкать сажей, копотью* – ср. begrime и др.;

8) действия человека, связанные с измерениями: *вымерять, отмерять шагами* – ср. step и др.;

- 9) действия человека, связанные с вредными привычками: *затягиваться сигаретой и т.п.* – ср. разг. pull и др.;
- 10) действия человека, связанные с созданием и пополнением запасов: *пополнить запас* – ср. restock и др.;
- 11) действия человека, связанные с обращением с бытовыми приборами: *искать станцию, перемещая движок по шкале радиоприёмника* – ср. dial; *спускать воду из котла* – ср. blow off и др.;
- 12) действия человека, связанные с делением на части: *резать быстрым движением ножниц* – ср. snip; *резать, делить на куски* – ср. junk и др.;
- 13) действия человека, связанные с хранением чего-либо: *хранить в закромах, в ларе, бункере* – ср. bin и др.;
- 14) действия человека, характеризующие режим питания: *сидеть на диете* – ср. diet и др.;
- 15) действия человека, связанные с обустройством пространства: *подкладывать подушки* – ср. pillow; *вешать портьеры* – ср. upholster и др.;
- 16) действия человека, связанные с избавлением от отходов: *выбрасывать за негодностью* – ср. scrap и др.;
- 17) действия человека, связанные с обращением с огнём: *тушить огонь* – ср. bonnet и др.;
- 18) действия человека, связанные с освещением: *освещать фонарём или фонарями* – ср. lantern и др.;
- 19) действия человека, связанные с упаковыванием: *упаковывать, запаковывать, укладывать вещи* – ср. pack и др.;
- 20) действия человека, связанные с сушкой: *сушить на солнце* – ср. sun; *сушить в печке* – ср. stove и др.;
- 21) действия человека, связанные со способом ведения хозяйства: *экономно вести хозяйство* – ср. husband и др.;
- 22) действия человека, связанные с уходом за бельём: *гладить портновским утюгом* – ср. goose и др.

Самой малочисленной подгруппой в тематической группе «Характеристика человека» у субстантивных лакун является подгруппа «Характеристика человека по его необходимости», которая имеет в своем составе всего две лакуны: *никому больше не нужный человек или предмет* – ср. dead-wood, *человек или предмет, нужный для заполнения пустого места* – ср. шутол. expletive.

У адъективных лакун самыми немногочисленными в тематической группе «Характеристика человека» являются подгруппы «Характеристика человека по владению собственностью»: *владеющий унаследованным состоянием (в течение нескольких поколений)* – ср. old-money; *имеющий излишки жилой площади* – ср. over-housed; «Характеристика человека по воспитанию»: *безупречно воспитанный* –

ср. *thoroughbred*; дурно воспитанный – ср. *cubbish*, «**Характеристика человека по объекту поклонения**»: *поклоняющийся солнцу* – ср. *solar*; *поклоняющийся животным* – ср. *zootheistic*, «**Характеристика человека по титулу, званию, ученой степени**»: *получивший звание судьи или достоинства пэра* – ср. *ermined*; *без степени, не имеющий звания* – ср. *degreeless*, а также подгруппа «**Характеристика человека по воинственным намерениям**»: *разг. готовый применить (атомную) бомбу, угрожающий (атомным) оружием, войной* – ср. *bomb-happy*; *разг. всегда готовый схватиться за оружие, стреляющий без разбору, стреляющий по поводу и без повода* – ср. *trigger-happy*, которые имеют в своем составе всего по 2 лакуны.

Самой немногочисленной подгруппой у глагольных лакун в тематической группе «Глаголы, характеризующие действия и состояния человека» является подгруппа «**Гражданская деятельность человека**», насчитывающая в своем составе всего 5 лакун: *отказываться от гражданства* – ср. *expatriate*; *кричать о своём патриотизме* – ср. *jingo* и др.

Таким образом, человек как объект действительности, его свойства и характеристики, действия и деятельность находятся в центре внимания представителей западной культуры. Наибольшая концентрация номинативной непредставленности в этих тематических группах отражает национально-культурную специфику английского языка.

Проведенная тематическая классификация русско-английских субстантивных, адъективных и глагольных лакун показала, что явление лакунарности в частеречных рамках существительного, прилагательного и глагола охватывает номинативную сферу практически всех предметных сторон жизни общества. Каждая часть речи имеет собственную, достаточно обширную лакунарную сферу, что подтверждает универсальность лакунарности как языкового явления.

Литература

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвистическая проблематика страноведения в преподавании русского языка иностранцам. – М., 1971.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004.
3. Махонина А.А. Проблема описания лексической лакунарности (на материале русско-английских субстантивных лакун): дис. ... канд. фил. наук. – Воронеж, 2006.
4. Петросян Ж.В. Проблема адъективной лакунарности (на материале русско-английских адъективных лакун): дис. ... канд. фил. наук. – Воронеж, 2011.
5. Суханова О.В. Лакунарность глагольной лексики (на материале русско-английских глагольных лакун): дис. ... канд. фил. наук. – Воронеж, 2012.

6. Тер-Минасова С.Г. Личность, язык, культура // Современные теории и методики обучения иностранным языкам: сб. науч. тр. – Москва, 2004. – С. 28-39.

С.А. Мучкаева

Специфика перевода англоязычного литературного антропонима на русский язык

В литературном произведении (независимо от того, на каком языке оно написано) имя играет очень важную роль ориентира во времени и пространстве. Любое реалистическое произведение содержит имена, типовые для данной социальной группы в данную эпоху. Юмористическое произведение сгущает краски, привлекая «говорящие» имена и фамилии. В сатирических произведениях имена шаржируются. Романтические произведения используют имена, принципиально непохожие на имена окружающих.

Имя собственное становится тематическим, ключевым, доминантным словом художественного текста. Оноцентрические синтагмы, центральным элементом которых является имя собственное, играют немаловажную роль в построении художественного текста, в характеристике индивидуально-авторского стиля.

В художественном произведении стилистически значимой является и речевая, и энциклопедическая, и языковая информация, что создает единую художественную палитру. В результате вместе они вносят много дополнительных сведений, порой не доступных для понимания при первом прочтении произведения.

Очевидно, не каждый обладает всей полнотой сведений о конкретном лице, поэтому значение антропонима в языке – это известная абстракция, которая соответствует среднему уровню знаний о носителе имени. Так, к примеру, значение антропонима *Гомер* исчерпывается следующим: *древнегреческий поэт, автор эпосов «Илиада» и «Одиссея»*.

Подобные антропонимы не требуют уточняющего контекста, поэтому они вводятся в текст без каких бы то ни было пояснений. Считается, что такое имя хорошо известно читателям.

Отметим, что условия понимания имен собственных связаны с так называемыми фоновыми знаниями, под которыми обычно понимается обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения. Примечательны в этом плане следующие примеры:

Play me some Chopin. (J.Galsworthy, «The Forsyte Saga»)

Ever read any Ibsen? (F.S.Fitzgerald, «The Ice Palace»)

A beautiful opera, not like Meyerbeer, nor even quite Mozart, but, in its way, perhaps, even more lovely, ... (J.Galsworthy, «The Forsyte Saga»)

В подобных случаях автор рассчитывает на эрудированность читателя. Читатель, не знающий, кто такие Моцарт, Шопен, Ибсен, попросту не поймет, что имеется в виду.

Приведем еще ряд примеров:

It was a Braque, one ... he had seen somewhere in reproduction. (J. Fowles, «The Ebony Tower»)

Two Matthew Smiths, a Picabia, a little flower painting that must be an early Matisse, ... (J. Fowles, «The Ebony Tower»)

В данных примерах под антропонимами Braque, Matthew Smith, Picabia, Matisse подразумеваются полотна этих художников.

Известность многих людей выходит за рамки их страны и языковой общности. Соответственно их имена являются «единичными» антропонимами и в других языках. С другой стороны, слава других деятелей, широко известных в своих странах, не выходит на международный уровень. Если антропонимы Эйнштейн, Эзоп, Ньютон, Линкольн являются «единичными» как в английском, так и в русском языке, то имена Уильяма Хэзлитта или Уиллы Кэсер не имеют такого статуса в русском языке. В этих случаях переводчику приходится применять уточняющие или описательные соответствия.

Порой автор отходит от стандартного способа именования. В таком случае его субъективное отношение может быть передано, например, посредством замены имени нарицательным эмоционально-оценочным словом.

Так, в книге Марка Твена Том Сойер обычно называл двоюродного брата Сидом, но в минуту озлобленности он не только использует дериват, но и добавляет к имени официальное «мистер»:

Now, Mr. Siddy, you just tend to your own business. (M. Twain, «The Adventures of Tom Sawyer», p.73).

Мистер Сидди, советую вам не соваться в чужие дела. (Перевод К. Чуковского)

Вот что, сударь, не лезьте не в свои дела. (Перевод Н. Дарузес).

В переводе К. Чуковского в целом форма деривата и именования (мистер Сидди) сохранена. Другая переводчица книги о Томе Сойере – Н. Дарузес передает прагматическое значение описательным переводом, заменив именование обращением «сударь». Таким образом передается ирония говорящего.

Зачастую автор использует в тексте заместители имен – прозвища. Тем самым он дает читателю лаконичную характеристику персонажа, которая в противном случае могла бы потребовать более развернутой формулировки. Примером может служить Miss High-and-Mighty Гарольда Роббинса (популярного американского писателя), что на русский язык было переведено как «Мадам Задавака».

В художественном тексте антропонимы несут в себе определенную стилистическую нагрузку и имеют огромное значение в осуществлении авторского замысла, поэтому переводчику надо быть особенно тщательным при их переводе. При этом перевод англоязычных литературных антропонимов на русский язык имеет свою специфику, связанную, в частности, с особенностями перевода артиклей.

Так, в приведенном ниже примере артикль, стоящий перед именем Дерена, указывает на то, что автор имеет в виду не самого художника, а его картину.

Ensor, Marquet, that landscape at the end must be a «cool» Derain. (J.Fowles, «The Ebony Tower», p.35)

Энсор, Марке, тот пейзаж в конце, должно быть, «холодный» Дерен.
Здесь наблюдается деонимизация слова, то есть последнему придается статус имени нарицательного.

В романе Дж. Голсуорси «Собственник» антропониму Forsyte часто предшествует неопределенный артикль *a* (a Forsyte):

... but when did a Forsyte ever imagine that his conduct could upset anybody! (p.103)

...но мог ли кто-нибудь из Форсайтов представить когда-либо, что его поведение может огорчить любого! (с.99)

Old Jolyon was too much of a Forsyte to praise anything freely... (p.59)

Старый Джолион был слишком Форсайт, чтобы откровенно похвалить что-нибудь... (с.55)

The features were certainly those of a Forsyte, but the expression was more the introspective look of a student or philosopher. (p.57)

Черты лица носили явно форсайтский характер, но в выражении его была созерцательность, больше свойственная лицу ученого или философа. (с.53)

When a Forsyte was engaged, married or born, the Forsytes were present; when a Forsyte died... (p. 30)

Когда Форсайт праздновал помолвку, свадьбу или рождение, все Форсайты бывали в сборе; когда Форсайт умирал ... (с.28)

Во всех подобных случаях использование неопределенного артикля перед именем собственным подчеркивает принадлежность к клану Форсайтов и требует от переводчика особого мастерства.

Литература

1. Fowles J. The Ebony Tower. – Moscow, 1980.

2. Galsworthy J. The Man of Property. – Moscow:, 1974.
3. Twain M. The Adventures of Tom Sawyer. – London, 1974.
4. Голсуорси Джон «Сага о Форсайтах»: Т.І. «Собственник». – Перевод Н. Волжиной. – М., 1982.

Я.В. Перелыгина

Французские производные слова с префиксами пространственного значения и их русские соответствия

Настоящее исследование выполнено в русле таких современных направлений лингвистики, как когнитивная семантика, композиционная семантика, словообразование, ориентированное на содержание, лингвокультурология. Фундаментальным понятием этих направлений является лингвокультурный, или культурно-языковой, концепт (Степанова 2003, с. 22).

Применительно к данной статье понятие «концепт» будет рассматриваться в трех аспектах:

1. как комплексное понятие, имеющее сложную структуру;
2. как комплексное понятие, отражающее специфику композициональности ономаσιологического базиса и ономаσιологического признака, которая определяет правила образования производного слова, являющегося основным объектом нашего исследования;
3. как «сгусток культуры», которая входит в ментальный мир человека (Степанов 2001, с. 43), как ментальная единица, принадлежащая сознанию, детерминируемая культурой и опредмечиваемая в языке (Слышкин 2000, с. 9).

Одним из концептов, структурирующих ментальный образ любой культуры, является концепт «пространство», который вербализуется самыми различными средствами, в том числе и средствами словообразования.

Многие ученые отмечают «слоистую» природу концепта. По определению Ю.С. Степанова концепт имеет три слоя:

1. основной актуальный признак, известный каждому носителю культуры и значимый для него;
2. дополнительный признак (или несколько дополнительных пассивных признаков, актуальных для отдельных групп носителей культуры);
3. внутренняя форма концепта, не осознаваемая в повседневной жизни, известная лишь специалистам, но определяющая внешнюю, знаковую форму выражения концептов (Степанов 2001, с. 44).

Для нашего исследования наиболее важным является третий слой, представляющий внутреннюю форму концепта. Именно этот слой, на наш взгляд, и определяет специфику различий процесса вербализации концепта

«пространство» словообразовательными и лексическими средствами французского и русского языков.

Вслед за Е.С. Кубряковой, мы признаем, что номинативная функция словообразования в определении понятия «концепт» является собственно когнитивной, так как за данной областью сохраняется функция выделения и фиксации средствами словообразования новых структур знания, закрепления и объективации неких концептуальных объединений, рождаемых в актах сознания и оценки мира (Кубрякова 2004, с. 407).

Целью данной статьи является сопоставительное исследование французских производных слов с префиксом *dé-*, выражающим различные аспекты семантики «пространство», и их словарных соответствий. Нам необходимо выявить закономерности, определяющие соответствия/несоответствия способов вербализации концепта «пространство» средствами русского и французского языков.

По мнению ряда исследователей, концепт «пространство» включает в себя целый ряд признаков: удаление, привативность, отрицание, перемещение вверх/вниз, перемещение влево/вправо, направление внутрь, противодействие, движение в обратном направлении, возрастающая степень качества (разновидность движения вверх), прохождение сквозь, чрезмерность/избыточность.

Исходя из этого, мы можем рассматривать *dé-* как префикс пространственного значения, так как в его семантике вербализуются такие признаки, как привативность (удаление предмета; удаление от предмета). Например, *débobiner* (разматывать) – *s'éloigner de la bobine* (удалиться от бобины) – значение «удаление от предмета»; *déroute* (сбиться с пути) – *s'éloigner de la route* (удалиться от дороги) – значение «удаление от предмета»; *décorder* (развязывать) – *priver de la corde* (удалить веревку) – значение «удаление предмета».

Глаголы, в которых префикс демонстрирует указанные значения, построены по словообразовательной модели [*dé-* + *N*] *V* во французском языке и [обез-/обес- + Сущ.] Глаг.; [раз-/рас- + Сущ.] Глаг.; [от- + Сущ.] Глаг. в русском языке.

Проанализировав целый ряд примеров французского и русского языков, мы обнаружили, что французский префикс *dé-* отличается многозначностью, в частности, одним из его значений является привативность. В рамках этого значения существуют несколько вариантов (удаление предмета; удаление от предмета). В русском же языке каждому варианту привативного значения соответствуют специальные префиксы (обез-/обес-, раз-/рас-, от-).

В исследованных нами моделях французского и русского языков, производные глаголы обладают следующими характеристиками: словообразовательной мотивацией, словообразовательной членимостью и ярко выраженным словообразовательным значением (СЗ).

Для того, чтобы установить, что глаголы с префиксом *dé-* являются средством вербализации концепта «пространство», мы пользуемся методикой представления комплексного знака через его развернутую синтаксическую структуру – деривационное сочетание (Никитевич 1978, с. 37), а также теорией места мотивирующего слова в мотивирующем суждении, предложенной Е.С. Кубряковой (Кубрякова 1976, с. 287). Например, *débenzoler – priver du benzol* (удалять бензол).

В соответствии с теорией Е.С. Кубряковой, мы можем говорить о том, что синтаксическая позиция коррелятов префикса и производящей основы в данном деривационном сочетании следующая: коррелят аффикса (*priver*) занимает позицию предиката, а мотивирующее слово (*benzol*) близко расположено к главному члену мотивирующего суждения: все это свидетельствует о четко выраженных словообразовательных характеристиках. Таким образом, СЗ для французского и русского языков формулируется одинаково: «лишить того, что обозначено производящей основой». Привативное значение префикса эксплицируется благодаря специфике его композициональности с производящей основой. В частности, это связано с присутствием сильной позиции признака концепта, вербализованного словообразовательным формантом (Полянчук 2008, с. 18; Полянчук 2009, с. 21).

Перейдем к сопоставительному анализу французских глаголов с префиксом *dé-* и их русских соответствий.

Материалом исследования послужил обширный корпус примеров, полученных методом сплошной выборки из словарей французского и русского языка (Гак 1993; Евгеньева 1986).

В результате исследования нами обнаружено несколько парадигм, отражающих способы соотношения французских глаголов с префиксом *dé-* и их русских соответствий:

1. Французскому производному слову с префиксом *dé-* соответствует русское производное слово с префиксами обез-/обес-; раз-/рас-; от-. Например:

а) *déboiser* – обезлесить, *décapiter* – обезглавливать, *décarbonater* – обезуглероживать, *décolorer* – обесцвечивать, *défigurer* – обезображивать, *dégraisser* – обезжиривать, *dépersonnaliser* – обезличить, *déshumaniser* – обесчеловечить, *déshumidifier* – обезвоживать, *dessaler* – обессолить, *détoxiquer* – обезвредить, *désâmer* – обездушить, *défeuiller* – обезлиствить, *dévaloriser* – обесценивать, *démonétiser* – обезденежить, *déshydrater* – обезводить;

б) *débloquer* – разблокировать, *débobiner* – разматывать, *décoder* – расшифровывать, *décorder* – развязывать, *découronner* – развенчать, *dégrouper* – разгруппировать, *délacer* – расшнуровывать, *désarmer* – разоружать;

в) *déconseiller* – отсоветовать.

Анализ приведенных примеров показывает, что словообразовательные средства, отражающие семантику привативности, в русском языке оказываются более разнообразными (префиксы обез-/обес-; раз-/рас-; от-), чем во французском (префикс *dé-*).

С другой стороны, префикс *dé-* отличается большим объемом значения.

Еще одним важным выводом, отражающим результаты анализа парадигмы 1 является следующее: во всех приведенных примерах налицо тот факт, что вербализация концепта «пространство» связана в обоих языках с использованием только словообразовательных средств.

2. Во французском языке концепт «пространство» вербализуется средствами словообразования, а в русском – словосочетанием.

Например:

débonder – вынимать затычку, *déboucher* – расстегивать пряжку, *décalaminer* – снимать нагар, *décamper* – снимать лагерь, *décapitaliser* – лишить статуса столицы, *décapuchonner* – снять колпачок, *déclasser* – понижать в классе, *déclouer* – выдергивать гвозди, *décoconner* – вынимать из кокона, *décommander* – отменять команду, *décorner* – обрезать рога, *défourner* – разгружать печь, *défruiter* – снимать плоды (с дерева), *dégasoliner* – извлекать газولين, *dégermer* – удалять зародыш, *déglacer* – скалывать лед, *dégluer* – удалять клей, *dégoudronner* – удалять смолу, *délainer* – снимать шерсть, *délarder* – отделять сало (от туши), *démazouter* – очищать от мазута, *démeubler* – убирать мебель, *démotiver* – лишить мотивации, *dénaturer* – лишить природных свойств, *déneiger* – убирать снег, *dépassionner* – снять накал, остроту, *déplisser* – распускать складки, *déploMBER* – снимать пломбы, *déplumer* – ощипывать перья, *dépoétiser* – лишить поэтичности, *dépolitiser* – лишить политической направленности, *dépoudrer* – удалять пудру, *dérouiller* – сводить ржавчину, *dérouter* – сбить с пути, *désaccoupler* – разрознивать пары, *désaérer* – удалять воздух, *désaxer* – смещать ось, *désencadrer* – вынимать из рамы, *déséquilibrer* – выводить из равновесия, *déséquiper* – снимать снаряжение, *désherber* – снимать травяной покров, *désillusionner* – разрушать иллюзии, *désindexer* – устранять индексацию, *désodoriser* – уничтожать запах, *désosser* – вынимать кости, *déssabler* – удалить песок, *dévoiler* – снимать покров.

Данная парадигма французских производных слов и их соответствий в русском языке показывает национальную специфику процесса «свертывания» высказывания в изучаемых языках.

Производное слово представляет собой скрытую предикацию, «свертку» высказывания, его универбализацию.

Подходя к анализу производного слова с таких позиций, мы можем сделать вывод о том, что ментальные механизмы универбализации во французском языке работают более активно, чем в русском. Как видно из примеров, русский язык предпочитает универбам словосочетания. Таким образом, в соотношениях парадигмы 2 мы наблюдаем

словообразовательные способы вербализации концепта «пространство» для французского языка и синтаксические – для русского языка.

3. Мы также выявили еще одну парадигму вербализации концепта «пространство» средствами французского и русского языков: в данном случае французскому производному слову может соответствовать в русском языке и универб, и словосочетание. Например:

déforcer – лишить сил; обессилить, *dégommer* – снимать клей; расклеить, *dépeupler* – сокращать население; обезлюдить, *déraciner* – выдергивать с корнем; искоренять, *déshériter* – лишить наследства; обездолить, *désoufrer* – обессеривать; удалять серу.

Наличие данных примеров дает нам основание считать, что такой тип соотношения можно назвать промежуточным относительно двух описанных ранее.

Существование такого типа иллюстрирует поэтапность процесса «свертывания», что отражает динамику процесса универбализации, постепенность перехода от описательной к универбальной форме репрезентации комплексного знака.

Исследования подобного рода позволяют проанализировать как общие тенденции процесса репрезентации концептов средствами языка, так и особенности, специфические для различных языков.

При сопоставлении средств вербализации одного и того же концепта в разных языках, раскрываются имплицитные для одного языка и эксплицитные для другого парадигмы процесса его вербализации.

Нами определены три парадигмы соотношения французских производных слов с префиксом *dé-*, построенных по модели [*dé-* + *N*] *V*, и их соответствий в русском языке. Данные парадигмы наглядно демонстрируют специфические черты процесса универбализации в исследуемых языках, а также поэтапность и системность этого процесса в целом.

Литература

1. Кубрякова Е.С. Теория мотивации и определение степени мотивированности производных слов// Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1976. – Ч. 2. – С. 285-292.
2. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М., 2004.
3. Никитевич В.М. Словообразование и деривационная грамматика : в 2 ч. – Ч. 1 : Словообразование и номинативная деривация. – Алма-Ата, 1978.
4. Полянчук О.Б. Когнитивные основы семантического моделирования на базе комплексного знака // Международный конгресс по когнитивной лингвистике. – Тамбов, 2008. – С. 417-420.
5. Полянчук О.Б. Французское производное слово в динамическом аспекте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 2009.

6. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М., 2000.
7. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 2001.
8. Степанова З.М. Национально-культурная специфика некоторых пространственных концептов (на материале предлогов французского и русского языков) // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты. – Москва-Пенза, 2003. – С. 22-31.

Лексикографические источники

1. Гак В.Г. Новый французско-русский словарь. – М.: Рус. яз. – Медиа; Дрофа, 2008.
2. Евгеньева А.П. Словарь русского языка: в 4-х томах. – М.: Рус. яз., 1986.

С.Н. Черникова

Фразеологизмы, включающие наименования *горных пород* и минералов в русском и английском языках

Предметом данного исследования является сопоставительный анализ фразеологизмов, включающих наименования *горных пород и минералов* в русском и английском языках. Методом сплошной выборки из отечественных и зарубежных лексикографических источников были отобраны фразеологические единицы с наименованиями *горных пород и минералов*. В русском языке было выявлено 35 фразеологизмов, включающих шесть наименований горных пород и минералов: **алмаз, гранит, камень, мелок, песок, уголь**, в английском языке – 73 фразеологизма, включающих двенадцать наименований горных пород и минералов: **bedrock, chalk, clay, coal, diamond, grit, marble, pebble, rock, sand, slate, stone**.

Рассмотрим, какие семантические признаки послужили основой фразеологического переноса во фразеологизмах, включающих наименования и горных пород и минералов.

Лексема **камень** в русском языке была зафиксирована в составе двадцати одного фразеологизма. Семантическими признаками фразеологического переноса лексемы **камень** в русском языке являются: **тяжесть** (*упасть, ринуться, свалиться, нырнуть и т.п. камнем; лечь, опуститься камнем; камень на душе, на сердце; камень свалился, упал, камень сняли с души, сердца; виснуть камнем на шее*), **препятствие** (*камень преткновения; нашла коса на камень; подводные камни*), **украшение** (*драгоценный камень; дорогие камни, каменья; поделочный камень*), **опасность** (*держат (иметь) камень за пазухой; камня на камне не оставить; бросать камень в чей-либо огород*), **безжизненность** (*камни*

вопиют; сердце не камень), **основание** (краеугольный камень), **орудие наказания** (бросать, бросить, кинуть в кого-либо камень, камнем), **мера чего-л.** (пробный камень), **долговечность** (гробовой, надгробный камень), **магическое средство** (философский камень).

Лексема **песок** в русском языке входит в состав десяти фразеологических единиц. Семантическими признаками фразеологического переноса являются: **бесплодность** (уходить/уйти в песок; когда песок на камне (по камню) взойдёт; сеять песок по камню), **шероховатость** (песок в глазах; пробрать (пробирать), продрать (продирать) с песком кого-л.), **зыбкость** (строить, построить на песке; из песка верёвки вить), **форма** (сахарный песок), **мера измерения времени** (песок сыплется), **большое количество** (Как (что) песок морской, или как (что) песку морского, или паче песка морского).

Лексема **алмаз** входит в состав одной фразеологической единицы. Семантическим признаком, лежащим в основе образования фразеологизма с данной лексемой, оказался признак **совершенство** (глаз-алмаз).

Семантическим признаком, релевантным для фразеологического переноса лексемы **гранит**, входящей в состав одной фразеологической единицы в русском языке, является: **твёрдость** (грызть гранит науки).

Лексема **мелок** в русском языке входит в состав одной фразеологической единицы. Был определен следующий семантический признак фразеологического переноса лексемы **мелок**: **способность оставлять след** (игра (играть) на мелок).

Семантическим признаком, релевантным для фразеологического переноса лексемы **уголь**, входящей в состав одной фразеологической единицы в русском языке, является: **источник энергии** (белый уголь).

В результате анализа семантических признаков, легших в основу фразеологического переноса рассматриваемых лексем в русском языке, было выявлено двадцать признаков.

Для оценки роли того или иного семантического признака во фразеологическом развитии изучаемых лексем мы использовали введенный Н.А. Портнихиной (Портнихина 2011) *индекс продуктивности семантического признака развития слова*, под которым понимается отношение количества производных семантических единиц (в нашем случае – *фразеологизмов*), мотивированных данным семантическим признаком, к общему количеству фразеологизмов, образованных от рассматриваемой лексемы.

Как показало исследование, наиболее продуктивным семантическим признаком, релевантным для фразеологического переноса лексемы **камень** является семантический признак **тяжесть** (23,8%). У лексемы **песок** наибольший показатель продуктивности был зафиксирован у семантического признака **бесплодность** (30%). Лексемы **алмаз**, **гранит**, **мелок** и **уголь** характеризуются каждая наличием только одного

семантического признака для фразеологического переноса, в результате чего продуктивность каждого из этих признаков составляет 100%.

Перейдем к рассмотрению семантических признаков, релевантных для фразеологического переноса рассматриваемых лексем в английском языке.

Лексема **stone** в английском языке входит в состав двадцати фразеологических единиц. В результате семантического анализа были обнаружены восемь семантических признаков, которые послужили основой фразеологического переноса лексемы **stone** в английском языке: **безжизненность** (*cold as a stone; the stones will cry; blood from (out of) a stone; deaf as a stone; a stick and a stone; a heart of stone*), **тяжесть** (*a rolling stone; sink like a stone; a stone's throw away/ (within) a stone's throw; break stones; leave no stone unturned*), **препятствие** (*give a stone and a beating to smb; ask for bread and be given a stone*), **магическое средство** (*the blarney stone; the philosopher's stone*), **твердость** (*hard as a stone; the corner (или the first) stone*), **орудие наказания** (*cast (или throw) a stone (или stones) at smb*), **опасность** (*set a stone rolling*), **неподвижность** (*turn to stone*).

Лексема **sand** в английском языке входит в состав двенадцати фразеологических единиц. Семантическими признаками фразеологического переноса данной лексемы являются: **препятствие** (*draw (или put) a line in the sand; put (или throw) sand in the machine (или wheels); run into the sand*), **зыбкость** (*a rope of sand; loose as a rope of sand; build on (the) sand*), **бесплодность** (*plough the sand(s); take sand to the beach*), **мера измерения времени** (*the sands (of time) are running out; sands of time*), **большое количество** (*numberless as the sand(s)*), **укрытие** (*bury (или hide) one's head in the sand*).

Семантическими признаками, релевантными для фразеологического переноса лексемы **rock**, зафиксированной в девяти фразеологических единицах в английском языке, являются: **препятствие** (*go on the rocks; on the rocks; the rock on which we split*), **надежность** (*build (one's house) on a rock; the rock of ages*), **опасность** (*see rocks ahead; between a rock and a hard place*), **твердость** (*firm (solid, steady) as a rock*), **большой объем** (*pile up the rocks*).

Лексема **slate** входит в английском языке в состав семи фразеологизмов. Семантическими признаками фразеологического переноса лексемы **slate** являются: **ровная поверхность** (*clean the slate; a clean slate; wipe smb off the slate; start with a clean slate; break the slate*), **случастность** (*have a slate loose*).

Семантическими признаками, релевантными для фразеологического переноса лексемы **chalk**, отмеченной в семи фразеологических единицах в английском языке, являются: **способность оставлять след** (*by a long chalk; not by a long chalk; come up to the chalk; to walk the chalk*), **твердость** (*as different as chalk and cheese/be like chalk and cheese; not to know chalk from cheese*), **цвет** (*white as chalk*).

Лексема **coal** входит в английский язык в состав шести фразеологизмов. Семантическими признаками фразеологического переноса лексемы **coal** являются: *воспламеняемость* (*be on hot coals; heap coals of fire on smb's head; call smb over the coals*), *тяжелый груз* (*bear (carry) coals*), *большое количество* (*carry coals to Newcastle*), *цвет* (*black as coal*).

Семантическими признаками, релевантными для фразеологического переноса лексемы **clay**, обнаруженной в составе четырех фразеологических единиц в английском языке, являются: *материал для гончарных, скульптурных и строительных работ* (*clay in smb's hands; moisten (wet) one's clay*), *зыбкость* (*have feet of clay; a lump of clay*).

Лексема **diamond** входит в английский язык в состав четырех фразеологизмов. Семантическими признаками фразеологического переноса лексемы **diamond** являются: *твердость* (*diamond cut diamond*), *совершенство* (*a diamond of the first water*), *ценность* (*black diamonds*), *блеск* (*rough diamond*).

Семантическим признаком, релевантным для фразеологического переноса лексемы **bedrock**, входящей в состав одной фразеологической единицы в английском языке, является *основание* (*come (get) down to bedrock*).

Лексема **marble** в английском языке также входит в состав одной фразеологической единицы. Был определен следующий семантический признак фразеологической переноса лексемы **marble**: *безжизненность* (*as cold as marble*).

Семантическим признаком, релевантным для фразеологического переноса лексемы **pebble**, входящей в состав одной фразеологической единицы в английском языке, является *большое количество* (*not the only pebble on the beach*).

Лексема **grit** в английском языке также входит в состав только одной фразеологической единицы. Был определен следующий семантический признак фразеологической переноса лексемы **grit**: *большое количество* (*hit the grit*).

В ходе исследования было установлено, что в английском языке количество семантических признаков, релевантных для фразеологического переноса рассматриваемых лексем, составляет двадцать шесть. Из них семь признаков оказались релевантными для фразеологического переноса нескольких лексем рассмотренной группы. Так, семантический признак *твердость* лег в основу фразеологического переноса у четырех лексем: **chalk**, **diamond**, **stone**, **rock**. Признак *большое количество* оказался важным для фразеологического развития четырех лексем: **coal**, **grit**, **pebble**, **sand**. Семантический признак *препятствие* лег в основу фразеологического переноса у трех лексем: **rock**, **sand**, **stone**. Признак *безжизненность* оказался важным для фразеологического развития двух

лексем: **marble, stone**. Семантический признак *цвет* лег в основу фразеологического переноса у двух лексем: **chalk, coal**. Признак *зыбкость* является релевантным для фразеологического развития двух лексем: **clay, sand**. Семантический признак *опасность* лег в основу фразеологического переноса у трех лексем: **rock, stone**.

Наиболее продуктивным семантическим признаком, релевантным для фразеологического переноса лексемы **stone** является семантический признак *безжизненность* (30%). У лексемы **chalk** наибольший показатель продуктивности имеет семантический признак *способность оставлять след* (57,1%), у лексемы **clay** два семантических признака (*зыбкость* и *материал для гончарных, скульптурных и строительных работ*) имеют одинаковый показатель продуктивности – 50%. У лексемы **coal** наибольший показатель продуктивности был зафиксирован у семантического признака *воспламеняемость* (50%). У лексемы **diamond** все семантические признаки фразеологического переноса (*твердость, совершенство, ценность, блеск*) имеют одинаковые индексы продуктивности (25%). Наибольший показатель продуктивности (33,3%) у лексемы **rock** демонстрирует семантический признак *препятствие*. У лексемы **sand** два семантических признака (*зыбкость* и *препятствие*) имеют одинаковый показатель продуктивности – 25%. Наиболее продуктивным семантическим признаком, существенным для фразеологического переноса лексемы **slate** является семантический признак *ровная поверхность* (85,7%). Лексемы **bedrock, marble, grit** и **pebble** имеют по одному релевантному для фразеологического переноса семантическому признаку, соответственно продуктивность каждого из них составляет 100%.

Проведенное исследование показало, что для фразеологического развития лексем русского и английского языков, обозначающих горные породы и минералы, значимыми оказались как одноименные, так и эндемичные семантические признаки.

В общей сложности нами было зафиксировано четырнадцать одноименных семантических признаков фразеологического переноса: *основание, твердость, способность оставлять след, зыбкость, большое количество, совершенство, препятствие, безжизненность, опасность, бесплодность, орудие наказания, мера измерения времени, магическое средство, тяжесть*. Эндемичными для английского языка оказались следующие двенадцать семантических признаков: *цвет, материал для гончарных, скульптурных и строительных работ, воспламеняемость, тяжелый груз, ценность, блеск, надежность, большой объем, укрытие, слоистость, ровная поверхность, неподвижность*. Эндемичными семантическими признаками для русского языка являются следующие шесть признаков: *украшение, мера чего-либо, долговечность, шероховатость, форма, источник энергии*.

Для оценки важности того или иного семантического признака в формировании фразеологических единиц с наименованиями горных пород и минералов представляется целесообразным использовать *индекс продуктивности семантического признака развития лексем в группе* – отношение количества производных семантических единиц (в нашем случае фразеологических единиц), мотивированных данным семантическим признаком, к общему количеству производных от лексем группы фразеологических единиц (Портнихина 2011). Результаты сопоставления *индексов продуктивности семантического признака развития лексем в группе* на фразеологическом уровне могут быть представлены в таблице 1:

Таблица 1.

Семантические признаки	Индекс продуктивности семантического признака развития лексем в группе	
	Русский язык	Английский язык
1 основание	2,9%	1,4%
2 цвет		2,7%
3 твердость	2,9%	8,2%
4 способность оставлять след	2,9%	5,5%
5 зыбкость	5,7%	6,8%
6 материал для гончарных, скульптурных и строит. работ		2,7%
7 большое количество	2,9%	5,5%
8 воспламеняемость		4,1%
9 тяжелый груз		1,4%
10 совершенство	2,9%	1,4%
11 ценность		1,4%
12 блеск		1,4%
13 безжизненность	5,7%	9,6%
14 надежность		2,7%
15 препятствие	8,6%	11,0%
16 опасность	8,6%	4,1%
17 большой объем		1,4%
18 бесплодность	8,6%	2,7%
19 мера измерения времени	2,9%	2,7%
20 укрытие		1,4%
21 ровная поверхность		8,2%
22 слоистость		1,4%
23 магическое средство	2,9%	2,7%

24 орудие наказания	2,9%	1,4%
25 неподвижность		1,4%
26 тяжесть	14,3%	6,8%
27 украшение	8,6%	
28 мера чего -либо	2,9%	
29 долговечность	2,9%	
30 шероховатость	5,7%	
31 форма	2,9%	
32 источник энергии	2,9%	

Как видно из таблицы 1, наиболее продуктивным семантическим признаком развития лексем в группе фразеологических единиц с наименованиями горных пород и минералов в русском языке является семантический признак **тяжесть** (индекс продуктивности 14,3%), в английском языке – семантический признак **препятствие** (показатель продуктивности 11,0%). Наименее продуктивными семантическими признаками в русском языке являются признаки **основание** (2,9%), **твёрдость** (2,9%), **способность оставлять след** (2,9%), **большое количество** (2,9%), **совершенство** (2,9%), **мера измерения времени** (2,9%), **орудие наказания** (2,9%), **магическое средство** (2,9%), **мера чего-либо** (2,9%), **долговечность** (2,9%), **форма** (2,9%), **источник энергии** (2,9%). В английском языке наименее значимыми для фразеологического переноса являются семантические признаки **основание** (1,4%), **тяжелый груз** (1,4%), **совершенство** (1,4%), **ценность** (1,4%), **блеск** (1,4%), **большой объем** (1,4%), **укрытие** (1,4%), **слоистость** (1,4%), **орудие наказания** (1,4%), **неподвижность** (1,4%).

Для определения важности семантических признаков в английском и русском языках воспользуемся тремя введенными нами формализованными показателями:

1. *средний индекс продуктивности одноименных семантических признаков* – среднее арифметическое сумм продуктивности одноименных семантических признаков;
2. *средний индекс продуктивности эндемичных семантических признаков* – среднее арифметическое сумм продуктивности эндемичных семантических признаков.
3. *средний индекс продуктивности семантического признака* – отношение количества семантических признаков, мотивирующих развитие фразеологизмов в группе, к количеству развиваемых лексемами фразеологизмов.

Для определения национальных особенностей рассматриваемых групп фразеологизмов воспользуемся шкалой оценки степени проявления национальной специфики лексики С.В. Колтаковой – С.И. Деркач (Колтакова 2008; Деркач 2011).

Полученные данные представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Параметр	Русский язык	Английский язык	Разница в показателях параметров	Характер национально-специфических различий
Средний индекс продуктивности одноименных семантических признаков	2,3%	1,4%	0,9%	несущественные
Средний индекс продуктивности эндемичных семантических признаков	4,4%	1,4%	3,0%	видимые
Средний индекс продуктивности семантического признака	57%	36%	21%	существенные

Как показало исследование, *продуктивность одноименных семантических признаков* характеризуется **несущественными** национально-специфическими различиями. *Продуктивность эндемичных семантических признаков* характеризуется **видимыми** национально-специфическими различиями. *Средний индекс продуктивности семантического признака* демонстрирует **существенные** национально-специфические отличия.

Для раскрытия характера национально-специфических различий исследуемых фразеологизмов воспользуемся *относительной фразеологической плотностью*, под которым понимается отношение фразеологической плотности рассматриваемых групп фразеологизмов (количества фразеологизмов, развиваемых лексемами данной группы). Этот показатель для фразеологизмов, включающих наименования горных пород и минералов, составил 2,1.

Для интерпретации полученного показателя воспользуемся упомянутой нами выше шкалой степени выраженности национальной специфики лексической группировки, на основании которой во фразеологической плотности нами зафиксированы **существенные** национально-специфические различия.

Чтобы сделать общий вывод о степени выраженности национальной специфики рассматриваемых групп фразеологизмов, воспользуемся шкалой выраженности национальной специфики лексических группировок, разработанной С.В. Колтаковой, и впоследствии уточненной и дополненной С.И. Деркач (Колтакова 2008; Деркач 2011). Согласно данной шкале, если при сравнении двух лексических группировок преобладают несущественные и видимые расхождения в показателях сопоставляемых индексов, то национальную специфику данных групп

можно охарактеризовать как **неярко выраженную**, при видимых и существенных расхождениях национальная специфика характеризуется как **умеренно выраженная**, заметные и существенные различия свидетельствуют о **ярко выраженной** национальной специфике, а гипер- и сверхгиперсущественные расхождения дают основания характеризовать национальную специфику как **гипервыраженную**.

В целом из четырех использованных нами формализованных параметров (*относительная фразеологическая плотность, средний индекс продуктивности одноименных семантических признаков, средний индекс продуктивности эндемичных семантических признаков, средний индекс продуктивности семантического признака*) зафиксированы два **существенных** национально-специфических различия, одно **видимое** и одно **несущественное** расхождение.

Представляется, что в этом случае, как и в случае преобладания **видимых** и **существенных** расхождений, национальная специфика может быть охарактеризована как **умеренно выраженная**. Таким образом, проведенный анализ позволил не только определить степень выраженности национальной специфики фразеологизмов, включающих наименования *горных пород и минералов* в русском и английском языках, но и уточнить шкалу выраженности национальной специфики лексических группировок.

Литература

1. Деркач С. И. Аспекты национальной специфики языка (на материале тематических групп «Политика» в русском и английском языках): Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
2. Колтакова С.В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2008.
3. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – 4-е изд. – М., 1984.
4. Портнихина Н.А. Национальная специфика семантического развития слова (на материале наименований природных явлений и небесных тел в русском и английском языках): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
5. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. — 3-е изд., испр. – М., 2008.
6. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л.А. Войнова и др.; Под. ред. и с послесл. А.И. Молоткова. – 7-е изд., исправл. – М., 2006.
7. Heacock P. Cambridge Dictionary of American Idioms. – Cambridge University Press, 2003.
8. McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs. – McGraw-Hill, 2006.
9. White J. G. Cambridge International Dictionary of Idioms. – Cambridge University Press, 2008.

Заемствования в автомобильной лексике

В русском языке в сфере автомобильной лексики существует большое количество номинаций с продуктивным заимствованным компонентом *авто-*, причем процесс образования таких единиц продолжается: *автобаза, автодорога, автобудущее – автодорожное / автомобильное будущее, автозавод, автозаправка, автокафе, автокинотеатры, автоколонна, автокондиционер, автопарковка / парковка, автокресла, автоломбард, автолюбитель, автокресло/автолюлька (детская), автомобилестояние* (о привычных пробках на дорогах) *автокооператив, автомобилизм – автомобильное дело, автомобильный спорт, автомобилист, автомоделизм, автомоделист, автомодель, автоомоложение, автопилот* (в словосочетании *ехать на автопилоте*), *автостоп, автоцвет* – о любом автомобильном цвете, *автошедевр* – о любом интересном автомобиле (ср. *существующее авточудо* – так говорят обо всем необычном, связанном с автомобилем), *тюнинг, спойлер, молдинг* и мн. др.

Большое количество заимствований обнаруживается среди наименований типов кузова автомобиля: *авант / аванта, автобус, вагон, кабриолет, компакт-вэн, купе, ландо, лимузин, микроавтобус / миниавтобус, мини-автовагончик, мини-вэн, пикап, родстер, седан, универсал фаэтон, фургон, хэтчбек* (ср. также существующие варианты написания: *хечбек, хэтчбек, хэтчбэк, хэчбек*). Многие такие названия пошли от конных экипажей, колясок, а сами экипажи получили наименования от городов: Ландау (Ландау-ин-дер-Пфальц, Германия), Лимузин, Седан (Франция).

Например:

Авант / аванта – о типе кузова автомобиля бренда «Ауди», *автобус* (нем. *Autobus* – многоместный автомобиль вагонного типа для перевозки пассажиров), *вагон* (фр. *wagon* < англ. *waggon* – транспортное средство, предназначенное для перевозки пассажиров и грузов по рельсам).

Кабриолет – фр. *cabriolet* – кузов легкового автомобиля с откидывающимся мягким верхом, представляющим собой складывающийся тент; автомобиль с таким кузовом). Еще в 30-е гг. прошлого столетия это название перешло на автомобиль с открытым прогулочным кузовом, а также с мягким складывающимся тентом и опускающимися боковыми окнами. Первоначально кабриолетом называли двухколесный экипаж с одной лошадью.

Компакт-вэн (от *compact-van* – сжатый по стилю вагончик, небольшой, но вместительный), *микроавтобус / миниавтобус* (гр. *micros* – малый и *автобус*; англ. *mini* < лат. *minimus* наименьший и *автобус* – автобус особо малого класса), *мини-автовагончик* (от *мини* – малый по размеру и

автовагончик - представляет собой капот обыкновенного легкового автомобиля, сзади – небольшой крытый фургон).

Мини-вэн /*минивэн* (от *mini-van* – небольшой вагончик) – маленький грузовой фургон, универсал повышенной вместимости с коротким капотом.

Купе (фр. *coupe*) – закрытый кузов легкового автомобиля с двумя дверями, двух- или трехобъемный салон разделен с багажником. Данный тип распространен на дорогих автомобилях (как и кузов *родстер*).

Лимузин – тип кузова представительского автомобиля с перегородкой (чаще всего – подъемное стекло) между первым и остальными сиденьями.

Пикап (англ. *pick-up* < *pick up* подбирать) – небольшой автомобиль для перевозки грузов и пассажиров с открытым или закрытым кузовом, установленным на шасси стандартного легкового автомобиля, с сиденьями вдоль бортов и входом сзади.

Седан (от назв. фр. г. Седан (*Sedan*)) – тип закрытого кузова легкового автомобиля с четырьмя дверями и двумя рядами сидений.

Фургон (фр. *fourgon*) – закрытый кузов грузового автомобиля или прицепа; автомобиль (прицеп) с таким кузовом.

Хечбек (англ. *hatch* – дверца, крышка люка и *back* – задний) – закрытый кузов легкового автомобиля с наклонной открывающейся вверх задней дверью и багажником внутри пассажирского салона.

Среди способов словообразования в приводимых словах выделяется сложение: *компакт-вэн* (*компакт* и *вэн*), *мини-вэн* (от *мини* и *вэн*). Необходимо отметить тот факт, что некоторые названия еще недостаточно упрочились в существующей традиционной российской классификации кузовов. Это касается слов *компакт-вэн* и *мини-вэн*. Такие слова близки по значению, но все же не являются полными синонимами: кузов *компакт-вэна* более вместителен, чем кузов *мини-вэна*. Метонимический перенос, основанный на перенесении названия целого – части, наблюдается у всех слов приведенных наименований, ведь говоря о типе кузова, иногда подразумевают и сам автомобиль (Розенталь 2002, с. 27).

Рассмотренные примеры показывают, что автомобильные заимствования необходимы русскому языку – прежде всего, автомобильной терминологии. Они не дублируют русские термины, а называют новые предметы и концепты для русской действительности, для русской автомобильной промышленности.

Автомобильные заимствования хорошо осваиваются русским языковым сознанием и обогащают лексическую систему русского языка, формируют специальную терминологию

Литература

1. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. – М., 2002.

Раздел 3.

Сопоставительные исследования в области грамматики и фонетики

А.А. Буренин, В.Л. Завьялова

Сопоставительный анализ фонетического строя непальского и английского языков

Развитие внешнеэкономических и политических отношений России со странами Юго-Восточной Азии и, в частности, с Непалом, определяет необходимость изучения особенностей ведения коммуникации на английском языке-посреднике в этом регионе. Следует отметить, что произносительные особенности разновидностей английского языка на территории Непала практически не изучены. Практическая значимость такого исследования обусловлена, с одной стороны, задачами подготовки переводчиков английского языка, работающих с представителями Непала, и потребностью лингвистического обоснования методических приемов обучения английскому языку граждан Непала в российских университетах, с другой. В настоящей статье представлены результаты анализа языковой ситуации в Непале, сопоставительного анализа вокалических и консонантных систем контактирующих языков (английского и непали), а также данные теоретического и экспериментально-фонетического исследования фонетических особенностей организации английской речи носителями языка непали.

Несмотря на небольшие размеры территории (140800км²) и относительно невысокую численность населения (~27 млн.), Непал отличается значительным лингвистическим разнообразием: в языковом ландшафте страны представлено около 125 языков из двух языковых групп: индоарийской и тибето-бирманской (Чаухан 2001, Габорио 2013, Калинин 2013)¹¹. Большинство языков ограничены небольшими районами, при этом численность говорящих на них жителей не превышает 20 тысяч человек. Наиболее распространенными языками являются непали, майтхили, бходжпури и таманг. Непали¹², государственный язык королевства, принадлежит к индоарийской языковой группе и является

¹¹ Для сравнения: в России, которая больше Непала по территории в 121 раз, а по численности населения в 5 раз, представлен 101 язык.

¹² Непали является официальным в индийском штате Сикким и довольно широко распространен в Бутане.

родным для 49% (более 11 млн. человек) граждан Непала. Непали очень близок к хинди, но более консервативен: в отличие от хинди, в нем значительно меньше заимствований из персидского и английского языков и больше из тибето-бирманских языков, благодаря чему непали намного меньше отделился от санскрита. На языках майтхили и бходжпури, которые до недавнего времени считались диалектами хинди, говорит около 17% (4.4 млн. чел.) населения, преимущественно в южных, приграничных с Индией, районах.

Таманг – наиболее широко употребляемый язык тибето-бирманской группы – является родным для 6% (1.2 млн. чел.) населения Непала и распространен в основном в центральной части страны. Большое языковое разнообразие Непала в условиях развития и расширения межрегиональных контактов обуславливает функционирование билингвизма и полилингвизма, что, в свою очередь способствует появлению в контексте коммуникации внутри страны такого явления как «кодовое переключение», при котором имеет место попеременное использование элементов двух или более языков в рамках одного коммуникативного акта (Kamwangamalu 1999).

С ростом глобализации, увеличением контактов с представителями различных стран мира, жители Непала, как и других стран Юго-Восточной Азии, осознали необходимость владения глобальным языком-посредником для успешного осуществления межкультурного взаимодействия. Возрастание интереса к изучению английского языка в Непале во многом обусловлено огромными потоками иностранных туристов, стремящихся посетить многочисленные горные вершины Непала¹³. На сегодняшний день все непальцы, кто имеет дело с иностранными туристами, достаточно хорошо владеют английским языком. Следует отметить, что преподавание английского языка в государственных школах Непала началось относительно недавно, с начала 1950-х годов, а до этого времени ограничивалось лишь обучением членов королевской семьи (Bista 1999).

В рамках теории мировых разновидностей английского языка непальский английский выделяется в группу разновидностей расширяющегося круга (Kachru 1985). Непальский региональный вариант характеризуется рядом особенностей на всех языковых уровнях, обусловленных результатом интерферирующего влияния непали (и других многочисленных языков Непала). Сравнительная характеристика вокалических и консонантных систем английского и непали свидетельствует о наличии ряда различий фонетического строя

¹³ Королевство Непал расположено в центральной части Большого Гималайского хребта, где находятся 8 из 14 высочайших горных пиков мира.

контактирующих языков¹⁴. Ниже представлена таблица, отражающая выявленные звуковые различия в английском языке и непали (Acharya 1991).

**Таблица 1. Различия в фонемном составе
английского языка и непали**

	Английский язык		Непали	
Согласные	p, b, t, d, k, g, m, n, f, v, θ, ð, s, z, ʃ, ʒ, tʃ, dʒ, r, l, ŋ		p, p ^h , b, b ^h , t, t ^h , d, d ^h , t̪, t̪ ^h , d̪, d̪ ^h , k, k ^h , g, g ^h , ʃ, ʃ ^h , j, j ^h , m, n, ŋ, s, r, l	
Полугласные	h, w, y		h, w, y	
Гласные	Краткие	ə, ɪ, e, ʊ, ʌ, æ, ɒ	Ротовые	ə, a, ɪ, u, e, o
	Долгие	i:, u:, o:, ɑ:, ɜ:	Носовые	ə ⁿ , a ⁿ , ɪ ⁿ , u ⁿ , e ⁿ
Дифтонги	eɪ, aɪ, ɔɪ, aʊ, ɪə, ʊə, eə		əɪ, aɪ, uɪ, eɪ, oɪ, əu, au, ɪu, eu, ou	

Таким образом, можно отметить, что в непальском языке отсутствуют соответствия следующим английским согласным: /f, v, θ, ð, z, ʃ, ʒ/, в то время как в английском языке нет соответствий следующим непальским согласным: /p^h, b^h, t^h, d^h, t̪, d̪, t̪^h, d̪^h, k^h, g^h, ʃ^h, j^h/. Альвеолярные взрывные /t, d/ в английском языке фонетически идентичны непальским альвеолярным взрывным /t̪, d̪/. Звуки /t̪, d̪/ в непальском языке являются закрытыми дублетами альвеолярных /t, d/ в английском языке. В непальском языке также присутствуют дентальные /t, d/. Английский язык содержит десять фрикативных звуков /f, v, θ, ð, s, z, ʃ, ʒ, ɰ, ʝ/, в то время как непальский язык содержит всего один /s/. В обоих языках есть придыхательные глухие согласные, однако в английском языке аспирация носит фонетический характер, а в непальском языке – фонематический. В непальском языке придыхательными также являются аффрикаты. Непальский язык имеет наборы как глухих, так и звонких придыхательных согласных /p^h, b^h, t^h, d^h, t̪^h, d̪^h, ʃ^h, ʝ^h, k^h, g^h/, в английском же присутствует только набор глухих придыхательных

¹⁴ Непали и английский языки относятся к одной семье индоевропейских языков, при этом непальский язык входит в группу индо-иранских языков, а английский язык - в группу германских.

согласных /p, t, k/. Придыхательные согласные в непали фонематически контрастируют с непридыхательными, например, в следующих минимальных парах¹⁵ слов: *ken* ‘большой барабан’ – *k_hen* ‘рана’; *dama* ‘завершать’ – *d_hama* ‘падать, спускаться’; *tsumma* ‘уменьшаться в размере, морщиться’ – *ts_humma* ‘тонуть, связывать’ и т.д.

В составе гласных английский и непальский языки обнаруживают как сходства, так и отличия. В непали нет соответствия английскому гласному /з:/, а также нет оппозиции кратких и долгих гласных, которые в английском языке отличаются не только по длительности звучания, но и по качеству. С другой стороны, носовые гласные в непальском языке имеют фонематический статус и противопоставлены в звуковой системе ротовым гласным, а в английском языке назализация гласных может выступать только как дополнительный (иногда индивидуальный или диалектный) фонетический признак. Следует отметить также, что словесное ударение в английском языке является просодическим явлением, которое в некоторых случаях может выступать исключительным средством дифференциации разных лексем, различных частей речи (глагола и существительного), сложного слова и словосочетания. В непальском языке подобная функция ударения отсутствует.

Таким образом, методом сравнительного анализа были выявлены различия вокалических и консонантных систем, а также особенности словесной просодии двух контактирующих языков, которые могли бы объяснить специфику звучания английской речи носителей непальского языка (говорящих на мезолектном уровне). Прогнозные явления интерферирующего влияния английского языка и непали в дальнейшем исследовании сравнивались с реальными речевыми образцами английской речи в реализации дикторов – носителей непали.

В качестве материала практического исследования послужили видеозаписи выступлений представителей Непала, сделанных на международной конференции *Learning Languages – Building Communities* (Владивосток, 2012), а также ресурсы сети Интернет. Акустические характеристики непальского английского анализировались с помощью программы Praat, предназначенной для речевых исследований (Boersma, Weenink 2013). В результате проведенного анализа удалось выявить ряд отклонений в английской речи дикторов – носителей непали от произносительных норм английского языка. Вследствие влияния произносительных особенностей родного языка на произнесение английских звуков непальцами возникают определенные проблемы с

¹⁵ О методе минимальных пар для доказательства фонематического статуса звуков речи см. Зиндер 1970

фонематической дифференциацией звуков в английском языке, а в некоторых случаях имеет место их полная замена звуками фонетической системы родного языка. Поскольку фонетические системы контактирующих языков имеют значительные расхождения как по составу, так и по системным взаимоотношениям, фонетические трансформации в английской речи дикторов, говорящих на непальском языке, приводят к изменению звукового облика отдельных слов и фразы в целом, серьезно затрудняя коммуникацию. Например, в непальском английском отмечаются следующие изменения в произнесении согласных и гласных звуков на английском языке:

Согласные: $\int > s$, $\delta > d$, $p > b$, e.g. *ship* [$\int p$] $>$ [$s p$], *this* [δs] $>$ [$d s$], *paste* [$p e \int st$] $>$ [$b e (t) st$].

Гласные: $i > e$, $\text{ɔ} > a$, $\Lambda > a$, $ju > u$, e.g. *mission* [$'m i \int \text{ə} n$] $>$ [$me \int \text{ə} n$], *also* [$'\text{ɔ} : l s \text{ə} \text{ʊ}$] $>$ [$al s \text{ɔ}$], *much* [$m \Lambda t \int$] $>$ [mat'], *documents* [$'d \text{ɔ} k j u m \text{ə} n t s$] $>$ [$d \text{ɔ} k u m \text{ə} n t s$].

Дифтонги: $\text{ə} \text{ʊ} > o$, $e i > e$, e.g. *home* [$h \text{ə} \text{ʊ} m$] $>$ [$h o m$], *made* [$me i d$] $>$ [med].

Проблемы с дифференциацией кратких и долгих гласных $i/i:$, eg. *sick* [$s i k$] $>$ [$si:k$], *lick* [$l i k$] $>$ [$li:k$].

Произношение звуков, которые должны редуцироваться, e.g. $/r/$ - *survey* [$'s \text{ɜ} : ve i$] $>$ [$'s \text{ɜ} r ve i$], и, напротив, редуцирование некоторых звуков, e.g. $/g/$ - *language* [$'l \text{æ} \eta g w i d \text{ʒ}$] $>$ [$'l \text{æ} \eta w i \theta$].

Имеются тенденции к смягчению и озвончению согласных звуков $/l, t/$, e.g. *Nepal'*, *male* [$me l'$], *set'*, etc.

Нарушения на сегментном уровне зачастую сопровождаются супraseгментными модификациями на уровне фразы: служебные слова, которые являются неударными в нормативном английском языке, получают в речи непальцев излишнее ударение; постепенно-нисходящий мелодический контур, свойственный английской интонации, заменяется изрезанным контуром с неожиданными подъемами и падениями в середине интонационной группы.

Проведенный анализ фонетических особенностей английского языка в Непале показывает, что произносительная специфика в английской речи непальцев может вызывать трудности в понимании в условиях межкультурной коммуникации на лингва франка. Это подчеркивает необходимость дальнейшего глубокого изучения этой региональной разновидности, ее детального описания и выработки методических рекомендаций для подготовки переводчиков и других специалистов-коммуникантов, работающих в АТР в современных условиях. Результаты проведенного исследования позволяют наметить пути к лингвистическому обоснованию методики обучения произношению сопоставляемых языков.

Данные исследования могут быть использованы при составлении словарно-справочных материалов, описывающих современный английский язык и его варианты. Полученные результаты могут способствовать дальнейшей разработке проблемы двуязычия, а также вопросов, связанных с контрастивным описанием звуковых систем типологически несходных языков.

Литература

1. Габорио М. Непал и его жители. Этнография и культура Непала. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.geografia.ru/nepali.html> (дата обращения: 28.03.2013 г.).
2. Зиндер Л. Р. О «минимальных парах» // Язык и человек: Сб. статей памяти профессора Петра Саввича Кузнецова (1899 – 1968). Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. – Вып.4. – М., 1970. – С. 105-109.
3. Калинин Д. Энциклопедия Непала. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.innepal.ru/page-id-4.html> (дата обращения: 05.04.2013г.).
4. Чаухан Д. Б. Анализ фонетико-фонологической системы непальского языка в сопоставлении с русским: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2001.
5. Acharya J. A Descriptive Grammar of Nepali and an Analyzed Corpus. – Georgetown University Press, 1991.
6. Bista K. Teaching English as a Foreign/Second Language in Nepal: Past and Present // English for Specific Purposes World. – Issue 32. – Volume 11, 2011. – P.1-9.
7. Boersma P., Weenink D. Praat. Phonetic Sciences, University of Amsterdam Spuistraat 210 1012VT. – Amsterdam, the Netherlands. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fon.hum.uva.nl/praat/> (дата обращения: 17.03.2013г.).
8. Kachru B.B., Smith L.E. Editorial // World Englishes, 1985. – Vol. 4. –No. 4. P. 209-212.
9. Kamwangamalu N. M. The state of codeswitching research at the dawn of the new millenium: focus on the global context//South African Journal of Linguistics, 1999. –Vol. 17. – P. 256-278.

В.Ю. Копров

Вид и время как компоненты семантико-функционального поля темпоральности во французском языке на фоне русского

Категории вида и времени глагола в русском и французском языках настолько тесно связаны между собой, что образуют единую систему: в ее составе видовые морфологические показатели одновременно служат

временными показателями и наоборот, а в семантическом отношении видовые значения наслаиваются на временные значения.

Категория вида обычно определяется как лексико-грамматическая категория, которая передает характеристику протекания действия или процесса, обозначенного глаголом, – повторяемость, длительность, многократность, мгновенность, результативность, завершенность – незавершенность или предельность действия, то есть отношение действия к его внутреннему пределу; см. об этом подробнее (Бондарко 1971; 1984).

В древнерусском языке категория вида была значительно менее развита, чем в современном, вследствие чего язык имел более широкую номенклатуру временных форм. Развитие средств выражения вида началось с возникновения и постепенного роста числа приставочных глаголов, в которых приставки, присоединяясь к основе глагола с общим значением действия или процесса, придавали ему дополнительное значение перфективности. Постепенно этот способ получал все более широкое распространение, и использование синонимичных временных форм (аориста и имперфекта) становилось ненужным. Сохранился только перфект, выражавший совершенное действие, например *ходилъ есмь*, *ходилъ еси*, *ходилъ (есть)*, который впоследствии в результате отпадения вспомогательного глагола превратился в форму прошедшего времени современного русского языка.

В современном русском языке основные видовые различия проходят по линии выражения отношения действия к своему внутреннему пределу, в связи с чем выделяются два вида: несовершенный и совершенный. Несовершенный вид выражает действие в его течении, в процессе совершения, без какого-либо указания на его предел (*писать*, *читать*, *говорить* и т. д.). Совершенный вид выражает действие, ограниченное пределом совершения в какой-либо момент его осуществления или же сообщаящее результат данного действия или процесса (*написать*, *прийти*, *сказать* и т. д.).

Категория времени выражает отношение действия к моменту речи, принимаемому за точку отсчета. В рамках данной категории различаются абсолютные и относительные формы времени.

Абсолютные формы не зависят от других временных форм в предложении и определяются соотношением с моментом речи: форма настоящего времени обозначает действие, совпадающее с моментом речи; форма прошедшего времени выражает действие, совершившееся до момента речи; форма будущего времени передает действие, которое совершится после момента речи.

Относительные формы времени обозначают действия, рассматриваемые не с точки зрения момента речи, а с точки зрения другой временной формы или момента, принятого за точку отсчета.

В древнерусском языке категория времени характеризовалась большим

числом форм, чем в современном языке, что объясняется слабым развитием категории вида в тот период. Категория времени складывалась из следующих форм: настоящего времени – *веду, ведешь, vede(ть)* и т.д.; имперфекта – *ведяхъ, ведяше, ведяше* и т.д., выражавшего действие длительное или повторяющееся в прошлом; аориста – *ведохъ, ведё, ведё* и т. д., выражавшего мгновенное действие в прошлом; перфекта – *есмь вель, есмь вела, еси вель, еси вела* и т.д., передававшего результирующий характер действия; давнопрошедшего – *бяхъ вель, бях вела, бяше вель, бяше вела* и т.д.; будущего, которое ранее было простым, и преждебудущего – *буду вель, буду вела* и т.д., называвшего действие, которое произойдет до другого действия в будущем и соотнесено с ним. Последующее развитие форм категории вида привело к постепенному отмиранию имперфекта и аориста и к расширению семантики форм перфекта, который приобрел способность выражать значение совершенного вида, если глагол имел приставку, например: *принес, отвел* и т.д., и значение несовершенного вида, если глагол не имел приставки, например: *нес, вел* и т. д.

Таким образом, в отношении категорий вида и времени русский язык изменил свою типологию за счет развития форм категории вида, которая пронизывает все формы глагола, с одной стороны, и за счет исчезновения ряда форм категории времени – с другой. В результате в современном русском языке видовременная система представлена пятью формами активного залога и шестью формами пассивного залога.

**Таблица 1. Видовременная система современного русского языка
(активный залог)**

ВРЕМЯ	ВИД	
	Несовершенный	Совершенный
Настоящее	<i>Я пишу</i>	-
Прошедшее	<i>Я писал</i>	<i>Я написал</i>
Будущее	<i>Я буду писать</i>	<i>Я напишу</i>

**Таблица 2. Видовременная система современного русского языка
(пассивный залог)**

ВРЕМЯ	ВИД	
	Несовершенный	Совершенный
Настоящее	<i>Книга пишется</i>	<i>Книга написана</i>
Прошедшее	<i>Книга писалась</i>	<i>Книга была написана</i>
Будущее	<i>Книга будет писаться</i>	<i>Книга будет написана</i>

Как видим, наличие в русском языке категории вида сказывается на оппозиции в его синтаксисе пассивных вербальных (несовершенного вида) и партиципиальных (совершенного вида) конструкций.

Во **французском языке** время и вид настолько тесно связаны между собой, что лингвисты до сих пор продолжают спорить о категориально-грамматической принадлежности ряда глагольных форм. Как показал обзор литературы вопроса, о соотношении данных категорий высказывались по меньшей мере три мнения:

1) наклонение, время и вид составляют одну общую сверхкатеорию TAM (temps – aspect – modalité) (Guillaume 1969);

2) время и вид объединяют в одну категорию, тогда как наклонение выделяют в особую категорию; здесь наблюдаются два подхода:

а) Л. Теньер (Теньер 1988), Ж. Дамурет и Э. Пишон (Damourette, Pichon 1970) и другие лингвисты полагают, что вида как отдельной регулярно выражаемой грамматической категории во французском языке не существует, имеется лишь категория времени, формы которой в зависимости от конкретного контекста могут одновременно передавать и видовые значения;

б) П. Имбс считает, что временные и видовые значения в глагольных формах равноправны и образуют единую видо-временную сверхкатеорию, внутри которой вид и время находятся в состоянии равновесия; если одно значение выходит на первый план, то другое при этом как бы затемняется (Imbs 1968).

3) наклонение, время и вид рассматриваются как три отдельные морфологические категории (Dubois 1967; Bonnard 1974).

Мы разделяем подход к описанию видо-временной системы французского языка, обозначенный выше как 2б.

В **категории времени** глагола отчетливо выступает номинативный аспект значения: понятие времени, познанного человеком, преобразуется в грамматическое значение, точкой отсчета для которого является сам момент сообщения о данном действии (момент речи).

Формой выражения категории времени является единица языка, наиболее специализированная для выражения параметров действия-процесса, – глагол. Семантика времени предполагает различную степень обусловленности другими категориально-семантическими признаками глагола (вид, залог, наклонение, время, лицо), где видовое и модальное значения являются для временной семантики определяющими. Вне высказывания глагол представляет собой (как и всякое другое слово вне контекста) лексическую единицу, значение которой сводится к её собственным денотативным и коннотативным характеристикам. Выражаемые глагольными формами временные значения могут быть недостаточно конкретными, поскольку в семантике глагола как номинативной части речи заложена лишь потенциальная временная

характеристика, которая реализуется в составе высказывания и в значительной степени уточняется лексическими средствами и контекстом.

Французский язык, как известно, обладает очень развитой системой глагольных форм. В частности, здесь, в отличие от русского языка, имеются специальные формы для обозначения действия не только относительно момента речи, но и относительно другого временного ориентира. Несмотря на обширную литературу вопроса, проблема описания системы французских глагольных форм до сих пор относится к числу спорных. Особую значимость при рассмотрении проблем категории времени как морфологической категории глагола имеет понятие «категориальных значений» форм времени.

В основе концепции абсолютного и относительного употребления форм времени лежит понятие «грамматическая точка отсчета». Абсолютное и относительное употребление форм времени французского глагола определяется тем, что грамматическая точка отсчета связывается или с моментом речи (абсолютное употребление), или с каким-либо другим моментом, например, временем другого действия (относительное употребление). К абсолютным временам обычно относят *présent*, *futur simple*, *passé composé*, *passé simple*, к относительным – *futur antérieur*, *futur dans le passé*, *plus-que-parfait*. *Imparfait* рассматривают то как абсолютное, то как относительное время.

К восьми формам, которые грамматическая традиция включает в систему индикатива, часто добавляется ещё целый ряд форм: *futur dans le passé – j'écrirais*; *futur antérieur dans le passé – j'aurais écrit*; *passé immédiat – je viens d'écrire*; *passé immédiat dans le passé – je venais d'écrire*; *futur immédiat – je vais écrire*; *futur immédiat dans le passé – j'allais écrire*; *temps surcomposés – j'ai eu écrit j'avais eu écrit* etc. Некоторые лингвисты включают также в систему индикатива и формы *conditionnel* (условное наклонение) в качестве гипотетического будущего: *futur hypothétique – j'écrirais*; *futur hypothétique composé – j'aurais écrit*. Как отмечает В.Г. Гак, для современных теорий характерна многомерность – различение глагольных форм одновременно по нескольким временным и видовым оппозициям. При этом трактовка глагольных форм как видовых не является общепризнанной, поскольку во всех отмеченных выше оппозициях можно видеть и выражение разных временных характеристик действия (Гак 2004, с. 340-342).

Как известно, **вид** – это категория глагола, обозначающая характер протекания действия-процесса. Если конкретные свойства процесса, отражаемые в видовых значениях, выражены в регулярном противопоставлении глагольных форм, они образуют грамматическую категорию вида (например, совершенный и несовершенный вид в русском языке: *делать – сделать*). Если же характеристики действия выражаются средствами словообразования, то эти средства образуют систему способов

действия (*modes d'action, ordres de procès*). Одним из первых о наличии вида (аспекта) во французском языке стал писать Г. Гийом, который различал «внешнее время», соотносящее действие с моментом речи (прошедшее, настоящее, будущее), и «внутреннее время» – длительность самого действия, которое он и назвал видом. Учёный отмечал, что каждая форма глагола определенным образом сочетает в себе «совершенность» и «совершение» действия (Guillaume 1969, с.24). Сторонниками аналогичной концепции являются М. Гревис (Grevisse 1993), Ж. Дюбуа (Dubois 1964), П. Имбс (Imbs 1968) и другие исследователи.

Среди лингвистов, занимающихся проблемой вида во французском языке, распространена точка зрения, согласно которой личные формы глагола, выражающие вид, постепенно стали вытесняться формами аналитическими, что и привело к выдвиганию на первый план в видо-временной системе французского глагола категории времени (Imbs 1968, с. 149).

В теории грамматики французского языка сложились два мнения относительно категориальной видовой семантики темпоральных форм глагола. Представители первого направления полагают, что категория вида выражается оппозицией простых и сложных времен (Guillaume 1972, с. 15-21). Второе направление рассматривает видовую категорию как противопоставление линейных и точечных времен (Martin 1971, с. 57-94). По разделяемому нами мнению В.Г. Гака, при анализе категории вида необходимо учитывать обе грамматические оппозиции: и противопоставление *imparfait / passé simple*, и корреляцию простые / сложные временные формы (Гак 2004, с. 333).

Таким образом, учитывая сложность и многомерность системных взаимосвязей семантических и синтаксических категорий во французском языке, в русле семантико-функционального подхода представляется целесообразным говорить о категориях времени и вида как о едином комплексе – **семантико-функциональном поле темпоральности**. Центр данного поля представлен здесь категорией времени – противопоставленными друг другу рядами грамматических форм глагола с дифференциальными семантическими признаками одновременности, предшествования или следования по отношению к моменту речи или иной точке отсчета. Компоненты временных значений особым образом взаимодействуют и тесно переплетаются с видовыми, что и обуславливает существенную специфику грамматической системы французского языка.

Литература

1. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. – Л., 1971.
2. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. – Л., 1984.
3. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М., 2004.
4. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М., 1988.

5. Bonnard H. De la linguistique à la grammaire. – P., 1974.
6. Damourette J., Pichon E. Dès mots à la pensée // Essai de grammaire française. – P., 1970. – Vol. V.
7. Dubois J. La traduction de l'aspect et du temps dans le code français // Le français moderne. – 1964. – P. 1-26.
8. Dubois J. Grammaire structurale du français: le verbe. – P., 1967.
9. Grevisse M. Le bon usage: Grammaire française avec des remarques sur la langue française d'aujourd'hui. – P., 1993. – Treizième éd., revue.
10. Guillaume G. Langage et science du Langage. – P., 1969.
11. Guillaume G. Temps et verbe. Introduction // Théorie de grammaire française. Recueil de textes. – P., 1972. – P. 133-140.
12. Imbs P. L'emploi des temps verbaux en français moderne // Essai de grammaire descriptive. – P., 1968.
13. Martin R. Temps et aspects. Essai sur l'emploi des temps narratifs en moyen français. – P., 1971.

А.Б. Пешкова

Влияние ситуации общения на использование восклицательных высказываний русскими и американцами

Как известно, восклицательное предложение является основным синтаксическим средством, служащим для выражения эмоций человека на окружающую действительность (Иванова 1981, с.176; Блох 2000, с.248; Паничева 2004, с. 7 и др.). Данная единица характеризуется эмотивной интенцией (вербальное выражение эмоций), а иногда и эмоциональной интенцией (вербальное и невербальное выражение эмоций).

В коммуникации восклицательные предложения приобретают статус высказываний, специфика которых заключается в комплексном характере целеустановки, объединяющей коммуникативную и эмотивную интенции.

На использование русских и английских восклицательных высказываний влияют различные характеристики ситуации общения. Представляется интересным проанализировать данные высказывания с точки зрения влияния “места”, “обстановки” общения и “пространственной дистанции”, поскольку данные факторы оказывают воздействие на частотность их использования.

Материалом исследования послужили 4000 русских и 4000 английских восклицательных предложения, извлечённых методом сплошной выборки из художественных и публицистических произведений современных русских и англоязычных писателей, преимущественно американских. Выборка проводилась на основе таких критериев, как наличие восклицательного знака в конце предложения или реплики автора типа: он воскликнул, закричал и др.

Что касается места общения, и в русской, и в англоязычной коммуникации среди персонажей анализируемых произведений восклицательные высказывания чаще всего употребляют:

1) дома (26% в русском и 19% в английском): бизнесмен Печенкин кричит своему сыну: «**Эй, ты, коммуняка, иди сюда!**» (В. Залотуха «Последний коммунист»); Фло говорит своему знакомому, которого пригласила к себе домой: ***“If you make love anything like the way you kiss, it would simply be too much, just simply too much!”*** (С. Bukowski “The Devil was Hot”);

2) на работе (25% в английском и 18% в русском): директор детективного бюро не желает видеть своего подчиненного, так как тот накануне ударил его: ***“I didn’t say come in here. Now get out!”*** (М. Connolly “The Last Coyote”), начальник сельхозуправления предлагает фермерам землю: ***«Берите! ... Чего молчите, мужики!»*** (Б. Екимов «Люди и земля»);

3) на улице (15% в русском и 10,5% в английском): няня кричит на улице: ***«Серезжа! Подожди!»*** (С. Шаргунов «Ура!»); Дэвид кричит панку: ***“Twenty thousand! I need to get to the airport!”*** (D. Brown “Digital Fortress”);

4) в гостях у знакомых и друзей (13% в русском и 9,5% в английском): Юлия говорит переводчику Агееву, к которому пришла в гости: ***«Вы только не подумайте... Я ведь готовить умею! И стирать. Шить даже... Меня мама учила»*** (А.А. Яковлев «Домашние люди»); Констанция в гостях у друга жалуется ему на мать своего парня, которая лезет в их отношения: ***“Like I was a big bad whore stealing her son away from her!”*** (С. Bukowski “A Man”);

5) в местах отдыха и развлечения (11% в русском и 7,5% в английском): в кафе Макдональдс Снежана говорит своему знакомому Илье: ***«Отгадай загадку! Слово из трёх букв, в котором можно сделать три ошибки, а смысл всё равно остаётся!»*** (В. Залотуха «Последний коммунист»); в кафе Гарри жалуется на сына своему другу: ***“Just last night I tried to talk to the kid in a friendly fashion and all he did was bitch about Toyotas. The company that feeds us, that saved him and his old man and his shady little crook of a grandfather from being bums, and all he does is complain about how Toyotas aren’t Lamborghinis!”*** (J. Updike “Rabbit at Rest”);

6) в транспорте (9,5% в английском и 6% в русском): в самолете профессор иконологии в Гарварде говорит пилоту: ***“I thought you said the lab was only an hour away!”*** (D. Brown “Angels and Demons”); в машине Сергей Углов говорит своим друзьям: ***«Я там был один раз, на свалке этой... Там свои люди. Нас сразу заметят. Налетят, избыют. Жизнь дороже денег!»*** (А. Слаповский «День денег»);

7) в лечебных заведениях (9% в английском и 4% в русском): пациент говорит отцу, который начал ругать его девушку: ***“You son of a bitch, one more word out of you and I’m going to take this needle out of my arm and get***

up and whip the shit out of you!” (C. Bukowski “Confession of a Man Insane Enough to Live with Beasts”); в психиатрической клинике врач говорит Даниилу, который собрался уходить: **«Товарищ, товарищ! Погодите»** (В. Глоцер «М. Дурново»);

8) прочее – в магазине, вокзале, аэродроме, библиотеке и т. д. (10% в английском и 7% в русском): на вокзале во время взрыва ранило жену Пола, он зовет Джона, так как верит, что он сможет помочь: **“JOHN COFFEY!”** (S. King “The Green Mile”); в тюрьме жена говорит мужу, который не узнаёт её: **«Коля! что ты! что ты выдумываешь?!»** (В. Глоцер «М. Дурново»).

Таким образом, русские чаще всего используют восклицательные высказывания дома, на улице, в гостях и в местах отдыха и развлечения, в то время как носители английского языка – на работе, в транспорте и в лечебных заведениях.

Что касается пространственной дистанции, то и русские, и английские восклицательные высказывания чаще всего используют люди, находящиеся на небольшом расстоянии друг от друга (как правило, в одной комнате, аудитории, зале кафе и т.д.) – 75% в русском и 70% в английском языках. Например: бизнесмен Владимир Иванович говорит сыну, с которым они находятся дома, в гостиной: **«Мы хотели, чтобы не видел ты всей этой грязи!»** (В. Залотуха «Последний коммунист»); работник разведки говорит пилоту самолета, с которым рядом сидит, о том, сколько времени займет дорога до базы: **“That’s a four-hour flight!”** (D. Brown “Deception Point”).

Коммуниканты могут также использовать русские и английские восклицательные высказывания, находясь на большом расстоянии друг от друга (например, в разных помещениях, на улице на расстоянии 30 метров и более друг от друга, при разговоре по телефону и др.). Однако количество таких примеров в обоих языках невелико (30% в английском и 25% в русском). Например, дети ушли гулять за пределы фермы, и отец их зовет: **“Kids!”** (S. King “The Green Mile”), Том отверг свою бывшую любовницу и ушел к себе в кабинет, а она кричит ему, выражая сильный гнев, злость, ярость: **“I’ll fucking kill you for this!”** (M. Crichton “Disclosure”); на улице Снежана зовёт бабушку, которая находится в здании Совета ветеранов: **«Ба!»** (В. Залотуха «Последний коммунист»), дети, находясь в своей комнате, зовут гувернантку, которая вышла из квартиры: **«Mamy! Mamy!»** (В. Глоцер «М. Дурново»).

Итак, русские и английские восклицательные высказывания чаще всего используются коммуникантами, находящимися на небольшом расстоянии друг от друга. Говорящие употребляют восклицательные высказывания, находясь на большом расстоянии друг от друга, в случаях отсутствия необходимого человека, срочного сообщения важной информации или выражения сильных эмоций.

Анализ обстановки общения при использовании восклицательных высказываний показал, что коммуниканты, как правило, используют восклицательные высказывания в неофициальной непринужденной обстановке, лишенной всякой натянутости, очень свободной (85% в русском и 78% в английском). Например: в буфете дворца культуры телохранитель Седой говорит студенту, которого охраняет: «**Охранял! Ловил! ... А теперь я каждый день по телевизору вижу шпионов этих! Шпионы...**» (В. Залотуха «Последний коммунист»); в отеле, увидев по телевизору своего знакомого телеведущего, модель Келли воскликнула, сообщая своей подруге: «**It's Ben!**» (S. Heldon «Are You Afraid of the Dark»).

Говорящие могут также употреблять восклицательные высказывания в полуофициальной обстановке. Однако количество таких примеров невелико (15% в английском и 10% в русском). Например, в кабинете у директора исследовательского института биофизик Виттория говорит ему по поводу похищенного антивещества: «**Director, we need help. We need to find that trap and get back here before someone gets hurt. We have a responsibility!**» (D. Brown «Angels and Demons»); солдат кричит командиру батареи: «**Таац комбат, вызывают!**» (А.И. Солженицын «Желябугские высылки»).

Совсем редко коммуниканты используют восклицательные высказывания в официальной, формальной обстановке, которая предполагает соблюдение всех правил и формальностей обстановке (7% в английском и 5% в русском). Например, на пресс-конференции сенатор говорит депутату от партии оппозиции: «**I am saying that the space race is over! Times have changed.**» (D. Brown «Deception Point»); на собрании командир требует координаты расположения противника: «**Давайте координаты!**» (А.И. Солженицын «Адлиг Швенкиттен»).

Таким образом, восклицательные высказывания в русском и английском языках употребляются в неофициальной, непринужденной обстановке. Использование восклицательных высказываний в полуофициальной и официальной обстановке минимально.

В целом при анализе таких характеристик ситуации общения, как «обстановка», «пространственная дистанция» и «место общения» выявляется следующее. Восклицательные высказывания в русском и английском языках, как правило, используются в неофициальной, непринужденной обстановке, при этом коммуниканты находятся на небольшом расстоянии друг от друга. Русские чаще американцев используют восклицательные высказывания дома, на улице, в гостях и в местах отдыха, в то время как американцы чаще употребляют данные высказывания на работе (в ситуации неофициального общения), в транспорте и в лечебных заведениях. Использование восклицательных высказываний в полуофициальной и официальной обстановке минимально.

и вызвано особенностями ситуации, которая «провоцирует» говорящих на выражение сильных эмоций.

Литература

1. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка: Учеб. Пособие. – М., 1981.
2. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка: учеб. пособ. – 3-изд., перераб. и доп. – М., 2000.
3. Паничева П.Н. Структурно-семантические и прагматические характеристики восклицательных предложений в английской диалогической речи (в свете антропоцентрической парадигмы): автореф. дисс. ... канд. филол. наук.– Ставрополь, 2004.

В.А. Шкунников

Особенности передачи интенсивно-результативной семантики в русском и английском языках

Особое место среди средств передачи интенсивно-результативной семантики в русском языке занимают глаголы, образованные посредством приставки *раз-* (*разо-*, *рас-*) и постфиксом *-ся*. При их анализе исследователи обычно отмечают, что эти глаголы обозначают такого рода действия, которые достигают в своём развитии специального результата. Это тот момент, где мнения (самые порой разные) сходятся. Дальше, однако, возникают разногласия: одни исследователи полагают, что такого рода глаголы обозначают интенсивное начало действия, другие, наоборот, считают, что в данном случае речь идёт о постепенном нарастании интенсивности действия. Так, по мнению В.И. Даля указанные глаголы обозначают «сильную, высшую степень действия» (Даль 1978-1980, с. 12). Авторы четырёхтомного Словаря русского языка в этом случае констатируют «постепенное нарастание начатого действия и доведение до высокой степени или чрезмерности» (Словарь русского языка 1985-1988, с.583). И лишь 17-томный Словарь Академии наук констатирует у этих глаголов два разных значения: а) постепенное увеличение интенсивности действия: *разговориться*; б) наступление интенсивного процесса протекания действия: *разбегаться*. И действительно, как показывает анализ речевого материала, интенсивность по-разному интерпретируется в семантической структуре глаголов. Например, в предложении: *Я бы тут же разорался, схватился бы за голову, испугал маму* (В. Шукшин) – фиксируется начало интенсивного действия (начал бы сильно кричать). Напротив, в предложении: *Не в пору невежа, ты струны порвал, как раз когда я расплясался* (А. Толстой) – речь идёт об интенсификации уже ранее заданного действия.

Понятно, что в этих условиях вопрос – достигается ли высшая степень интенсивности действия путём постепенного нарастания, или же она возникает сразу – решается однозначно. В первом случае (когда фиксируется наступление интенсивного действия) это процесс, если так можно выразиться, одномоментный, что подчёркивается вводом в высказывание наречия *вдруг*: *В течение того же ночного разговора Нежданов вдруг разгорячился и пришёл в азарт* (И. Тургенев). Во втором случае (когда фиксируется усиление интенсивности ранее начатого действия), соответствующий процесс представлен как разворачивающийся во времени, на что указывает возможное в высказывании наречие *постепенно*: *Постепенно мы разговорились* (Литературная газета № 11, 2011).

Таким образом, в рамках содержательной структуры одного и того же глагола оказываются совмещёнными два разных семантических признака: с одной стороны, в той его разновидности, которую называют начинательно-интенсивной, а с другой – интенсивно-следственный, характеризующий значительную часть глаголов интенсивно-результативного способа действия.

Глаголы данного типа семантически более или менее однородны. Это в первую очередь, глаголы речи, обозначающие ненормативное эмоциональное состояние говорящего, типа *раскричаться, расшуметься, размахаться, разораться, развопится* (начать сильно кричать, шуметь, ахать, орать, вопить): *Никакого порядка у вас в роте нет, капитан! – раскричался он на Жуковского* (А. Степанов). – *Вот...сказал он. Эта опять расшумелась* (В. Шукшин). */Полковой командир/ разорался на него так, что на соборной площади было слышно* (А. Куприн).

К перечисленным глаголам примыкают глаголы, обозначающие звуки, издаваемые животными: *разлаяться, расквакаться, раскудахтаться*, (начать громко лаять, квакать, кудахтать), а также человеком: *расплакаться, расхохотаться, раскашляться* и т.п. – *Ты что рассвистелся, соловей-разбойник?* (Б. Лавренёв); *К вечеру он раскашлялся – совсем занемог* (В. Астафьев); *Из её глаз полились слёзы, и она отвернулась, еле сдерживаясь, чтобы не расплакаться навзрыд* (Э. Казакевич); *Влажная волна густого едкого тумана, хлынув ему в рот, заставила его раскашляться* (А.Куприн). Кроме того, интенсивное начало действия может фиксироваться у глаголов поведения. Это глаголы типа *расхрабриться, разважничаться*: *Марфа Ивановна так раскапризничалась – что хоть из дома беги* (М. Лермонтов).

Значительная часть интенсивно-начинательных глаголов первого варианта соотнесена с обычными начинательными глаголами, которые сами по себе (без соответствующей контекстуальной поддержки) не несут информации об интенсивности или, наоборот, неинтенсивности действия. Ср. *Расплакаться – заплакать, раскричаться – закричать, разораться –*

заорать и т.д. Это, однако, не общее правило, так как в ряде случаев такого рода соотносительности может и не быть. Ср. *раскуражиться, раздурачиться* и т.д. Что же касается второго варианта интенсивного значения, то оно реализуется сравнительно редко на базе различных по своей семантике глаголов, в частности речи (*разговориться, распеться*), состояния (*разболеться, расхвораться*), движения (*разноситься, разъездиться, разлетаться*) и некоторых других. *Я назвал себя, и мы разговорились* (И. Тургенев) *Никак совсем разболелся?* Заметила Настасья, не спускавшая с него глаз... (Ф. Достоевский); *У него разболелись зубы, сделался плюс и огромный нарыв – сказала Марья Петровна* (В. Гаршин). *От жары и духоты у неё разболелась голова* (А.Чехов).

При анализе рассматриваемой лексики важно считаться с тем, что приставка *раз-* (*разо-, рас-*) многозначна. Она может сигнализировать не только собственно интенсивный признак, но и другие акциональные признаки. Это, в частности, акциональный признак дезинтегративности, когда глагол, образованный с помощью приставки *раз-* обозначает полное разобщение действием некоторого наличного множества объектов (частей одного и того же вещественного объекта): *распродать* (имущество), *распустить* (студентов на каникулы), *разослать* (письма), *растерять* (друзей) или субъектов того же характера: *разбрестись* (отдыхающие разбрелись по парку), *разлететься* (пернатые разлетелись), *рассыпаться* (звезды рассыпались по ночному небу); и акциональный признак аннулированности результата предшествующего действия: *раздумать, разлюбить, разучиться, разонравиться, распаковать, раскупорить, растянуть, разоружить, расхотеть, разочаровать(ся), разоблачить, расформировать* и т.д. Обыкновенно эти признаки в соответствующих контекстах достаточно строго дифференцируются. Однако иногда они могут совмещаться с уже упомянутыми семантическими элементами.

Интенсивное значение, если так можно выразиться, неустойчиво. С одной стороны, глаголы, фиксирующие усиление интенсивности ранее начатого действия, способны в других конструкциях указывать на начало интенсивного действия. Ср.: *Совсем разболелся старик – неожиданно к вечеру разболелась рука*. С другой стороны, эти же глаголы, приобретают чисто результативное значение и обозначают переход в какое-то новое состояние (*разлениться – стать ленивым; разрумяниться – стать румяным, разозлиться – стать злым* и т.д.).

В отдельных случаях на интенсивное значение наслаивается дополнительный семантический компонент, указывающий на увлечённость субъекта действием: *Я разболтался, уснувшие воспоминания пробудили и увлекли меня* (И. Тургенев); *Борейко распелся и исполнил ещё несколько песен* (А. Степанов);

По общему правилу перфективации интенсивно-результативные глаголы данного типа, присоединяясь к простым производящим глаголам несовершенного вида или к двувидовым глаголам, образуют глаголы совершенного вида: *разговориться, расшуметься, разволноваться, развеселиться, покраснеться* и т.д. В своём подавляющем большинстве они не имеют имперфективных соответствий и употребляются только в совершенном виде. Вторичные имперфективы среди них – явление достаточно редкое, хотя язык и допускает такую возможность при условии совмещения соответствующих признаков. Не вызывает сомнения, что преимущественная одновидовость глаголов данного подкласса находит своё основание в самом характере отношений, складывающейся между их акциональной семантикой и категориальной видовой семантикой, которая по наблюдению В.В. Виноградова, обнаруживает прямую связь “с лексико-семантическим своеобразием словесного материала, со своей лексикологической базой” (Виноградов 1972, с.316). Интенсивно-результативные глаголы с приставкой *раз-* (*разо-*, *рас-*) указывают на некоторую высшую точку в развития действия, обусловленную достижением результата, и это их значение легко совмещается с предельно-целостной семантикой совершенности. Однако учёт лишь одного факта возможного совмещения категориальной и акциональной семантики оказывается недостаточным для объяснения факта видовой соотносительности/несоотносительности. Разнообразие значений, передаваемых глагольными лексемами, затрудняет определение содержания видового противопоставления интенсивно-результативных глаголов, поскольку словари располагают соотносительными видовыми парами типа *разыгаться/разыгрываться, разгореться/разгораться, разрастись/разрастаться, разболеться/разбаливаться*. Как показывает анализ, на данное обстоятельство, кроме собственно значения производного образования, существенное влияние оказывают особенности семантики исходной лексики. Так, М.А. Шелякиным была выделена следующая тенденция: тенденция: глаголы способов действия, образованные от предельных основ, могут иметь парные по виду формы, и, напротив, глаголы способов действия, образованные от непредельных основ, являются, как правило, одновидовыми) (Шелякин 2008,94). Отмечаемая особенность объясняется тем, что предельные глаголы, внутреннее развитие которых связано с достижением определённого, предусмотренного самой природой действия одновероятного результата (Бондарко 2007, с.73), обозначают активные, контролируемые субъектом действия, которые вследствие этого поддаются обобщению с точки зрения целостного/нецелостного обобщения действия. Непредельные же глаголы, которые исключают какую-либо направленность выражаемого ими действия на предопределённый природой самого этого действия результат, лишены вследствие этого той активности, контролируемости действия,

которые могли бы предоставить возможность целостного/нецелостного обобщения действия. Указанным закономерностям подчиняются и производные от таких основ глаголы, сохраняющие специфику исходных основ.

Таким образом, с полным основанием можно констатировать, что соотносительность/несоотносительность интенсивно-результативных глаголов с приставкой *раз-* (*разо-*, *рас-*) сопряжено с понятием предельности/непредельности производной лексики, которая определяет её отношение с категорией вида. Как уже отмечалось, абсолютное большинство проанализированных глаголов ограничивают своё функционирование сферой совершенного вида. Надо, впрочем, считаться с тем, что указанные тенденции действуют не всегда прямолинейно, в том смысле, что конкретные приставочные глаголы могут так или иначе отклоняться от общих закономерностей и функционировать (крайне редко) как в совершенном, так и в несовершенном виде.

Общее для русского и английского языков понятие интенсивной результативности, положенное в основу настоящего анализа, не исключает наличие между ними различий частного порядка. Однако в системе английского глагола обнаруживается абсолютное отсутствие специализированных акциональных морфем, ответственных за реализацию данной семантики в русском языке. В большинстве случаев английский глагол, взятый в изолированном виде, т.е. без контекстного сопровождения, оказывается не в состоянии выразить значение интенсивной результативности, передаваемой в семантической структуре глаголов с приставкой *раз-* (*разо-*, *рас-*): реализация соответствующего значения осуществляется здесь за счёт соответствующего контекста. По этой причине английский глагол, как правило, оказывается не только не в состоянии выразить признак интенсивной результативности, но и никак не реализует признак последовательной распределённости, отчётливо представленный в семантической структуре многих русских глаголов данного структурно-семантического типа.

Нередко в содержательной структуре интенсивно-результативных глаголов, образованных с помощью приставки *раз-* (*разо-*, *рас-*), совмещается признак последовательной распределённости и равнозначный ей в функциональном отношении признак разовости. При переводе таких глаголов на английский язык обыкновенно передаётся значение разовости, тогда как признак последовательной распределённости никак не репрезентируется и обыкновенно домысливается участниками коммуникации, как в случаях: *разговориться* – *get into conversation (with)*, *warm to one's topic*; *раскричаться* – *start shouting, raise a cry*; *разбегаться* – *scamper about*; *разбаливаться* – *become quite ill*; *голова разболелась* – *I have(got) a headache*; *разбушеваться* – *rage, blaster, become enraged, fly into rage*; *разважничаться* – *put on airs, give oneself airs*; *разбраниться* –

quarrel (with), fall out (with); разгорячиться – be blushed (with); разрыдаться – burst into sobs; разорваться – become uproarious, raise a hullabaloo; разгореться – flame up, flare up, разгорелся спор – an argument flared up, страсти разгорелись – feeling ran high, passions flared up; расшуметься – get noisy; расплакаться – burst into tears; раскашляться – have a fit of coughing; расчихаться – sneeze repeatedly; расхохотаться – burst out laughing, раскраснеться – grow/get red in the face, blush; распеться – warm up to singing, etc. Отмечаемое обстоятельство в полной мере отвечает так называемому интерпретационному способу интенсивно-результативной характеристики глагольного действия, когда значения последовательной распределённости и разовости разграничиваются лишь с помощью знания соответствующей ситуации. Обязательное участие контекста и различного рода ситуативных сведений в выражении интенсивно-результативной семантики в английском языке подкрепляется повышением роли грамматических средств, акцентирующих внимание либо на достигнутом действии результата, либо на его длительности и/или развитии во времени.

Литература

1. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис: учебное пособие. – М., 2007.
2. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове): учебное пособие. – М., 1972.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1978-1980. – т.4.
4. Словарь русского языка в 4 т. – Изд-во АН СССР, 1985-1988. – т.3.
5. Шелякин М.А. Категория аспектуальности русского языка: учебное пособие. – М., 2008.

Содержание

Раздел 1.

Теоретические проблемы сопоставительных исследований

- Стернина М.А., Стернин И.А. (Воронеж)** Национальная специфика семантики и сопоставительно-параметрический метод ее исследования с.3
- Маклакова Е.А., Стернин И.А. (Воронеж)** Национальная специфика языка и лингвокультурология с.11
- Книга А.В. (Воронеж)** Денотативная общность лексем и выявление национальной специфики семантики слова (семемный и семный уровень) с.18

Раздел 2.

Сопоставительные исследования в области лексики, фразеологии и концептосфер

- Бабушкин А.П. (Воронеж)** Русские и английские нумеративные фразеологизмы с.24
- Барабушка И.А. (Воронеж)** К вопросу о выявлении национальной специфики сложных концептов (на материале концепта «город» в русском и английском языковом сознании) с.29
- Вострикова И.Ю. (Воронеж)** Особенности национальной специфики микрогрупп «Трудовая деятельность, связанная с тяжелым физическим трудом» в русском и английском языках с.35
- Карпенко И.С. (Воронеж)** Национальная специфика сопоставимых адъективных лексем русского и английского языков с.39
- Колтакова С.В. (Воронеж)** Национальная специфика наименований лиц, занятых в сфере культуры и искусства, в русском и английском языках с.43
- Кочетова Н.В. (Воронеж)** Особенности семантем сопоставимых адвербиальных лексем русского и английского языков с.48
- Кривенко Л.А. (Воронеж)** Аспектный анализ семантем сопоставимых лексем с.55
- Кукина А.В., Костенко Н.В. (Воронеж)** Времена года в русской и английской лингвокультурах с.62
- Кулиш И.А. (Благовещенск)** Контрастивный анализ лексики близкородственных языков с.66

Литвинова Ю.А. (<i>Воронеж</i>) Коммуникативное значение слов <i>город</i> и <i>city</i>	с.71
Малыхина Н.И., Никитина И.Н. (<i>Воронеж</i>) Особенности коммуникативной релевантности наиболее частотных сопоставимых русских и английских глагольных лексем	с.81
Махонина А.А. (<i>Воронеж</i>) Особенности тематической классификации межъязыковых лакун различной частеречной отнесенности	с.85
Мучкаева С.А. (<i>Элиста</i>) Специфика перевода англоязычного литературного антропонима на русский язык	с.95
Перелыгина Я.В. (<i>Воронеж</i>) Французские производные слова с префиксами пространственного значения и их русские соответствия	с.98
Черникова С.Н. (<i>Воронеж</i>) Фразеологизмы, включающие наименования <i>горных пород</i> и <i>минералов</i> в русском и английском языках	с.103
Шаламова Э.В. (<i>Москва</i>) Заимствования в автомобильной лексике	с.112

Раздел 3.

Сопоставительные исследования в области грамматики и фонетики

Буренин А.А., Завьялова В.Л. (<i>Владивосток</i>) Сопоставительный анализ фонетического строя непальского и английского языков	с.114
Копров В.Ю. (<i>Воронеж</i>) Вид и время как компоненты семантико-функционального поля темпоральности во французском языке на фоне русского	с.119
Пешкова А.Б. (<i>Воронеж</i>) Влияние ситуации общения на использование восклицательных высказываний русскими и американцами	с.125
Шкунников В.А. (<i>Воронеж</i>) Особенности передачи интенсивно-результативной семантики в русском и английском языках	с.129

Содержание	с.135
-------------------	-------